Физикализм

Дэниел Столджар

Дэниел Столджар

ФИЗИКАЛИЗМ

****

Daniel Stoljar

PHYSICALISM

Routledge

London and New York, 2010

Физикализм — тезис, что все существующее является физическим, — относится к числу самых спорных идей в философии. Его сторонники утверждают, что в философии нет более важного учения, а противники считают, что его значение сильно преувеличено. В этой книге Дэниел Столджар сосредоточивается на трех основных вопросах: как понимать физикализм, истинен ли он и каково его философское значение. Отвечая на эти вопросы, он рассматривает следующие темы:

- краткая история физикализма и его определения;
- что такое физическое свойство и как физикализм отвечает на вызовы эмпирических наук;
- «дилемма Гемпеля» и связь физикализма с физикой;
- физикализм и ключевые дискуссии в метафизике и философии сознания: супервентность, тождество, мыслимость;
- физикализм и причинность.

В книге представлены краткие итоги глав, аннотированные рекомендации для дальнейшего чтения и словарь специальных терминов. Благодаря этому «Физикализм» особенно полезен тем, кто впервые знакомится с обсуждаемыми проблемами.

Дэниел Столджар — профессор философии Исследовательской школы социальных наук Австралийского национального университета.

У каждой эпохи есть свое *Weltanschauung*, и в значительной части современной философии эту роль играет учение, именуемое «физикализмом».

(Gillett and Loewer 2001: ix)

«*Weltanschauung*» — боюсь, это понятие специфически немецкое, и перевод его на другие языки может вызвать затруднения. Если попытаться определить его, определение, вероятно, покажется вам неуклюжим. По-моему, *Weltanschauung* — это интеллектуальная конструкция, которая, исходя из одной главной гипотезы, позволяет единообразно разрешить все проблемы нашего существования. В ней не остается вопросов без ответа, а всему, что нас занимает, отведено свое место. Нетрудно понять, почему обладание таким *Weltanschauung* относится к числу человеческих идеалов.

(Freud 1995: 783)

Моей матери

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 12
Введение 14
Итоги 27
Рекомендуемая литература 27

Глава 1. Стандартная картина **28**
1.1. Введение 28
1.2. Всеобщий характер физикализма 31
1.3. Физикализм и психофизическая проблема 32
1.4. Место философии среди наук 34
1.5. Философские проблемы как проблемы включения в картину мира 36
1.6. Нейрат и Карнап 38
1.7. Куайн и Смарт 41
1.8. Стандартная картина в пяти тезисах 44
Итоги 45
Рекомендуемая литература 45

Глава 2. Форма и альтернативы **46**
2.1. Введение 46
2.2. Неограниченная квантификация 46
2.3. Ограничение областью партикулярий 49
2.4. Ограничение областью свойств 51
2.5. Фундаментальные свойства 52
2.6. Метафизическое необходимое следование 55
2.7. Некоторые пояснения 58
2.8. Альтернативы 63
Итоги 72
Рекомендуемая литература 73

Глава 3. Исходная концепция **74**
3.1. Введение 74
3.2. Физические объекты и физические свойства 75
3.3. Конец еще до начала? 76
3.4. Кластерные понятия 78
3.5. Понятие физического как кластерное понятие 79
3.6. Исходная концепция 80
3.7. Классический атомизм 82

3.8. Гравитация 84
3.9. Современная физика 86
3.10. Возможен ли атомизм? 91
Итоги 93
Рекомендуемая литература 93

Глава 4. Концепция физической теории 94
4.1. Введение 94
4.2. Как расширить исходную концепцию 95
4.3. Что такое физическая теория? 98
4.4. Две версии концепции физической теории 100
4.5. Актуалистская версия 102
4.6. Физика мира-двойника 103
4.7. Нельзя ли было прийти к этому выводу быстрее? 105
4.8. Поссибилистская версия 106
4.9. Как скорректировать поссибилистскую версию 107
4.10. Как скорректировать актуалистскую версию 112
4.11. Еще четыре предложения 113
4.12. Аргумент двух последних глав вкратце 118
Итоги 119
Рекомендуемая литература 120

Глава 5. Дилемма Гемпеля 122
5.1. Введение 122
5.2. Еще раз о концепции физической теории 122
5.3. Что такое идеальная теория? 124
5.4. Формулировка дилеммы 125
5.5. Первая посылка 127
5.6. Вторая посылка 129
5.7. Третья посылка 131
5.8. Фаллибилизм 132
5.9. «Мы знаем достаточно, чтобы знать» 134
5.10. Где ошибка в дилемме Гемпеля? 136
5.11. Дилемма Гемпеля и наша дилемма 137
Итоги 139
Рекомендуемая литература 140

Глава 6. Концепция необходимости 142
6.1. Введение 142
6.2. Формулировка концепции необходимости 144
6.3. Некоторые варианты основной идеи 146
6.4. Супервентность 148

6.5. Семантическая концепция 151
6.6. Концепция тождества 153
6.7. Способы защиты концепции тождества 154
6.8. Концепция реализации 157
6.9. Концепция фундаментальных свойств 162
Итоги 162
Рекомендуемая литература 163

Глава 7. Необходима ли необходимость? 164
7.1. Введение 164
7.2. Метафизическая и номологическая необходимость 165
7.3. Контингентность физикализма 167
7.4. Физикализм и физикалистский кондиционал 169
7.5. Проблема эпифеноменальной эктоплазмы 171
7.6. Эпифеноменальная эктоплазма и супервентность 175
7.7. Проблема блокирующих свойств 177
7.8. Необходимое следование и психофизические законы 179
7.9. Априорный и апостериорный физикализм 182
Итоги 183
Рекомендуемая литература 184

Глава 8. Достаточна ли необходимость? 186
8.1. Дуализм необходимого следования 186
8.2. Проблема 187
8.3. Другие примеры той же проблемы 189
8.4. Ответ со ссылкой на логическую несостоятельность 191
8.5. Разновидности различия 193
8.6. Еще три ответа 196
8.7. Как выйти из тупика 202
8.8. Редукционизм и нередукционизм 204
Итоги 206
Рекомендуемая литература 206

Глава 9. Скептики и убежденные сторонники 208
9.1. Подведем итоги 208
9.2. Метатезис и стандартная картина 210
9.3. Скептик 212
9.4. Убежденный сторонник 215
9.5. Ложная предпосылка? 217
9.6. Следует ли отказаться от концептуального анализа? 218
9.7. Оценка отказа от концептуального анализа 219
9.8. Ван Фраассен об эмпиризме и физикализме 222

9.9. Оценка идеи установки 225
9.10. Физикализм необязателен в дискуссиях о нем 227
Итоги 229
Рекомендуемая литература 230

Глава 10. Аргументы против физикализма 232
10.1. Супердегустаторы 232
10.2. Аргумент мыслимости 233
10.3. Как отвечают на аргумент 239
10.4. Роль физикализма в аргументе мыслимости 244
10.5. Можно ли обобщить эту стратегию? 247
10.6. Интенциональность 250
10.7. Значение 254
10.8. Мораль 255
Итоги 256
Рекомендуемая литература 257

Глава 11. Аргументы в пользу физикализма 258
11.1. Введение 258
11.2. Аргумент от общего впечатления 259
11.3. От общего впечатления к каузальному аргументу 262
11.4. Версия аргумента о событиях 262
11.5. Версия аргумента о свойствах 264
11.6. Каузальный аргумент и разновидности дуализма 266
11.7. Трудности принципа исключения 267
11.8. Исключение и различие свойств 269
11.9. Трудности каузальной замкнутости 272
11.10. Роль физикализма в каузальном аргументе 275
Итоги 277
Рекомендуемая литература 277
Заключение 278
Глоссарий 286
Литература 292
Предметный указатель 302

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить слушателей моего просеминара в Гарвардском университете, где я работал осенью 2007 года, и участников группы по изучению философских оснований в Австралийском национальном университете, собиравшейся в июне — июле 2008 года. Я представлял им ранние варианты материала этой книги и получил исключительно ценные отзывы. Черновики разных ее частей я обсуждал с аудиторией в Ратгерском университете, Австралийском национальном университете, Гарварде, Массачусетском технологическом институте, Университете Отаго, Университете штата Огайо, Иллинойсском университете в Урбане-Шампейне, Университете имени Сунь Ятсена, Кембридже (кафедра истории и философии науки), Бирмингемском университете и Национальном университете Ян-Мин. Я глубоко признателен всем участникам этих обсуждений.

Особенно многим я обязан замечаниям Дэвида Бурже, Селима Беркера, Бена Каплана, Дэвида Чалмерса, Энди Игана, Алана Хайека, Оле Коксвика, Дэниела Кормана, Холли Лофорд-Смит, Штефана Лойенбергера, Джона Мэтьюсона, Келвина Маккуина, Бернарда Никеля, Нико Силинса, Деклана Смитиеса, Джонатана Шаффера и Вэньфан Ван. Несомненно, я должен был упомянуть и других людей; заранее прошу прощения у тех, кого упустил.

Два анонимных рецензента издательства Routledge дали мне очень полезные советы, особенно по поводу изложения материала. Мои редакторы Адам Джонсон и Тони Брюс проявили себя настоящими профессионалами: отвечали быстро, говорили прямо и неизменно были вежливы. Джонатан Фаррелл оказал неоценимую помощь на заключительном этапе подготовки рукописи к публикации, а Яцек Бжозовский значительно раньше помог мне с библиографией.

Часть материала главы 5 переработана из моей статьи «Дилемма Гемпеля», опубликованной в сборнике под редак-

цией Хизер Дайк From Truth to Reality: New Essays in Logic and Metaphysics (2009: 181–197). В разных местах книги я также использовал и переработал материалы собственной статьи «Физикализм» из Стэнфордской философской энциклопедии (Stoljar 2009b).

Пример с супердегустаторами (super-tasters) в главе 10 навеян песней «John Lee Supertaster» группы They Might Be Giants. (Правда, в песне он служит совсем другой цели.)

Поскольку эта книга выходит в серии, рассчитанной в том числе на магистрантов, аспирантов и студентов старших курсов, уместно, пожалуй, признаться, как поразительно многому я за эти годы научился и у преподавателей, и у студентов в Сиднее, MIT, Колорадо и Австралийском национальном университете. Особой благодарности заслуживают Ноам Хомский, первым спросивший меня, что, собственно, я вообще понимаю под физикализмом, и Джудит Джарвис Томсон, первой предложившая мне написать об этом книгу.

Введение

В 1925 году Бертран Рассел написал предисловие к «*Истории материализма*» Фридриха Ланге. Этот монументальный труд, вышедший на немецком языке за шестьдесят лет до расселовского предисловия, прослеживает историю материализма с древнейших времен до XIX столетия. Замечания Рассела о материализме заслуживают внимания. Пока будем считать слова «материализм» и «физикализм» взаимозаменяемыми; чуть позже я объясню, почему это допустимо. Рассел пишет:

> У материализма как теории о природе мира была необычная судьба. Возникнув едва ли не на заре греческой философии, он дожил до наших дней, хотя лишь немногие выдающиеся философы выступали его сторонниками. С ним были связаны многие научные достижения, и в некоторые эпохи он казался почти синонимом научного взгляда на вещи. […] Система мысли, обнаружившая такую жизнеспособность, несомненно, заслуживает изучения, несмотря на профессиональное презрение, с которым к ней относится большинство профессоров философии. (Russell 1925: v)

Далее Рассел замечает, что книга Ланге появилась «на вершине периода, который часто называют „материалистическими шестидесятыми“», то есть *18*60-ми годами. Для Рассела это примечательное, но короткое исключение: на протяжении почти всей остальной истории философии материализм оставался позицией меньшинства. Не был материалистом даже Ланге, несмотря на сочувственный тон его книги.

Утверждение Рассела об исключительности 1860-х годов трудно оценить из-за его размаха: вообще *любые* суждения обо всей истории философии требуют осторожности. Однако в отношении эпохи самого Рассела и непосредственно предшествовавшего ей времени он, бесспорно, прав. К концу XIX столетия почти все профессиональные философы придерживались той или иной разновидности идеализма. Иными словами,

они считали, что мир по самой своей основе имеет духовную или ментальную, а не физическую или материальную природу (см. Stove 1991). Сам Рассел сыграл важнейшую роль в крушении идеализма, но пришедшая ему на смену философия отнюдь не стала материалистической. Так, одна из центральных работ тогдашней философии сознания — «*Сознание и его место в природе*» Ч. Д. Броуда — содержала знаменитую и влиятельную критику материализма (см. Broad 1925). Сам Броуд, кроме того, активно участвовал в работе Общества психических исследований, чьи взгляды уж точно *нельзя* назвать материалистическими (см. Broad 1960).

И все же трудно представить более резкий контраст, чем между положением материализма в 1925 году и сегодня. Вместо того чтобы вызывать профессиональное презрение, к 1960-м годам материализм превратился в нечто близкое к общепринятой позиции аналитической философии и с тех пор, по существу, сохраняет этот статус. Куайн, Смарт, Льюис, Армстронг, Фодор и многие другие философы были материалистами. Некоторые, например Джегвон Ким, впоследствии отказались от материализма; другие, как Фрэнк Джексон, напротив, перешли от его критики к признанию. Но, как мы увидим, даже антифизикализм, который прежде защищал Джексон, а теперь отстаивает Ким, во многом определяется самим физикализмом: он разделяет значительную часть его содержания и философских предпосылок. Как пишут Карл Гиллетт и Барри Лоуэр в одном из эпиграфов к этой книге, физикализм во многих отношениях стал *Weltanschauung* современной аналитической философии. (Значение немецкого слова *Weltanschauung* поясняет второй эпиграф.)

Наши вопросы

Именно этому *Weltanschauung* и посвящена книга. В центре нашего внимания будут три группы вопросов.

Первая касается *смысла* физикализма: как следует понимать утверждение, составляющее его суть? В форме лозунга оно кажется вполне ясным: все физично — подобно тому, как идеалисты XIX века утверждали, что все ментально. Но придать

этому лозунгу точный смысл, как выяснится, непросто. Что значит «быть физическим»? В чем состоит это свойство, которым, согласно физикализму, обладает все существующее? И что вообще значит утверждать, что *все* им обладает?

Вторая группа вопросов касается *истинности или ложности* физикализма и, разумеется, доводов в его пользу и против него. Физикализм нередко считают неотъемлемой частью научной картины мира, едва ли не «синонимом научного взгляда на вещи», по выражению Рассела. Но что такое «научная картина мира»? Существует ли она вообще как нечто единое? И каким образом она связана с физикализмом? В последние десятилетия философы предложили разные ответы на эти вопросы; нам предстоит их рассмотреть.

Третья группа вопросов касается *философского значения* физикализма. Даже если это интересное положение, в пользу и против которого можно привести доводы, одного этого недостаточно, чтобы говорить о *Weltanschauung*. Основания для такого разговора я вижу не столько в самом тезисе физикализма и не в отдельных аргументах, сколько в той роли, которую идея физикализма играет в современной философии: она определяет постановку множества самых разных проблем и направляет дискуссии вокруг них. Например, вопросы о сознательном опыте и репрезентации обычно рассматривают в философии сознания как попытки найти им место в исключительно физическом мире — мире, где физикализм истинен. Одни авторы говорят об их «вписывании», другие — о «размещении» или «локализации»; метафоры различаются, но основная задача остается той же. Подобные задачи, которые я буду называть проблемами включения в картину мира (placement problems), служат образцом и для других областей философии, например этики. Философия сознания тем самым превращается в своего рода лабораторию для всей остальной философии. Однако вовсе не очевидно, что именно так следует ставить философские проблемы, и тем более — что такой подход необходим или желателен. Его удивительная естественность для философов — отличительная черта нашего времени, приблизительно с 1960 года до наших дней.

Другие вопросы

Три выбранные нами темы — смысл, истинность и значение физикализма — далеко не исчерпывают всего, о чем здесь можно было бы спросить. Чтобы яснее обозначить границы исследования, я заранее отложу в сторону еще три группы вопросов.

Первая касается интеллектуального и общественного контекста физикализма. Философия не существует в вакууме; естественно предположить, что распространенность физикализма среди философов связана с более широкими течениями интеллектуальной жизни XX века и последующего времени. Трудно поверить, например, что престиж естественных наук не имеет никакого отношения к популярности физикализма в философском сообществе. Столь же маловероятно, что на нее совсем не повлияли необычайные успехи западной медицины с ее преимущественно материалистической, или физикалистской, установкой. (Случайно ли один из главных защитников материализма XVIII века, Жюльен Офре де Ламетри, был врачом?) О связях материализма с медициной или общественного авторитета науки с распространением физикализма можно написать отдельные книги. Но эта книга — не исследование по интеллектуальной истории. Меня интересуют собственно философские вопросы о физикализме.

Вторая группа вопросов связана со специальными проблемами физики или философии физики — теми, для обсуждения которых необходимы глубокие знания соответствующих дисциплин. Может показаться, что физикализм вообще нельзя обсуждать в отрыве от физики. Несомненно, отношения физикализма с физикой заслуживают внимания, однако дальше я не буду разбирать ни физические теории, ни специальные проблемы философии физики. Исключение составят лишь самые общие положения, не требующие профессиональной подготовки. Почему? Во-первых, я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы подробно рассуждать о физике. Если бы философское обсуждение физикализма непременно требовало специальных физических знаний, эта книга оказалась бы гораздо короче. Но есть и более важная причина. Сама мысль, будто ком-

петентно обсуждать физикализм можно лишь при условии столь же подробного владения физикой, представляется мне ошибочной. Физикализм — чрезвычайно абстрактное утверждение о природе мира, не зависящее от подробностей той или иной физической теории. Конечно, слова «физика» и «физическая теория» постоянно встречаются в дискуссиях о физикализме; моя книга не станет исключением. Однако одно дело — рассуждать о физике в самых общих чертах, и совсем другое — вдаваться в ее технические детали.

Наконец, вполне уместно спросить, как соотносится физикализм современной философии с многочисленными версиями физикализма и материализма, встречающимися на протяжении истории мысли. «Материализм столь же древен, как сама философия, но не древнее ее» — так начинается книга Ланге (1925: 3). Можно было бы поэтому исследовать его историю не только в философии, но и в науке. По этим темам написаны и еще будут написаны книги; труд Ланге, на мой взгляд, остается одним из лучших. Я тоже иногда буду обращаться к истории, однако главное для меня — не историческое развитие, а философские вопросы сами по себе. Современные философы определенным образом говорят о физикализме и отводят ему определенное место в постановке философских проблем. Нас прежде всего интересует, что представляет собой этот тезис, истинен ли он и действительно ли должен играть приписываемую ему роль. Разделяли ли сходные взгляды Лукреций, Гассенди, Гольбах, Маркс, Нейрат или другие знаменитые материалисты прошлого — вопрос для нас второстепенный.

План книги

Мы будем исследовать смысл, истинность и философское значение физикализма. Вот как я намерен выстроить обсуждение.

В главе 1 я изложу то, что считаю стандартной картиной физикализма и его роли в современной философии. Я представлю эту картину как систему из пяти взаимосвязанных положений. Затем попытаюсь показать, почему она привлекательна: она позволяет преодолеть фундаментальную трудность, связанную с самим существованием философии как самостоятель-

ной дисциплины, и увидеть в философских проблемах глубокое единство. Полагаю, именно эта роль физикализма во взглядах на природу философских проблем во многом объясняет его сегодняшнюю популярность.

В главе 2 я перейду к вопросу о смысле физикализма. Начнем с предварительного обсуждения логической формы соответствующего тезиса и возможных альтернатив. Как мы увидим, формула «все физично» не вполне передает то, что обычно имеется в виду. Большинство физикалистов не утверждают ни того, что буквально все физично, ни того, что каждая партикулярия (particular) физична, ни даже того, что всякое свойство является физическим. Их мысль скорее такова: всякое инстанцированное свойство с необходимостью следует из некоторого физического свойства. Переход от «все физично» к «всякое инстанцированное свойство…» сам по себе весьма поучителен.

В главах 3–6 мы обратимся к главному вопросу интерпретации: что такое физическое свойство? В главе 3 я представлю один ответ, который назову исходной концепцией (Starting Point View). Эта концепция позволяет адекватно выразить некоторые классические версии физикализма, но едва ли соответствует тому, что имеют в виду современные физикалисты. Дело в том, что определяемый таким образом физикализм ложен — причем по эмпирическим причинам, не имеющим особого отношения к специфическим проблемам философии. Современные физикалисты сами признают соответствующие научные факты.

В главе 4 я рассмотрю возможность сделать исходную концепцию менее строгой — переосмыслить физические свойства так, чтобы физикализм хотя бы не противоречил данным эмпирической науки. Самый распространенный путь ведет к позиции, которую я называю концепцией физической теории (Theory View). Но у нее есть серьезный недостаток: определенный на ее основе физикализм неверно оценивает мысленные и возможные случаи. Иногда он оказывается истинным в ситуациях, где ни одна приемлемая версия физикализма не должна быть истинной; иногда — ложным там, где никакая такая версия не должна быть ложной. В конце главы я сведу рассуждение глав 3 и 4 к аргументу в пользу метатезиса: не существует версии физика-

лизма, которая одновременно (а) истинна и (б) действительно заслуживает названия «физикализм».

Глава 5 посвящена дилемме Гемпеля — аргументу, в чем-то сходному с доводами глав 3 и 4, но существенно от них отличающемуся. Суть дилеммы такова: если определять физикализм через современную физику, он окажется ложным, поскольку никто не считает, будто современная физика уже дает исчерпывающую истину о мире. Если же определять его через идеальную физику, становится неясно, что именно он утверждает и, в частности, исключает ли он те возможности, которые обычно считают несовместимыми с физикализмом. Я разберу возражения против дилеммы Гемпеля и выскажу предположение, что самое сильное из них указывает на сомнительные предпосылки о способе определения физикализма. С некоторыми из них мы уже столкнемся раньше.

Главы 3–5 рассматривают различные представления о физическом свойстве и их следствия. В главах 6–8 мы зададим другой вопрос: какое отношение должно связывать каждое инстанцированное свойство с некоторым физическим свойством, чтобы физикализм был истинным? В главе 2 я приму без подробного обоснования один ответ: речь идет об отношении необходимого следования в смысле, который Крипке разъясняет в книге «*Именование и необходимость*». В главе 6 я подробнее изложу соответствующую концепцию необходимости (Necessity View), покажу, что она дает одно из модальных определений физикализма, и сопоставлю ее с немодальными определениями, опирающимися на тождество, синонимию, реализацию и фундаментальные свойства.

В главе 7 мы оценим концепцию необходимости, сосредоточившись на вопросе, следует ли из истинности физикализма, что каждое свойство с необходимостью определяется физическими свойствами. С одной стороны, такая связь, по-видимому, необходима, если мы хотим отличить физикализм от обычных разновидностей дуализма, допускающих закономерную, но контингентную связь ментального с физическим. Насколько я понимаю, все разумные определения физикализма сходятся в этом пункте, так что даже немодальные определения влекут соответ-

ствующее модальное следствие. С другой стороны, объяснение физикализма через все возможные миры резко контрастирует с контингентным, эмпирическим характером этого учения. Я рассмотрю способы уточнить это противоречие и попытки его разрешить, а также связь концепции необходимости с двумя известными дискуссиями: требует ли физикализм психофизических законов и в чем состоит различие между априорным и апостериорным физикализмом.

В главе 8 я перейду от вопроса о необходимости этого отношения к вопросу о его достаточности. Главное возражение состоит в следующем: если концепция необходимости верна, физикализм невозможно отличить от некоторых нефизикалистских позиций, прежде всего от того, что я назову дуализмом необходимого следования (necessitation dualism). Я рассмотрю разные способы разграничить эти учения и приду к выводу, что для адекватного определения физикализма придется выйти за пределы логических и модальных соображений и обратиться к его собственно метафизическому содержанию. Здесь особенно обостряется конфликт между модальными и немодальными определениями. В результате обсуждение приведет нас к своеобразному компромиссу между двумя подходами.

В целом анализ смысла физикализма ставит под серьезное сомнение учение, которое принято называть этим словом. В главах 3–5 я буду доказывать, что рассматриваемый тезис не является физикализмом в подлинном смысле; главы 6–8 покажут, что он не яснее тех метафизических понятий, к которым приходится обращаться при его объяснении. В главах 9–11 мы рассмотрим ответы философов на возникающие трудности.

На мой взгляд, в литературе по этой теме особенно отчетливо слышны два противостоящих друг другу голоса. Скептик соглашается, что нет одновременно истинной и подлинной версии физикализма, и делает из этого пессимистические выводы для стандартной картины, а заодно и для значительной части философии. Убежденный сторонник считает правомерность стандартной картины очевидной и ищет такой *тезис* физикализма, который смог бы сыграть предназначенную ему роль. Их спор кажется безнадежно неразрешимым. Отсюда возникает соблазн

обойти его, отвергнув общую предпосылку обеих сторон. В главе 9 я критически рассмотрю три попытки такого рода. Согласно первой, трудность порождена обреченной на неудачу попыткой проанализировать понятие физикализма: разве история философии не показывает, что подобные попытки неизменно терпят провал? Согласно второй, ошибка состоит в предположении, будто перед нами вообще имеется определенный тезис: возможно, физикалисту свойственна скорее особая *установка*, чем вера в конкретное положение? Третья попытка предлагает различать сам тезис физикализма и его использование в философии: почему бы тезису не быть несостоятельным, даже если некоторые способы его применения вполне оправданны? Я буду доказывать, что первые два предложения не выдерживают критики, а значит, остается третье.

Из третьего подхода следует нечто важное. Если философские проблемы, связанные со стандартной картиной, правомерны, то в определенном смысле они вообще не могут быть проблемами о физикализме *per se*: упоминание физикализма в их формулировке должно оказаться необязательным. В главах 10 и 11 я проверю это следствие. Глава 10 посвящена аргументам против физикализма, самые известные из которых принадлежат философии сознания; прежде всего речь идет об аргументе мыслимости, или модальном аргументе. Каждый такой аргумент заслуживает отдельной книги, поэтому меня будет интересовать главным образом роль, которую играет в нем физикализм. Я приду к выводу, что эта роль действительно несущественна: аргументы сохраняют силу, даже если признать отсутствие версии физикализма, которая одновременно была бы подлинной и правдоподобно истинной.

В главе 11 я рассмотрю доводы в пользу физикализма. Самый известный из них — так называемый каузальный аргумент. Он призван вывести физикализм из принципа каузального исключения, тезиса о каузальной замкнутости физического мира и утверждения о каузальной действенности ментального. Я попытаюсь показать, что, если принять во внимание проблему интерпретации, этот аргумент тоже оказывается весьма абстрактным и, строго говоря, не относится к физикализму как таковому.

В заключении я вернусь к стандартной картине и спрошу, что обнаружило наше исследование. Эта картина соединяет в себе философию природы и философию самой философии. Первая состоит в том, что физикализм — эмпирическая гипотеза высокого уровня общности, для принятия которой у нас имеются серьезные основания. Вторая утверждает, что многие современные философские проблемы — это попытки найти место различным явлениям в мире, каким его представляет указанная философия природы. Наше исследование покажет несостоятельность обеих сторон этой картины. Вопреки ее философии природы, то представление о природе мира, которое разумно принять, не заслуживает названия «физикализм». Вопреки ее философии философии, формулировка множества проблем через физикализм приписывает им несуществующее единство. Это не только неточно — ведь при ближайшем рассмотрении трудно поверить, что столь разные проблемы действительно имеют одну и ту же структуру, — но и вредно: навязываемая им схема часто мешает увидеть возможные решения.

К концу книги мы придем к выводу, в котором сочетаются плохая и хорошая новости. Плохая состоит в том, что скептики правы: не существует определения физикализма, при котором он был бы одновременно истинным и достойным своего названия. Хорошая — в том, что это обстоятельство не влечет катастрофических последствий для философии, которые ему нередко приписывают. Ведь роль физикализма во многих проблемах, формулируемых с его помощью, несущественна. И отсутствие удовлетворительного определения физикализма еще не означает, что нельзя удовлетворительно сформулировать сами эти проблемы. Итак, огромное влияние физикализма на современную философию в значительной мере лишено оснований. Но осознание этого обстоятельства может помочь нам лучше понять стоящие перед нами философские вопросы.

Небольшое предостережение

Во всяком случае, именно к такому выводу прихожу я. Согласитесь ли вы со мной — другой вопрос. Поэтому перед дальнейшим обсуждением я должен кое о чем предупредить. Я, конечно,

считаю себя *добросовестным* рассказчиком, но вовсе не *беспристрастным*. Мои собственные взгляды несомненно повлияли на изложение: на то, какие доводы я считаю убедительными, какие — нет, и на многое другое. Насколько я прав, вам предстоит решить самостоятельно. Лучший совет, который я могу дать, — хотя и здесь я, пожалуй, пристрастен! — обратиться к литературе, рекомендованной в конце каждой главы, проследить ссылки в этих работах и, главное, самому продумать обсуждаемые вопросы.

А теперь, сделав это предупреждение, завершу введение несколькими замечаниями о терминологии.

О терминологии

Термин «физикализм» вошел в философию в 1930-е годы благодаря Отто Нейрату (1931a, 1931b) и Рудольфу Карнапу (1959; первоначальная публикация — 1932/33). Оба были видными представителями Венского кружка — объединения философов, ученых и математиков, работавших в Вене до Второй мировой войны. Не вполне ясно, одинаково ли Нейрат и Карнап понимали физикализм. Однако им часто приписывают, в частности Гемпель (1949), лингвистический тезис: всякое высказывание синонимично некоторому физическому высказыванию, то есть совпадает с ним по смыслу. «Материализм» же традиционно обозначает не лингвистическую, а метафизическую позицию — утверждение о природе самого мира. Поэтому у Нейрата и Карнапа имелись веские основания различать физикализм как лингвистический тезис и материализм как метафизический. Такое разграничение было для них особенно важно потому, что, согласно официальной доктрине позитивизма, метафизические высказывания вообще лишены смысла.

Иногда предлагают другое основание для различения этих терминов, не связанное с их венским происхождением: считается, будто «физикализм» охватывает более широкий круг представлений, чем «материализм». Исходное понятие материализма — материя, а исторически содержание этого понятия было довольно узким. Материей называли то, что заполняет пространство, инертно, лишено чувствительности, твердо,

непроницаемо и так далее. Материалист в этом традиционном смысле утверждает, что все в своей основе материально. Но сама физическая наука показала ложность такого материализма: современная физика постулирует события и свойства, которые не являются материальными в указанном смысле (см. главу 3). Поэтому некоторые современные философы предпочитают слово «физикализм»: его исходное понятие — физика, а физика имеет дело не только с материей.

Однако ни одно из этих оснований не кажется мне особенно убедительным. Что касается различения Карнапа и Нейрата, философские предпосылки, на которых оно держалось, по большей части давно отвергнуты. Что же касается предполагаемой связи «физикализма» с «физикой», то этот термин не менее тесно связан с понятием «физический объект». А поскольку «физический объект» — синоним «материального объекта», необходимость проводить терминологическую границу между физикализмом и материализмом остается весьма сомнительной.

К тому же далеко не все сторонники соответствующего учения желают называться именно физикалистами. Вот что пишет Дэвид Льюис, один из самых влиятельных физикалистов XX века:

> Название «материализм» возникло тогда, когда лучшая физическая теория имела дело только с материей. Сегодня наша лучшая физика признает и других носителей фундаментальных свойств: части всепроникающих полей, участки пространства-времени, способные участвовать в причинных взаимодействиях. Но переименовывать из-за этого наше учение, отрекаясь от интеллектуальных предшественников, было бы педантизмом. Или, что еще хуже, дешевым маркетинговым ходом — вроде решения Британских железных дорог переименовать пассажиров второго класса в пассажиров «стандартного класса». (Lewis 1994: 293)

Вполне возможно, Льюис здесь следует словоупотреблению Смарта в его статье 1963 года — одном из ключевых текстов современного материализма. Она так и называлась: «Материализм».

Поскольку общепринятого разграничения этих слов нет, я введу собственное правило их употребления. Во-первых, буду считать «физикализм» и «материализм» взаимозаменяемыми, хотя преимущественно стану пользоваться первым словом. Там, где другие авторы — например, Рассел — говорят о материализме, я нередко буду пересказывать их мысли в терминах физикализма. Во-вторых, я не стану подразумевать никаких дополнительных различий между этими учениями. Разумеется, современная философская позиция не может опираться на устаревшую науку, но один лишь выбор термина не должен заранее решать этот вопрос.

Наряду с «физикализмом» и «материализмом» употребляют и слово «натурализм». Единства в его понимании тоже нет. В дальнейшем, однако, я буду обозначать им не учение о природе мира, а значит, не физикализм, а методологическую позицию. Согласно ей, лучшими доступными нам средствами познания мира являются методы естественных наук — какими бы они ни оказались. В моем понимании методологический натурализм — довольно скромное учение. Он говорит: нам следует мыслить о мире так, как мыслят эти люди, причем указательное выражение «эти люди» отсылает к определенной группе — ученым. Из этого ничего не следует о том, пользуются ли теми же методами люди, которых обычно не относят к ученым, например детективы. Ничего не следует и о том, оправданны ли применяемые ими методы и каковы они вообще.

Иногда, например, полагают, что натурализм несовместим с априорным рассуждением (см. Devitt 1996). Но для доказательства этого потребовалось бы установить, что ученые действительно не прибегают к априорным рассуждениям. Учитывая роль логики, математики и понятийного мышления в науке, такое предположение выглядит маловероятным. Во всяком случае, я не стану исходить из того, будто методологический натурализм отрицает само существование априорного рассуждения.

Итоги

Во введении мы выделили три главных вопроса: о смысле физикализма, его истинности или ложности и его философском значении. Три другие темы мы оставили в стороне: связь физикализма с широкими общественными и интеллектуальными течениями, его отношение к специальным проблемам физики и философии физики, а также история этого учения. Мы вспомнили о происхождении слова «физикализм» в позитивизме Венского кружка и обсудили его соотношение со словами «материализм» и «натурализм».

Рекомендуемая литература

Две классические работы по истории физикализма — «*Механизация картины мира*» Э. Я. Дейкстерхейса (*The Mechanization of the World-Picture*, 1961) и «*История материализма*» Ф. А. Ланге (*The History of Materialism*, 1925). Более доступный обзор можно найти у Vitzthum (1995). О физикализме в философии позитивизма см. рекомендации в конце главы 1. Цитата из Льюиса приведена по статье «Редукция ментального» (Reduction of mind, 1994); ее первая часть прекрасно излагает взгляды Льюиса на физикализм. Как уже отмечалось, сам Льюис называет свое учение материализмом.

ГЛАВА 1

Стандартная картина

1.1. Введение

В современной философии достаточно распространен определенный взгляд на физикализм и его место в философии, чтобы его можно было назвать стандартной картиной. Если изложить ее в самых общих чертах, она выглядит следующим образом.

С одной стороны, физикализм — это утверждение о природе мира, в пользу которого у нас имеются серьезные, а возможно, и чрезвычайно веские основания. Физикализм не является априорным учением, каким может быть, скажем, положение этики или математики. Отрицая его, человек вовсе не совершает понятийной или логической ошибки. По своему статусу физикализм скорее напоминает теорию эволюции или теорию дрейфа материков. По словам Хартри Филда, одного из известных защитников физикализма, он «выступает в качестве эмпирической гипотезы высокого уровня общности — гипотезы, от которой нас не заставит отказаться небольшое число экспериментов» (1972: 357). Отвергающий физикализм не противоречит логике, но вступает в противоречие не только с наукой, но и со здравым смыслом, опирающимся на научные знания.

С другой стороны, сколь бы убедительными ни были основания в пользу физикализма, принять его без каких-либо оговорок не так-то просто. На первый взгляд он несовместим — или по меньшей мере находится в напряженных отношениях — с некоторыми представлениями о человеке и его свойствах. Эти представления составляют важную часть повседневного здравого смысла, и на многие из них в той или иной мере опирается

также наука. Вот некоторые утверждения, которым, как может показаться, угрожает физикализм:

- люди воспринимают окружающий мир и испытывают разнообразные телесные ощущения: вкус, судороги, зуд, тошноту и так далее;
- люди разговаривают и мыслят о мире и друг о друге;
- по крайней мере некоторые слова обладают значением;
- человеческие тела и вообще физические предметы имеют цвет, фактуру, вкус, издают звуки и запахи;
- человеческие тела и другие физические предметы обладают твердостью, имеют объем или заполняют пространство;
- у людей есть основания мыслить и действовать определенным образом, причем эти основания допускают нормативную, в том числе моральную, оценку;
- люди иногда свободны в своих мыслях и поступках;
- люди участвуют в коллективных решениях и действиях, а деятельность групп, в свою очередь, влияет на составляющих их людей;
- существуют математические и логические истины (например, «5 + 7 = 12»), которые человек способен познавать.

Чтобы оценить значение этих утверждений, попробуйте на минуту представить, что все они ложны. Никто не думает и ничего не чувствует; никто не произносит осмысленных слов; привычные физические предметы не обладают ни твердостью, ни цветом; не существует ни свободы действий, ни коллективной деятельности, ни математического знания. Стоит об этом задуматься, чтобы увидеть, насколько глубоко подобные убеждения укоренены в нашей жизни. Я буду называть их *предпосылками повседневной жизни*. Стандартная картина, таким образом, предлагает признать, что между такими предпосылками, с одной стороны, и физикализмом, в истинности которого у нас будто бы имеются чрезвычайно веские основания, — с другой, существует по меньшей мере первоначальное противоречие.

Перед лицом этого действительного или кажущегося противоречия нам открываются несколько путей. Первый — отказаться от физикализма либо изменить его. Но если у нас действительно столь сильные основания в его пользу, как утверждают сторонники стандартной картины, этот путь выглядит малопривлекательным. Второй — отказаться от некоторых или даже от всех предпосылок повседневной жизни. Он кажется не менее сомнительным. Даже если бы мы захотели отвергнуть эти утверждения, неясно, удалось бы нам сделать это всерьез. (Если профессор философии убедит вас на семинаре, что никто не испытывает боли и что ни один физический предмет не обладает твердостью, вы забудете оба тезиса, едва, выходя из аудитории, ударитесь пальцем ноги о дверной косяк.) Наконец, третий путь — искать компромисс, то есть такое понимание наших повседневных убеждений, при котором они не противоречили бы физикализму.

Именно третий путь занимает центральное место в стандартной картине. Без особого преувеличения можно сказать, что различные его варианты составляют значительную часть аналитической философии. Философы предлагают и оценивают способы истолковать предпосылки повседневной жизни так, чтобы они оказались совместимыми с физикализмом. С именами многих выдающихся мыслителей связаны собственные решения этой задачи. Так, Гилберт Райл в книге «*Понятие сознания*» (1949) утверждал, что психологические высказывания относятся к иной логической категории, чем высказывания других типов. Если он прав, противоречие между физикализмом и высказываниями о психическом существует лишь на первый взгляд. Дж. Дж. К. Смарт в статье «Ощущения и мозговые процессы» (1959) предложил воспользоваться фрегевским различением смысла и референции выражения, чтобы снять напряжение между физикализмом и привычными суждениями о ментальных состояниях, в частности об ощущениях. Наконец, рассуждения Крипке в «*Именовании и необходимости*» (1980) о необходимом a posteriori интересны, помимо прочего, тем, что позволяют утверждать: физикализм делает наши повседневные предпосылки истинными, но для этого необязательно прини-

мать ту или иную программу их истолкования или анализа. Как однажды заметил Дэвид Льюис, открытие необходимых апостериорных истин с этой точки зрения выглядит настоящим «даром небес» (Lewis 2002: 95).

1.2. Всеобщий характер физикализма

Стандартная картина не ограничивает истинность физикализма отдельными частями мира — скажем, только людьми, существами, способными чувствовать, или живыми организмами. Напротив, физикализм понимается как предельно общее и абстрактное учение, распространяющееся на мир в целом. Как мы говорили во введении, это мировоззрение — *Weltanschauung*.

Чтобы представить себе его масштаб, вообразите мир как гигантскую сложную структуру, простирающуюся во множестве измерений от той точки, где находитесь вы. У мира есть прошлое: записанная и незаписанная история человечества, история живых организмов, нашей планеты, Солнечной системы и самой Вселенной. Есть и будущее — если, конечно, оно существует: ваше собственное будущее и будущее Вселенной. Есть его устройство: почти всякая часть мира состоит из частей все меньшего размера. Ваше тело состоит из органов, органы — из клеток, клетки — из молекул, и так далее. Вместе с тем почти всякая часть мира входит во все более обширные целые: вашу семью, страну, биологический вид, окружающую среду.

Иные измерения мира труднее описать в терминах пространства и времени. Каждая его часть обладает характерными чертами и закономерностями развития. Вам, в частности, свойственны способности расти, стареть и воспроизводить потомство; у вас есть чувственные и познавательные способности и задатки. Одни из них можно разделить на более простые, другие складываются в более сложные способности. На вас действуют разнообразные общественные и физические силы, но вы и сами влияете на социальное и физическое окружение. К вам предъявляются моральные и эстетические требования, требования благоразумия и познания; вы не только подчиняетесь им, но и оце-

ниваете их критически. И этим перечень далеко не исчерпывается.

Физикализм высказывается о каждом аспекте такой сложной структуры. Он утверждает, что все описанное физично. Осторожнее — по причинам, которые мы выясним в следующей главе, — эту мысль можно выразить так: все это с необходимостью следует из физического. Именно в пользу столь общего утверждения, согласно стандартной картине, существуют серьезные, возможно даже решающие, основания. Но именно оно, как утверждает та же стандартная картина, несовместимо с предпосылками повседневной жизни или по меньшей мере плохо с ними согласуется.

1.3. Физикализм и психофизическая проблема

Хотя физикализм — учение всеобщего характера, он особенно тесно связан с психофизической проблемой. Не случайно работы трех только что упомянутых философов — Райла, Смарта и Крипке — были, среди прочего, вкладом в ее обсуждение. Эта связь важна для стандартной картины по двум причинам. Во-первых, психофизическая проблема, пожалуй, наиболее наглядно обнаруживает общее противоречие между физикализмом и предпосылками повседневной жизни. Во-вторых, она служит образцом постановки многих других философских проблем.

Ко второму обстоятельству мы еще вернемся. Но сначала разберемся, почему психофизическая проблема представляет собой частный случай упомянутого противоречия. Естественно было бы подумать, что речь идет об отношении двух вещей — сознания и тела. Однако в современной философии сознания эту проблему почти всегда понимают иначе: как вопрос о кажущейся несовместимости физикализма с существованием и природой различных ментальных явлений. Если физикализм истинен, люди и другие чувствующие существа полностью физичны. Между тем многие философы полагают, что существуют аргументы, которые, если они состоятельны, показывают несовместимость нашего опыта ощущений с утверждением о сугубо физической природе человека. Такие доводы

обычно называют аргументами мыслимости, или модальными аргументами; подробнее они будут рассмотрены в главе 10. А поскольку в том, что мы действительно испытываем ощущения — например, ударившись ногой о что-нибудь твердое, — едва ли можно сомневаться, состоятельность этих аргументов означала бы ложность физикализма. Но, согласно стандартной картине, в пользу физикализма тоже имеются чрезвычайно веские основания. Так в современной философии сознания возникает своеобразный парадокс: убедительные на первый взгляд аргументы показывают, что два глубоко укорененных наших убеждения не могут быть истинны одновременно.

Когда убедительный на первый взгляд аргумент показывает, что два наших убеждения несовместимы, от чего-то приходится отказаться. Но от чего именно? В философии сознания отказ от физикализма или его пересмотр означает переход к *дуализму*. У дуализма могут быть разные формы, о чем мы поговорим в следующей главе. Но как бы он ни был устроен, дуалист считает физикализм в лучшем случае почти истинным, а не истинным безоговорочно. Быть может, физикализм применим к большей части сложного мира, описанного выше, — к камням, планетам, растениям, — но не к человеку и другим чувствующим существам.

Отказ от предпосылок повседневной жизни в философии сознания называют *элиминативизмом*. Элиминативист рассуждает так: если физикализм истинен, а существование ощущений с ним несовместимо, значит, ощущений не существует. Наконец, как и в общем случае, главное внимание философов сознания привлекает поиск компромисса. Здесь можно выделить две основные стратегии.

Первая состоит в таком объяснении природы ощущений, которое сделало бы их существование совместимым с физикализмом. Например, Райлу часто приписывают так называемый бихевиористский анализ: испытывать ощущение — значит демонстрировать определенный характерный образец поведения. Смарта, напротив, нередко толкуют как сторонника функционалистского, или нейтрального относительно предметной области, анализа. Согласно ему, испытывать ощущение

— значит находиться во внутреннем состоянии, играющем определенную каузальную роль: оно вызывается некоторыми обстоятельствами и, в свою очередь, порождает характерные формы поведения и другие ментальные состояния.

Вторая стратегия вдохновлена частью рассуждений Крипке, хотя сам он ее не поддерживал. Ее сторонники пытаются непосредственно опровергнуть аргумент мыслимости, не предлагая при этом ни функционалистского, ни бихевиористского анализа ощущений. Как мы увидим в главе 10, именно этот второй путь преобладает в новейших дискуссиях по философии сознания.

1.4. Место философии среди наук

До сих пор мы выяснили, что, согласно стандартной картине, физикализм заслуживает нашего доверия, хотя и вступает в противоречие с предпосылками повседневной жизни. Мы также отметили всеобщий характер физикализма и его связь с психофизической проблемой. Но почему именно эта картина стала стандартной? Чем она привлекательна?

Одна из причин состоит в том, что она хотя бы отчасти разрешает затруднение, которое я — намеренно несколько громко — назову проблемой философии. Ричард Рорти ярко описал ее следующим образом:

> Если философия станет слишком натуралистической, ее оттеснят жесткие позитивные дисциплины; если же она слишком увлечется историзмом, ее поглотят интеллектуальная история, литературная критика и другие, более мягкие области «гуманитарного знания». (Rorty 1979: 168)

Можно прочитать эти слова так, будто Рорти говорит прежде всего о борьбе за общественное влияние: выживет ли философия как дисциплина, конкурируя с другими науками за финансирование декана или щедрого благотворителя? Но, на мой взгляд, затруднение прежде всего интеллектуальное: оно касается самой природы философских проблем. Если философские вопросы по существу научные, неясно, почему их должны исследовать именно философы со своей особой подготовкой и навыками. Если же эти вопросы по существу ненаучные, то их,

по-видимому, следовало бы отнести к изучению исторического развития идей и их выражения в культуре — то есть к задачам историков и литературоведов, а не философов. Чем же в таком случае вообще должна заниматься философия?

Эта дилемма находится в центре многих философских дискуссий по крайней мере со времен возникновения логического позитивизма в 1930-е годы, а возможно, и значительно дольше. Как ее разрешить? Один путь — вовсе не пытаться ее разрешить, а принять как данность: отказаться от философии и стать либо ученым, либо литератором; как иногда говорят, превратиться — или попробовать превратиться! — в Эйнштейна или Ницше. Но если мы хотим защитить самостоятельность философии, то должны найти ей занятие, которое не сводится ни к науке, ни к литературе.

Стандартная картина предлагает, по-видимому, простой и убедительный выход. Физикализм представляет собой утверждение о мире, безупречное с научной точки зрения — во всяком случае на первый взгляд. В то же время он, похоже, противоречит предпосылкам повседневной жизни. Поэтому перед нами неизбежно возникает интеллектуальная задача — устранить это противоречие. Задача важная: мы не можем просто отказаться ни от физикализма, ни от обычной жизни. Но она не является в прямом смысле ни научной, ни литературной. Итак, физикализм хотя бы отчасти разрешает проблему существования философии.

Ту же мысль можно выразить иначе, связав проблему философии с проблемами включения в картину мира и с понятием *Weltanschauung*, о которых шла речь во введении. Как сказано у Фрейда в приведенном мною эпиграфе, *Weltanschauung* — это сравнительно простое положение или система, притязающая на универсальность. Мы можем понимать его как достаточно простое утверждение о мире, стремящееся к полноте: оно претендует на то, чтобы сказать нечто о каждом инстанцированном свойстве. Однако всякое содержательное *Weltanschauung* неизбежно порождает целый ряд проблем включения в картину мира. Ведь любая картина мира устанавливает ограничения на то, что может в нем существовать. А эти ограни-

чения делают некоторые из наших утверждений о мире, по крайней мере поначалу, неправдоподобными. Философы тогда выступают в роли своеобразной «мировоззренческой полиции» — *Weltanschauungpolizei*: они разыскивают места столкновения несовместимых представлений и пытаются устранить конфликты.

Физикализм — это *Weltanschauung* в смысле Фрейда — или, во всяком случае, его часто так воспринимают. Для философа у этого *Weltanschauung* два достоинства. Во-первых, оно опирается на науку. Во-вторых, порождаемые им проблемы включения затрагивают самые основы повседневной жизни. А значит, трудно представить задачу важнее, чем охранять согласованность такого *Weltanschauung*. Стандартная картина отчасти потому и пользуется популярностью, что отвечает на вопрос, чем должна заниматься философия, причем отвечает с немалым изяществом.

1.5. Философские проблемы как проблемы включения в картину мира

Стандартная картина привлекательна тем, что дает ответ на вопрос о предназначении философии. Но у нее есть и другое достоинство: она позволяет увидеть в философских проблемах — по крайней мере в значительной их части — поразительное единство. Рассмотрим слова Хью Прайса:

> Подобно прибрежным городам третьего тысячелетия, важнейшие области человеческого дискурса, похоже, оказались под угрозой наступления современной науки. Конечно, эта проблема не нова и сама по себе не обязательно вызывает сожаление. Прилив натурализма продолжается с XVII века, и его подъему мы больше обязаны прояснением мысли, чем загрязнением интеллектуальной атмосферы. И все же под угрозой оказались области, занимающие центральное место в человеческой жизни, — например, четыре «М»: мораль (morality), модальность (modality), значение (meaning) и ментальное (mentality). Некоторые из главных вопросов современной метафизики касаются места и судьбы этих понятий в натуралистическом мировоззрении. (Price 1997: 247)

В первой части отрывка Прайс описывает стандартную картину примерно так же, как это сделал я. Правда, он пользуется словом «натурализм», а не «физикализм», но, по-моему, его мысль подразумевает в том числе и физикализм. В последнем же предложении Прайс объявляет, что главные вопросы современной метафизики касаются «места и судьбы» соответствующих понятий в натуралистическом мировоззрении. Иначе говоря, он предлагает понимать философские — или хотя бы метафизические — вопросы самых разных областей как попытки найти место некоторым явлениям или утверждениям в физическом мире: включить их в физическую картину мира, согласовать с ней, обнаружить, как они в нее вписываются. Как я уже говорил во введении, авторы пользуются разными метафорами.

В остальной части своей статьи Прайс предлагает интересный способ решать такие проблемы. В значительной мере он опирается на идею Райла о том, что многие философски значимые высказывания вовсе не предназначены для сообщения фактов. Стоит ли вслед за Прайсом принимать эту вдохновленную Райлом позицию — отдельный интересный вопрос. Пока же я хочу обратить внимание на мысль, которая в его тексте скорее подразумевается, чем прямо высказывается. Речь идет о кажущемся тематическом единстве перечисленных проблем и, соответственно, о возможности делать столь широкие обобщения относительно главных задач метафизики.

Ведь существование такого единства вовсе не очевидно. Достаточно вспомнить научные вопросы: трудно утверждать, что они действительно едины по своей тематике, разве что в совершенно общем, а потому мало что объясняющем смысле, что ученые стремятся понять и объяснить явления. Почему же следует считать, будто метафизические вопросы о морали, значении, сознании и модальности — если воспользоваться примерами Прайса — сходны именно потому, что все они сводятся к включению соответствующих явлений в естественный или физический мир? Провел ли Прайс исследование этих проблем и установил на его основании, что каждая из них — проблема включения в картину мира? Разумеется, нет. Скорее он

явно или неявно исходит из определенной *теории* природы этих проблем. Из нее следует не только то, что все они представляют собой проблемы включения, но и то, что они относятся к одному и тому же типу.

Я не утверждаю, будто Прайс неправ, предполагая такое единство. Возможно, он прав. Я лишь отмечаю, что и он, и другие сторонники стандартной картины принимают это единство как предпосылку. Именно поэтому стандартная картина так притягательна.

1.6. Нейрат и Карнап

Когда стандартная картина стала стандартной? Как уже отмечалось, в 1930-е годы Отто Нейрат и Рудольф Карнап ввели слово «физикализм» в философский обиход. (Одна из статей Нейрата в английском переводе носит название «Физикализм: философия Венского кружка».) Но философы той эпохи понимали это слово не так, как его обычно понимают сегодня. Более того, и между ними самими не было согласия.

Для Рудольфа Карнапа, пожалуй самого влиятельного участника Венского кружка, физикализм прямо представлял собой тезис о значении или переводимости. «Общий тезис физикализма», писал он, состоит в том, что «физический язык есть универсальный язык, то есть язык, на который можно перевести любое предложение» (1959/1932: 165). Карнап рассматривал физикализм как вариант более привычного для позитивизма учения — феноменализма. Согласно феноменализму, универсальным языком, на который можно перевести любое предложение, служит не физический язык, а язык наблюдения. Его исходные предложения говорят о наблюдениях или опыте.

Почему следовало предпочесть физикализм в таком понимании феноменализму? В некоторых работах Карнап предполагает, что выбор диктуется прагматическими соображениями (1947: 207–208). Но в других местах он усматривает у физикализма определенное преимущество: физический язык интерсубъективен и потому особенно подходит для совместного научного исследования (1959/1932: 166). Нейрат разделял мнение Карнапа об интерсубъективности физического языка,

однако отстаивал другую версию физикализма. Карнап считал, что связь физических высказываний с остальными обеспечивается переводимостью. Нейрат же, по-видимому, придерживался гораздо более свободного взгляда. Для него принять физикализм означало признать взаимосвязь и единство различных наук, не отдавая ни одной из них господствующего положения. В поздней работе (1946) он сравнивал множество наук с оркестром; физикализм же составлял часть условий, благодаря которым этот оркестр мог существовать. (Впрочем, интерпретация взглядов Нейрата — сложная тема, которую мы здесь оставим в стороне; см. Cartwright *et al*. 1996.)

При всех разногласиях Карнап и Нейрат сходились в том, что центральное место в физикализме занимает понятие физического языка. Следовательно, оба защищали лингвистические версии физикализма, существенно отличающиеся от распространенных сегодня метафизических учений. Как я упоминал во введении, для Нейрата и Карнапа термин «физикализм» обозначал именно лингвистическую доктрину, а не метафизический тезис вроде материализма.

Но что такое физический язык? И что, собственно, делает его физическим? Иногда Карнап пишет так, будто под физическим языком он понимает язык самой физики (например, 1959/1932). Однако маловероятно, что язык физики мог бы выполнить задачи, которые возлагали на него Карнап и Нейрат. Едва ли физика способна стать общим языком, доступным любому ученому, как представлял себе Нейрат. Да и в эпистемологической программе Карнапа язык физики едва ли годится на роль фундаментального языка.

В других работах (например, 1947) Карнап, по-видимому, предполагает, что физический язык — это не язык физической науки, а язык обычных физических предметов и присущих им свойств. Для его целей такой подход, несомненно, удобнее. Но теперь различие физикализма и феноменализма становится чрезвычайно тонким. Мы уже видели, что феноменалист опирается на язык наблюдения, а физикалист — на физический язык. Но что именно представляет собой язык наблюдения? Можно понимать его как язык наблюдаемых вещей, то есть обычных

физических предметов и их свойств. А можно — как язык событий наблюдения, то есть актов восприятия физических предметов. Однако сами эти акты, похоже, лучше всего объяснять через предметы, которые воспринимаются. Следовательно, при любом из двух способов определить язык наблюдения он оказывается весьма близок к языку обычных физических предметов. Тонкость различия сама по себе не опровергает ни физикализм, ни феноменализм. И все же она удивительна, если учесть, что эти учения часто считают радикально различными.

Два понимания физического языка, которые мы обнаружили у Карнапа, — язык физической науки и язык обычных физических предметов — в той или иной форме будут сопровождать нас на протяжении всей книги. У сторонника физикализма всегда полезно спросить, имеет ли он в виду физический объект в повседневном понимании или понятие физики как науки. Нередко ответом окажется: и то и другое. Тем интереснее, что Нейрат в данном вопросе пошел совершенно самостоятельным путем. Он писал:

> [Физикализм] […] исходит из повседневного языка, исключающего элементы, не общие для разных народов Земли. Предполагается, что меланезийские племена и европейские исследователи без особых затруднений могут начать разговор о коровах и телятах, боли и удовольствии; трудности же возникают, когда в разговор входят такие выражения, как «причина», «наказание», «сознание» и тому подобные. В той части нашего повседневного языка, которую признает физикализм, вопросы формулируются с помощью слов «где», «когда» и «как». Поэтому физикализм предлагает отказаться от обсуждений, в которых нельзя осмысленно поставить эти три вопроса. (Нейрат, цит. по O'Neill 2004: 435)

Примечательно, что Нейрат включает в физический язык даже «удовольствие» и «боль». Это позволяет предположить, что под физикализмом он понимал нечто весьма далекое от предмета современных дискуссий.

1.7. Куайн и Смарт

Версии физикализма, которые защищали Карнап и Нейрат, пользовались признанием далеко не у всех членов Венского кружка и близких к нему философов. Витгенштейн, которым многие участники кружка восхищались, считал по меньшей мере само *название* этого учения ужасным (Stern 2005). А Мориц Шлик, другой участник кружка, критиковал версию Нейрата по философским основаниям (см. Schlick 1932, 1934). Шлик полагал неправдоподобным отводить физическому языку и физическим высказываниям какую-либо фундаментальную роль в теории познания. Ведь относительно истинности высказывания о физическом предмете мы, по-видимому, можем ошибаться так, как не можем ошибаться относительно истинности непосредственного наблюдательного высказывания. Впрочем, едва ли Нейрата особенно обеспокоило бы это возражение: саму мысль о том, что знание должно иметь некое основание, он отвергал.

Хотя влияние Карнапа и Нейрата на других членов Венского кружка было ограниченным, оба оказали огромное воздействие на У. В. О. Куайна — возможно, самого выдающегося физикалиста XX века. В 1950-е годы Куайн опубликовал серию работ в защиту физикализма уже в форме, близкой к современной. Статья «Область и язык науки», например, начинается так:

> Я — физический объект, находящийся в физическом мире. Некоторые силы этого мира воздействуют на мою поверхность. Лучи света попадают на сетчатку моих глаз; молекулы ударяются о барабанные перепонки и кончики пальцев. Я отвечаю на эти воздействия, испуская концентрические звуковые волны. Эти волны превращаются в поток речи о столах, людях, молекулах, лучах света, сетчатках, звуковых волнах, простых числах, бесконечных классах, радости и печали, добре и зле. (Quine 1954: 22)

Подобные отрывки, по-видимому, достаточно ясно выражают одну из версий физикализма. Но место, которое Куайн отводил ему в философии, существенно отличалось от того, какое ему отводили Карнап и Нейрат. Для Куайна, как и для

большинства современных философов, физикализм был не тезисом семантики или эпистемологии, а очень общим утверждением о том, что существует в мире и каков этот мир. Иначе говоря, физикализм стал частью метафизики.

Куайн рассматривал физикализм как гипотезу о природе мира. Но то понимание задач самой философии, которое связывает с ним стандартная картина, у Куайна, на мой взгляд, скорее намечено, чем разработано. В книге «*Слово и объект*» (1960), завершившей серию его физикалистских работ 1950-х годов, Куайн действительно обсуждал — воспользуемся словами Прайса — место и судьбу понятия *значения* в физическом мире. Его вывод был отрицательным: придать обычным семантическим понятиям объективный смысл, по Куайну, невозможно. (Знаменитый скептицизм Куайна в отношении семантики был, кстати, одной из главных причин его отказа от лингвистической версии физикализма, связанной с Карнапом.)

Тем не менее я не нахожу у Куайна прямого утверждения, что все философские проблемы или хотя бы весьма значительную их часть следует понимать как проблемы включения в картину мира. Более того, в некоторых работах Куайн неожиданно близко подходит к «научному» полюсу дилеммы Рорти, о которой мы говорили выше (Quine 1969).

В начале 1960-х годов несколько философов, сочувствовавших и критике позитивизма у Куайна, и его физикализму, стали разрабатывать мысль, что многие философские вопросы лучше всего понимать как задачи определения места тех или иных явлений в исключительно физическом мире. Особенно прямо и ясно эту позицию выразил Дж. Дж. К. Смарт в книге «*Философия и научный реализм*» (*Philosophy and Scientific Realism*) и статье «Материализм» (1963, 1963a; см. также Sellars 1962). Свою книгу он открыл словами: «Эта книга задумана как очерк синтетической философии, как предварительный набросок последовательной и научно правдоподобной картины мира» (1963: 1). Затем Смарт защищал материалистическое понимание природы и предлагал философии роль, очень близкую к той, которую мы обнаружили в цитате из Прайса.

Смарт считал себя обязанным Куайну и действительно многому у него научился. Но у Смарта мы находим в совершенно явном виде то, что у Куайна я могу усмотреть лишь намеками, — стандартную картину. Физикализм, согласно ей, представляет собой учение о мире, в пользу которого говорят чрезвычайно веские основания, хотя на первый взгляд оно противоречит основополагающим утверждениям человеческой жизни. Задача философии — по крайней мере одна из важнейших — снять это противоречие. Смарт писал в эпоху, когда многие философы отвергали подобное понимание своего дела. Однако можно с полным основанием сказать, что с 1960-х годов эта картина, или что-то весьма на нее похожее, определяет не только представления многих философов о мире, но и их представления о самой философии.

Философия и физикализм позитивистов, таких как Нейрат и Карнап, явно отличаются от философии и физикализма постпозитивистов, таких как Куайн и Смарт. И все же у них есть важное сходство, которое стоит иметь в виду в дальнейшем. Лингвистический физикализм устанавливает условие осмысленности предложения: предложение имеет смысл лишь в том случае, если его можно перевести на физический язык. Задача придерживающегося такой позиции философа — разделять предложения на осмысленные и бессмысленные, надеясь, что полученное разграничение будет интуитивно приемлемым или по меньшей мере интересным.

Метафизический же физикализм устанавливает условие существования факта: нечто является фактом тогда и только тогда, когда находится в надлежащем отношении к физическим фактам. Задача философа этой ориентации — различать подлинные факты и то, что фактами не является, опять-таки рассчитывая получить интуитивно приемлемое или хотя бы интересное разграничение. С этой точки зрения постпозитивистская философия имеет с позитивизмом больше общего, чем обычно принято думать.

1.8. Стандартная картина в пяти тезисах

Теперь мы можем подытожить сказанное, представив стандартную картину как соединение пяти положений:

1. *Основной тезис*. Физикализм истинен.
2. *Интерпретационный тезис*. Физикализм выражает ту картину мира, которая подразумевается естественными науками.
3. *Эпистемологический тезис*. Разумнее всего принимать картину мира, подразумеваемую естественными науками, какой бы она ни оказалась.
4. *Тезис о конфликте*. Физикализм на первый взгляд противоречит многим предпосылкам повседневной жизни.
5. *Тезис о разрешении конфликта*. Противоречия следует разрешать, предлагая такие истолкования предпосылок повседневной жизни, при которых они оказываются совместимыми с физикализмом.

Эти пять положений образуют единую систему. Интерпретационный и эпистемологический тезисы вместе дают основания принять основной. Тезис о конфликте обнаруживает трудность, с которой основной тезис сталкивается, а тезис о разрешении конфликта указывает стратегию преодоления этой трудности. Как мы видели, привлекательность стандартной картины объясняется тем, что она обосновывает самостоятельность философии и позволяет усмотреть внутреннее единство во многих — хотя, разумеется, далеко не во всех — философских вопросах.

Думаю, именно стандартная картина дает ответ или, точнее, основу ответа на один из трех вопросов, поставленных во введении: о философском значении физикализма. В рамках стандартной картины физикализм, несомненно, *выглядит* чрезвычайно значимым тезисом. Но таким значением он обладал бы лишь при условии истинности самой картины. Истинна ли она? Надеюсь, к концу книги мы сможем ответить на этот вопрос. Однако торопиться не стоит. Прежде чем оценивать истинность составляющих стандартную картину тезисов, мы должны значительно лучше разобраться в том, что утверждает сам физи-

кализм. Поэтому следующим шагом станет исследование его смысла.

Итоги

Мы увидели, что сторонники стандартной картины признают существование действительного или кажущегося противоречия между физикализмом и многими предпосылками повседневной жизни. Мы также вкратце разобрали причины привлекательности этой картины и — еще более кратко — ее историческое происхождение в физикализме Карнапа, Нейрата, Куайна и Смарта.

Рекомендуемая литература

Классические примеры понимания философских проблем как задач включения различных явлений в физическую картину мира можно найти у Smart (1963) и Sellars (1962). Более поздние и разработанные варианты этой идеи представлены у Lewis (1986b) и Jackson (1998). С другой философской позиции, но в общем русле того же подхода написана статья Price (1997), из которой взята цитата о четырех областях, начинающихся с буквы «М». О физикализме у позитивистов см. Carnap (1959; первая публикация — 1932/33) и Neurath (1931a). Лучше всего с позицией Куайна знакомиться по первой главе Quine (1960); см. также Friedman (1975). Статья Field (1972) рассматривает физикализм, связывая его и с Куайном, и с Нейратом.

ГЛАВА 2

Форма и альтернативы

2.1. Введение

Первый тезис стандартной картины гласит: физикализм истинен. Но что именно представляет собой физикализм?

На первый взгляд ответ прост: физикализм — это учение о том, *что* все физично. Обычно нам кажется, что мы понимаем и слово «все», и слово «физическое», а значит, должны без труда понимать и утверждение «все физично». Однако дело обстоит не так просто. Во-первых, как подробно выяснится в следующих главах, далеко не очевидно, что означает «физическое» в контексте физикализма. Во-вторых, еще до выяснения смысла слова «физическое» нужно разобраться со словом «все». Это универсальный квантор. Поэтому вопрос можно поставить иначе: на какие именно предметы распространяется квантор? Что, собственно, должно быть физическим?

Именно с этой стороны проблемы я и начну исследование вопроса об интерпретации физикализма — вопроса о том, что он утверждает и чем является. Мы увидим, что выражение «все физично» вполне годится в качестве первоначального лозунга, но для ясного понимания предмета его необходимо заменить утверждением с более сложной логической структурой.

2.2. Неограниченная квантификация

Некоторые философы полагают, что слово «все» можно употреблять в неограниченном смысле. Тогда оно охватывает решительно все существующее: все вещи во всем мире (или во всех мирах), будь то абстрактные или конкретные сущности, свойства или партикулярии, животные, растения

или минералы. В пользу такого понимания обычно приводят предложения вроде «все тождественно самому себе». Вполне разумно считать, что *абсолютно* все существующее тождественно самому себе; поэтому можно предположить, что здесь квантор действительно не имеет ограничений.

Впрочем, спорны даже такие примеры. Философы расходятся во мнениях относительно того, допускает ли слово «все» — в английском или каком-либо другом естественном языке — подобное толкование и возможно ли оно вообще (см., например, Rayo and Uzquiano 2006). Нам необязательно вступать в этот спор. Допустим, неограниченное употребление возможно. *Следует* ли тогда именно так понимать слово «все» в утверждении «все физично»? Если да, мы получим первую из многочисленных формулировок физикализма, которые предстоит рассмотреть:

> (1) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда абсолютно все без исключения является физическим.

Стоит ли принять (1)? Иными словами, действительно ли физикализм утверждает, что «все физично» в том же всеобъемлющем смысле, в каком «все тождественно самому себе» говорит — или, по крайней мере, кажется, что говорит — обо всем существующем?

Начать следует с того, что в таком понимании физикализм оказывается чрезвычайно сильным тезисом. Возьмем число два. Многие философы считают, что оно существует. Если выражение «все физично» относится вообще ко всему существующему и именно это составляет содержание *физикализма*, то для истинности физикализма необходимо, чтобы число два было физическим. Но действительно ли физикалисты хотят утверждать подобное? На первый взгляд это звучит странно. Число два уж точно не является физическим, если под физическим мы понимаем нечто вроде обычного предмета, который можно было бы увидеть, потрогать или на который можно наткнуться.

Можно возразить, что с числами трудно разобраться, поскольку само философское осмысление чисел чрезвычайно сложно. Кроме того, в последующих главах мы увидим, что существуют трактовки физического — грубо говоря, те, кото-

рые отдают первенство физической теории, а не физическим предметам, — при которых даже число два, возможно, окажется физическим. Допустим. Но главное возражение против (1), а именно его чрезмерную силу, можно показать на менее спорном примере. Рассмотрим Верховный суд США. Он существует или, во всяком случае, признается существующим многими философами. Следовательно, согласно обсуждаемому толкованию, физикализм будет истинным лишь при условии, что Верховный суд США физичен. Неужели физикалисты готовы это утверждать? Снова странно: Верховный суд — не физический предмет в обыденном смысле, да и к физике как науке он имеет весьма отдаленное отношение. Получается, что само существование и устройство Верховного суда могут опровергнуть физикализм. Едва ли такая интерпретация привлекательна.

Разумеется, можно настаивать: «Если физикализм истинен, то Верховный суд США либо все-таки является физическим, либо вовсе не существует!» Такая позиция возможна, но не выглядит особенно заманчивой для физикалиста, тем более что существует иной ответ. Пример с Верховным судом можно считать опровержением не физикализма, а формулировки (1). Тогда фразу «все физично» не следует читать как неограниченное утверждение — по крайней мере, когда она служит определением физикализма. Вместо этого требуется ограничить область ее применения: физическим должно быть не вообще все, а все, что входит в некоторый существенный для нас класс.

В повседневной речи мы обычно и поступаем именно так. Собирая вещи перед поездкой на выходные, я могу войти в дом и сказать: «Все уже в багажнике». Конечно, я не имею в виду буквально все на свете: там нет ни числа два, ни Верховного суда США. Я говорю, что уложил все наши сумки или все, что собирался взять с собой, — словом, все предметы некоторого подразумеваемого класса. Аналогично и физикалист, заявляя, что «все физично», может иметь в виду не абсолютно все, а все, что относится к определенной категории.

2.3. Ограничение областью партикулярий

Но о какой категории идет речь? Как ограничить квантор в выражении «все физично», чтобы получить приемлемую формулировку физикализма?

Следующее предложение состоит в том, чтобы понимать «все физично» не по образцу высказывания «все тождественно самому себе», а по образцу «все красное». Последнее, по-видимому, означает, что красным является всякий конкретный предмет. Отсюда вытекает новая формулировка:

> (2) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякая конкретная партикулярия является физической.

Прежде чем оценивать (2), нужно пояснить, что такое конкретная партикулярия. Когда философы говорят о партикулярриях, или индивидах — далее я буду употреблять эти обозначения как синонимы, — они обычно противопоставляют их свойствам. Компьютеры, письменные столы, Верховный суд, число два — примеры партикулярий. Краснота, квадратность, обладание властью, нечетность — примеры свойств. Так, мой компьютер является партикулярией, инстанцирующей свойство «принадлежать университету». Верховный суд тоже представляет собой партикулярию, но этим свойством не обладает: никакой университет не владеет Верховным судом.

Точно охарактеризовать различие между партикуляриями и свойствами непросто, однако здесь достаточно следующего. Свойство — это то, что допускает инстанцирование (instantiation), например в партикулярии или другом свойстве. Партикулярия, напротив, не является чем-то, что может инстанцироваться в этом смысле. О моем компьютере можно утверждать многое: что он существует, что он красный или что принадлежит университету. Но утверждать, что он инстанцирован, нельзя: компьютер вообще не относится к тому роду вещей, которые способны инстанцироваться. А вот свойства — например краснота или принадлежность университету — относятся.

Теперь о том, что значит быть конкретным. Конкретные партикулярии обычно противопоставляют абстрактным. Строго провести это различие тоже непросто, но для наших целей достаточно отметить, что среди партикулярий, по-видимому, есть те, которые обладают хотя бы приблизительным местоположением в пространстве и времени, и те, которые его не имеют. Число два, если оно существует, предположительно нигде в пространстве и времени не находится — где именно его следовало бы искать? Мой компьютер, напротив, занимает определенное место. Конкретными мы называем партикулярии первого рода, то есть пространственно-временные, а абстрактными — те, которые не имеют такого местоположения.

Следовательно, сторонник (2) дважды сужает предмет обсуждения: сначала отказывается говорить о свойствах и ограничивается партикуляриями, а затем выбирает среди последних только конкретные. Но можно ли утверждать, что физикализм истинен в точности тогда, когда все такие сущности физичны?

Ответ отрицательный. Формулировка (1) была чрезмерно сильной, а (2), напротив, оказывается слишком слабой: она не исключает все разновидности дуализма.

В XVIII веке дуализм обычно подразумевал существование души, которая, например, после смерти тела может отправиться на небеса. Душу традиционно мыслили как особую партикулярию — субстанцию, то есть такую сущность, которая способна существовать самостоятельно. Формулировка (2), конечно, исключает существование душ: согласно ей, никаких нефизических партикулярий нет. Поэтому она могла бы выражать физикализм (или материализм), который защищал, скажем, французский материалист XVIII века барон Гольбах. Однако современные дуалисты нередко вовсе не верят в души (хотя бывают исключения: см. Swinburne 1997). Они утверждают другое: физические объекты, например человеческие тела, обладают нефизическими свойствами. Поэтому сегодня чаще говорят о дуализме свойств, а не о дуализме субстанций (можно было бы также сказать — не о дуализме партикулярий).

Именно здесь обнаруживается слабость (2). Она утверждает лишь физическую природу каждой партикулярии, но допускает, что некоторые из этих сущностей имеют нефизические свойства. Следовательно, формулировка (2) вполне совместима с дуализмом свойств и не годится для определения физикализма.

2.4. Ограничение областью свойств

Можно ли исправить (2)? Следующее предложение состоит в замене ее на (3):

> (3) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое свойство является физическим.

Это несомненный шаг вперед. Дуалист свойств, безусловно, отвергнет правую часть (3): ведь он признает у людей некоторые нефизические свойства, а (3) отрицает их существование. Более того, дуалист субстанций, признающий нефизические ментальные сущности — например души, — также должен считать, что у этих сущностей есть нефизические свойства. Так, душа по крайней мере обладает свойством *быть душой*, а оно, надо полагать, нефизично, если сама душа нефизична. Значит, он тоже отвергнет правую часть (3). Итак, если мы хотим получить тезис, позволяющий осмыслить современные споры о физикализме, переход от партикулярий к свойствам, по-видимому, совершенно уместен.

Тем не менее (3), как и (1), приписывает физикализму чрезмерно сильное содержание. Дело в том, что многие философы признают существование неинстанцированных свойств. Рассмотрим, например, свойство «быть президентом США от Демократической партии в 2001 году». Человек вполне мог обладать таким свойством. Эл Гор был близок к этому и обладал бы им, сложись обстоятельства несколько иначе. Но в действительности Гор президентом не стал, а такого свойства не имел никто. Значит, оно не было инстанцировано. Однако, по мнению многих философов, само свойство все-таки существует.

Теперь рассмотрим свойство «иметь душу». Если душ не существует, это свойство тоже неинстанцировано — точно так

же, как свойство быть президентом-демократом в 2001 году. И все же философы, признающие неинстанцированные свойства, предположительно признают существование и этого свойства. Но разве *оно* физическое? Конечно, нет. А если физикализм определяется посредством (3), для его истинности необходимо, чтобы и это свойство было физическим.

Избежать затруднения можно, сузив область рассмотрения: говорить не обо всех свойствах, а только об инстанцированных. Тогда (3) превращается в (4):

> (4) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное свойство является физическим.

Однако и (4) по уже знакомой причине слишком сильна. Вернемся к Верховному суду США. Одно из его свойств — полномочие устанавливать процессуальные правила для нижестоящих судов. Если (4) верно передает содержание физикализма, то истинность физикализма требует, чтобы и это свойство было физическим. Можно вообразить физикалиста, которого такой вывод устроит. Но он крайне неправдоподобен: как сам Верховный суд является прежде всего социальным и юридическим, а не физическим объектом, так и его полномочия по отношению к нижестоящим судам представляют собой социальные и юридические, а не физические свойства.

2.5. Фундаментальные свойства

Итак, ограничиться свойствами — разумная мысль, но предыдущая формулировка по-прежнему слишком сильна. Напрашивается следующий шаг: рассматривать не любые инстанцированные свойства, а свойства определенного вида. Какого именно?

Ясно, что нельзя просто сказать «*физические* свойства». Тогда физикализм сведется к утверждению, что всякое инстанцированное физическое свойство физично. Но это аналитическая истина, тогда как физикализм, даже если он истинен, не должен быть аналитически истинным.

Здесь возникает соблазн обратиться к понятию метафизически фундаментального свойства — примерно в том смысле, который разработал и защищал Дэвид Льюис. Это понятие

встречается у него очень часто. В одном особенно выразительном отрывке он пишет:

> Наш мир, как и любой возможный мир, состоит из вещей, инстанцирующих фундаментальные свойства и — попарно, по трое и так далее — фундаментальные отношения. Фундаментальных свойств немного. Например, свойство быть клубом, кадкой или пабом — это неестественная, произвольно составленная характеристика, которой самые разные вещи удовлетворяют самыми разными способами. Фундаментальное, или «совершенно естественное», свойство — полная противоположность такому свойству. Все его носители имеют один и тот же аспект своей внутренней природы. То же верно и для отношений. В качестве априорного принципа я принимаю, что всякая контингентная истина тем или иным образом делается истинной определенной конфигурацией совместного инстанцирования фундаментальных свойств и отношений. Вся истина о мире, включая его ментальную сторону, супервентна этой конфигурации. Если бы два возможных мира обладали совершенно изоморфными конфигурациями совместного инстанцирования фундаментальных свойств и отношений, они были бы полностью одинаковы во всех отношениях. (Lewis 1994: 292)

Основную мысль можно пояснить, представив фундаментальные свойства ингредиентами, из которых состоит мир. Вообразим Бога небесным кондитером. Чтобы испечь пирог под названием «мир», ему достаточно правильно расположить исходные ингредиенты: все остальное получится само собой. (Такую теологическую метафору в данном контексте предложил Крипке, 1980.)

Если мы примем понятие фундаментального свойства в приблизительно таком смысле, станет возможна следующая формулировка физикализма:

> (5) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное фундаментальное свойство является физическим.

Эта формулировка явно лучше предыдущих. Снова возьмем полномочие Верховного суда устанавливать процессуальные правила. Поскольку это свойство, во-первых, инстанцировано, а во-вторых, по всей вероятности, нефизично, из (4) следовало бы, что физикализм ложен. Но из (5) такой вывод не следует: полномочие устанавливать процессуальные правила не может претендовать на статус фундаментального свойства в смысле Льюиса.

Поэтому, если фундаментальные свойства существуют, заманчиво принять (5) или близкую формулировку. Беда в том, что само их существование выглядит спорным по меньшей мере в двух отношениях.

Во-первых, это эмпирически рискованное предположение. Приведенный отрывок Льюиса естественно прочитать как утверждение, что наш мир имеет фундаментальный физический уровень, который физика уже открыла или когда-нибудь откроет. Однако вопрос о существовании такого уровня вполне может оставаться открытым для науки (Schaffer 2003). Если так, не следует включать в определение физикализма обязательное существование фундаментального уровня.

Во-вторых, предположение спорно в метафизическом отношении. Льюис объявляет априорным принципом тезис, что всякая контингентная истина должна быть сделана истинной конфигурацией совместного инстанцирования фундаментальных свойств и отношений, и добавляет, что фундаментальных свойств немного. Судя по всему, он полагает, что это верно для любого возможного мира. Иначе говоря, в каждом возможном мире истинность всех контингентных утверждений должна определяться тем, каким образом совместно инстанцируется небольшое число фундаментальных свойств.

Но вообразим философа, который не согласен с Льюисом. Он, например, допускает возможные миры, в которых вещи инстанцируют не малое, а очень большое число фундаментальных свойств; соответственно, контингентные истины в этих мирах не определяются немногими фундаментальными свойствами. Совершенно неясно, как разрешить его спор с Льюисом. Почему вообще нужно считать, что у каждого возмож-

ного мира существует совсем небольшой набор свойств, делающий истинными все его контингентные утверждения? Отрицание априорного принципа Льюиса не содержит противоречия: можно отвергать этот принцип, не противореча самому себе. Так почему же мы должны в него верить?

2.6. Метафизическое необходимое следование

Понятие фундаментального свойства, пусть и спорное, несомненно полезно. В частности, именно этим Льюис обосновывает его использование. Мы тоже будем время от времени к нему обращаться. Тем не менее желательно сформулировать физикализм так, чтобы не связывать его истинность с этим дополнительным спорным предположением.

Для этого вернемся к (4):

> (4) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное свойство является физическим.

Мы уже видели, что (4) привлекательна, но слишком сильна, и попробовали исправить ее, ограничившись фундаментальными свойствами. Однако есть другой путь.

Если некоторое утверждение вида «все есть F» оказывается слишком сильным, его вполне естественно ослабить: пусть оно говорит, что «все есть *либо F, либо G*», где G обозначает какое-то иное свойство. Именно так можно поступить и здесь. Недостаток (4) заключается в том, что физикализм оказывается обязан считать физическими некоторые математические или юридические свойства. Но даже если физикализм не требует считать их физическими, он все-таки *должен* требовать, чтобы эти свойства находились в определенном отношении к физическим свойствам. Иными словами, если физикализм истинен, каждое инстанцированное свойство должно иметь какую-то связь с физическим свойством. Пока обозначим это отношение буквой R. Тогда мы получим:

> (6) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное свойство либо само является физическим, либо находится в некотором отношении R к какому-либо инстанцированному физическому свойству.

Эта формулировка позволяет избежать известных нам затруднений. Право Верховного суда устанавливать процессуальные правила — не физическое свойство, однако оно может находиться в определенном отношении к физическому свойству. Поэтому пример с Верховным судом больше не представляет проблемы. Вместе с тем (6) не использует понятие фундаментального свойства, а значит, не зависит от сомнительного предположения, что такие свойства существуют.

Зато перед (6) сразу возникает другой, очевидный вопрос: что представляет собой отношение *R*? В шестой главе мы увидим, что философы предлагали различные ответы: метафизическое необходимое следование, супервентность (supervenience), реализацию (realization) и другие отношения. На протяжении большей части книги я, однако, буду исходить из рабочего предположения, что речь идет о первом из них — отношении метафизического необходимого следования (metaphysical necessitation), или, короче, необходимого следования. Если *R* — это отношение необходимого следования, (6) можно заменить следующей формулировкой:

> (7) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное свойство либо является физическим, либо с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством.

Как и (6), формулировка (7) избегает ранее обнаруженных трудностей. Полномочие Верховного суда принимать процессуальные правила не физично, но оно все же может с необходимостью определяться физическим свойством. Во всяком случае, пока у нас нет доводов против такой возможности. При этом (7), как и (6), не ссылается на фундаментальные свойства.

Разумеется, пока отождествление *R* с метафизическим необходимым следованием остается лишь предположением, которое впоследствии потребуется подробно обсудить и защитить. Но уже сейчас оно выглядит разумным по трем причинам. Во-первых, для определенности нам все равно нужно выбрать какое-то отношение. Во-вторых, выбор именно этого отношения почти не повлияет на аргументы глав 3–5 и большей части книги. В-третьих, как я постараюсь показать в главах 6–8, мета-

физическое необходимое следование вполне подходит на эту роль: даже если искомое отношение отличается от него, оно, по-видимому, все равно будет его предполагать.

Но прежде чем принять это предположение хотя бы временно, нужно выяснить, что мы под ним понимаем. Что такое отношение необходимого следования и почему оно называется метафизическим?

Я имею в виду понятие, ставшее широко известным благодаря книге Крипке «*Именование и необходимость*» (1980). В этом смысле свойство F с необходимостью влечет свойство G тогда и только тогда, когда необходимо, чтобы при инстанцировании F инстанцировалось и G. Иначе говоря, если F инстанцировано, то G не может не быть инстанцировано. В философии такую необходимость обычно объясняют с помощью возможных миров. Так, свойство быть красным необходимо влечет свойство быть цветным: во всяком возможном мире, где инстанцирована краснота — то есть существует нечто красное, — инстанцировано и свойство быть цветным. Аналогичным образом свойство быть красным необходимо влечет свойство быть красным или квадратным: во всех возможных мирах, где инстанцировано первое, инстанцировано и второе.

Ключевое выражение здесь — «во *всех* возможных мирах». Недостаточно, чтобы утверждение «если инстанцировано F, то инстанцировано и G» выполнялось в *некоторых* мирах или во всех мирах *определенного класса*. Оно должно быть верным в любом возможном мире. Иначе говоря, если F метафизически необходимо влечет G, то совершенно невозможна ситуация, в которой F инстанцировано, а G — нет. Если краснота метафизически необходимо влечет наличие цвета, не существует возможности, при которой что-либо красно, но ничто не обладает цветом.

В повседневной речи мы, однако, часто называем что-либо возможным или необходимым вовсе не в этом всеобъемлющем смысле. Например, говоря «Мне невозможно купить дом с видом на гавань», я, вероятно, не утверждаю, что не мог бы приобрести такой дом ни в одном возможном мире. Вполне метафизически возможно, что преподавателям платят гораздо

больше, чем в действительности, или что дома с видом на гавань перестают считаться престижными. В каком же смысле покупка невозможна? Скорее всего, я говорю о финансовой невозможности. То есть примерно о том, что ни в одном возможном мире, где финансовые обстоятельства в основном остаются такими же, как сейчас, я не смог бы купить такой дом.

Это связано с уже обсуждавшимся ограничением кванторов. В обычной речи мы различными способами сужаем область, о которой говорим. Точно так же, рассуждая о необходимости и возможности, мы чаще всего ограничиваемся возможными мирами определенного рода. Но из этого не следует, что в некоторых контекстах — например, при философском анализе — нам недоступно неограниченное понятие, охватывающее вообще *все* возможные миры. Именно оно и лежит в основе понятия метафизической необходимости.

Теперь вернемся к (7). Согласно этой формулировке, юридические или числовые свойства не обязаны сами быть физическими. Однако, если физикализм истинен, они должны с необходимостью определяться физическими свойствами. Иными словами, должны существовать физические свойства, которые необходимо влекут наличие этих юридических или числовых свойств. Более того, если верна (7) и физикализм истинен, то любое инстанцированное свойство либо физично, либо с необходимостью определяется физическим.

2.7. Некоторые пояснения

В начале главы я отметил, что выражение «все физично» приемлемо в качестве краткого лозунга, но для ясного понимания предмета его придется заменить более точной формулировкой. В дальнейшем эту роль в основном будет выполнять (7), точнее ее правая часть. Итак, на протяжении большей части исследования под физикализмом мы будем понимать тезис, согласно которому всякое инстанцированное свойство либо само является физическим, либо с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством.

Сам по себе этот тезис, конечно, не решает вопрос об интерпретации физикализма. Нам еще предстоит выяснить, что такое

физическое свойство, и обосновать предположение, что физикализм следует определять через отношение необходимого следования. Этим мы займемся в следующих главах. Однако (7) дает нам логическую форму физикалистского тезиса. Теперь остается наполнить ее содержанием.

Прежде чем всерьез приступить к этому, я должен сделать еще две вещи: уточнить некоторые моменты сказанного и сопоставить физикализм с его соперниками. Начну с уточнений. Они затрагивают довольно специальные вопросы, поэтому читатель, которого предыдущее обсуждение вполне удовлетворило, может спокойно пропустить их.

2.7.1. Существуют ли свойства?

Первое замечание касается самого предположения о существовании свойств. Разве оно бесспорно? В философии давно ведутся споры о том, существуют ли свойства. Номиналисты отвечают отрицательно, реалисты — положительно. Тогда номиналист, по всей видимости, должен признать тривиально истинным утверждение, что всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется физическим, поскольку, по его мнению, никаких свойств вообще не существует!

Тем не менее в дальнейшем я оставлю номинализм в стороне. Конечно, если номиналист отрицает существование свойств любого вида, он не сможет сформулировать физикализм предложенным мной способом. Но точно так же ему будет трудно сформулировать и множество других утверждений. Дело в том, что мы постоянно говорим о свойствах, признаках и характеристиках не только в философии и науке, но и в повседневной жизни. Номиналист обязан как-то объяснить осмысленность таких высказываний. Если ему это удастся, он сможет применить свое объяснение и к физикализму. Если же нет, вопрос о формулировке физикализма будет далеко не самой серьезной из его проблем.

2.7.2. Обильные и скудные свойства

Во-вторых, даже если отложить номинализм, остаются по меньшей мере два совершенно разных понимания свойств. Поэтому можно спросить, какое из них я имею в виду (ср. Lewis 1983).

Согласно так называемой обильной концепции (abundant conception), для любого множества вещей существует свойство, которым обладают все его элементы. При таком подходе свойство «быть клубом, кадкой или пабом», о котором Льюис говорил в приведенной выше цитате, — вполне полноценное свойство: ведь существует множество вещей, удовлетворяющих этому условию. Напротив, скудная концепция (sparse conception) считает свойствами по определению лишь фундаментальные свойства в смысле Льюиса, то есть исходные составляющие реальности.

Какую концепцию мы будем использовать? Если не оговорено иное, обильную. Поэтому слова «всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством» следует понимать именно в этом смысле. Во-первых, только тогда наш тезис будет обладать нужной всеобщностью. Во-вторых, мы обратились к такой формулировке специально для того, чтобы обойтись без понятия фундаментального свойства, а значит, и без скудного понимания свойств.

2.7.3. Свойства и отношения

В-третьих, отдавая особое внимание свойствам, я вовсе не исключаю отношения. Слово «свойство» обычно обозначает одноместные характеристики — например, быть согнутым или красным. Но можно обобщить это понятие, включив в него двуместные и вообще n-местные характеристики: скажем, находиться в двух футах слева от чего-то или передавать что-то кому-то, как в предложении «Джон дал Мэри мяч». Иначе говоря, отношения можно считать свойствами особого рода. Тогда все сказанное будет относиться к отношениям в той же мере, что и к обычным свойствам.

2.7.4. Свойства, положения дел и истины

В-четвертых, возможно, наше внимание к свойствам — даже если понимать их в обильном смысле и включать отношения — недостаточно обоснованно. Пусть верно, что любая формулировка физикализма, ограничивающаяся только *партикуляриями*, окажется слишком слабой. Но почему отсюда следует сразу переходить к свойствам?

Некоторые философы, например, считают физикализм тезисом не о свойствах, а о положениях дел. Положение дел состоит в том, что некоторый предмет обладает свойством либо что два или более предметов находятся в определенном отношении. С этой точки зрения физикализм гласит, что всякое положение дел с необходимостью определяется каким-либо физическим положением дел; отношение необходимого следования понимается здесь как такое, при котором необходимо, чтобы наличие физического положения дел влекло первое. Другие философы предпочитают говорить не о свойствах, а об истинах или, если это не одно и то же, о фактах. Для них физикализм утверждает, что всякая истина с необходимостью определяется какой-то физической истиной: если физическая истина верна, то с необходимостью верна и первая.

Оба этих подхода, как и подход через свойства, не ограничиваются партикуляриями. Почему же я предпочитаю именно свойства? Причина скорее практическая, чем принципиальная. Некоторые вопросы о том, что значит «быть физическим», которые меня особенно интересуют, легче — по крайней мере лично мне — обсуждать в терминах свойств, а не положений дел или истин. Но я не сомневаюсь, что исследование можно построить и иначе. Важно лишь не сводить физикализм к тезису о партикуляриях: в таком случае основные интересующие нас вопросы попросту нельзя было бы поставить.

2.7.5. Свойства и законы

В-пятых, кого-то может удивить, что в принятой формулировке физикализма ничего не говорится о научных, в частности физических, законах. Ведь можно вообразить мир, полностью совпадающий с нашим в отношении инстанцированных свойств,

но отличающийся другими свойствами — именно потому, что в нем действуют совершенно иные законы. Не следует ли поэтому наряду с физическими свойствами упомянуть и физические законы?

Один ответ состоит в том, чтобы действительно включить законы в любое используемое нами определение физикализма. Но возможен и другой: в некотором смысле законы уже учтены благодаря принятому нами широкому пониманию свойств — обильной концепции. Согласно ей, если в некотором мире действует закон *L*, то в этом мире инстанцируется и свойство «быть таким, что действует *L*».

2.7.6. Свойства и партикулярии

В-шестых, странным может показаться то, что в нашей основной формулировке отсутствуют упоминания о партикуляриях, которые обладают соответствующими свойствами.
Говоря об инстанцировании свойств, мы, вероятно, представляем какие-то партикулярии, в которых они инстанцируются. Например, люди испытывают боль или зуд, а люди и их мозг обладают теми или иными физическими свойствами. Однако в предложенной формулировке это никак не выражено.

Я не думаю, что подобное упрощение существенно повлияет на дальнейшее обсуждение, и большей частью не буду на нем останавливаться. Во-первых, вспомним различие между дуализмом субстанций и дуализмом свойств. Нас будет интересовать прежде всего второй. Чтобы четко противопоставить ему физикализм, достаточно говорить о свойствах. Во-вторых, обильная концепция облегчает перевод утверждений о партикуляриях на язык свойств: для каждой партикулярии существует свойство «быть этой самой партикулярией».

2.7.7. Одно свойство или много?

В-седьмых, трудно поверить, что при истинности физикализма найдется *одно* физическое свойство, инстанцирование которого необходимо влечет наличие у Верховного суда всех его разнообразных полномочий. Скорее всего, для этого должно инстан-

цироваться множество свойств. Но формулировка (7) вовсе не отрицает такой возможности.

Проще всего убедиться в этом, вспомнив, насколько широко мы понимаем понятие свойства. Именно ради этого мы и приняли обильную концепцию. Физическое свойство, инстанцирование которого необходимо влечет наличие у Верховного суда определенных полномочий, может быть чрезвычайно сложным и включать действие различных физических законов. И тем не менее оно остается одним свойством.

2.7.8. Два возможных упрощения

Наконец, согласно (7), физикализм утверждает, что всякое инстанцированное свойство *либо* само физично, *либо* с необходимостью определяется инстанцированным физическим свойством. Эту формулировку можно упростить двумя способами.

Прежде всего слова «либо само физично», строго говоря, избыточны; возможно, вы заметили, что я уже иногда их опускаю. Ведь быть физическим свойством — значит быть *тождественным* некоторому физическому свойству. А если свойство F тождественно физическому свойству G, то G, разумеется, необходимо влечет F. Кроме того, в дальнейшем я нередко буду подразумевать, не оговаривая специально, что речь идет именно об *инстанцированных* свойствах, а не о свойствах вообще, независимо от того, инстанцированы они или нет.

2.8. Альтернативы

Итак, физикализм — это тезис, согласно которому всякое инстанцированное свойство (или отношение), понимаемое в обильном смысле, либо само физично, либо с необходимостью определяется каким-либо инстанцированным физическим свойством (или отношением), которое тоже понимается в обильном смысле и может быть чрезвычайно сложным. Для краткости будем говорить, что всякое свойство с необходимостью определяется физическим свойством. Какие же учения противостоят физикализму?

2.8.1. Идеализм

Как я отмечал во введении, до того как физикализм занял нынешнее положение, господствующим учением был идеализм. Сегодня он далеко не столь популярен (см., однако, Foster 1982), но остается одной из главных альтернатив физикализму. Подобно физикализму, идеализм можно выразить лозунгом «все ментально». По аналогии с нашим анализом физикализма это можно сначала истолковать как утверждение, что всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется каким-либо ментальным свойством или, если признать существование фундаментальных свойств, что каждое фундаментальное свойство ментально.

Однако само по себе такое утверждение не противоречит физикализму: ведь одно и то же свойство может быть одновременно ментальным и физическим (ср. Lewis 1983). Рассмотрим известную в философии сознания теорию тождества сознания и мозга. Согласно ей, свойство испытывать боль тождественно некоторому физическому свойству — например, возбуждению С-волокон, если воспользоваться традиционным, хотя и не слишком реалистичным, примером. Спросим теперь: является ли свойство испытывать боль, то есть свойство, тождественное возбуждению С-волокон, ментальным? Безусловно. Боль — хрестоматийный пример ментального свойства. Является ли оно физическим? Тоже безусловно, поскольку вся суть теории тождества и состоит в отождествлении ментального свойства с физическим. Итак, по меньшей мере это свойство оказывается одновременно ментальным и физическим.

Теперь представим, что всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется каким-либо свойством именно *такого* рода — одновременно ментальным и физическим, каким оказывается боль, если теория тождества истинна. Возможность, пожалуй, выглядит неправдоподобной, но не кажется невозможной. Будет ли в таком случае истинен физикализм или идеализм? Похоже, оба — во всяком случае, если понимать их так, как мы делали до сих пор. Следовательно, мы получили аргумент в пользу того, что физикализм и идеализм не являются несовместимыми.

По моим наблюдениям, этот аргумент вызывает две основные реакции. Согласно первой, его следует принять, усмотрев в нем лишь доказательство того, что одновременная истинность физикализма и идеализма логически непротиворечива. Разумеется, сторонник такого ответа может добавить, что физикалисты *фактически* отвергают идеализм, утверждая, что всякое свойство с необходимостью определяется каким-то нементальным свойством; точно так же идеалисты *фактически* отвергают физикализм, утверждая, что всякое свойство с необходимостью определяется нефизическим свойством. Но в обоих случаях это уже дополнительное обязательство, а не следствие одного лишь смысла соответствующего учения.

Согласно второй реакции, физикализм и идеализм необходимо понимать как взаимоисключающие теории. Тогда «возможность» их совместной истинности должна быть иллюзорной. В некоторых отношениях эта реакция выглядит естественнее, но подробно обосновать ее крайне трудно. Наиболее очевидный путь — предположить, что противоположность ментального и физического заложена в самом значении этих слов: физическое по определению нементально, а ментальное — нефизично. В таком случае идеализм и физикализм действительно исключают друг друга. К сожалению, при этом теория тождества сознания и мозга тоже становится заведомо противоречивой! Если физическое уже по своему определению исключает ментальное, как же свойство испытывать боль может быть одновременно тем и другим? Конечно, немало философов считают теорию тождества *ложной*. Однако лишь очень немногие полагают, что она противоречива, тем более явно противоречива.

2.8.2. Дуализм

Один способ отрицать физикализм — утверждать, что всякое свойство с необходимостью определяется *нефизическим* свойством. Но можно избрать и другой: сказать, что физическими свойствами с необходимостью определяются лишь некоторые свойства, а *не* все. Именно такова позиция традиционного противника физикализма — дуалиста. В частности, дуалисты счи-

тают, что существуют *психологические* свойства, которые ничем физическим с необходимостью не определяются.

Дуализм принимает различные формы. Мы уже встречались с различием между дуализмом субстанций и дуализмом свойств. Другое различие — между дуализмом необходимого следования и более привычными разновидностями дуализма — будет рассмотрено в восьмой главе. Наконец, в главе 11 мы подробнее рассмотрим интеракционистский дуализм, эпифеноменализм и дуализм со сверхдетерминацией.

Как мы увидим, интеракционист полагает, что ментальные события и свойства играют в мире каузальную роль точно так же, как физические. Эпифеноменалист, напротив, отрицает, что ментальные события и свойства вообще производят какие-либо следствия — или, по крайней мере, какие-либо физические следствия. Иначе говоря, он отрицает каузальную действенность ментального. Сторонник дуализма со сверхдетерминацией утверждает, что, когда ментальные события вызывают физические, они всегда входят в каузальные последовательности, содержащие то, что философы называют сверхдетерминацией (overdetermination): грубо говоря, физическое событие может иметь две вполне независимые причины — ментальную и физическую.

В какой бы форме ни выступал дуализм, его принято противопоставлять физикализму, а спор между ними порой описывают едва ли не как титаническую битву. Но в действительности эти учения имеют очень много общего. Физикалист утверждает, что всякое свойство с необходимостью определяется каким-то физическим свойством. Дуалист традиционного типа *это* отрицает, поскольку считает, что некоторые психологические свойства не определяются необходимым образом ничем физическим. Но такой дуалист вместе с тем признает, что физикализм почти или по большей части истинен. За пределами психологической области он вполне может быть физикалистом.

Это обстоятельство особенно важно для понимания их расхождения. До сих пор я подчеркивал связь физикализма со стандартной картиной. Но представим, что мы несколько ослабили физикализм и стали считать его по большей части истинным.

При таком подходе значительная часть стандартной картины сохранится. Именно этим, на мой взгляд, объясняется, почему в современной философии дуалисты и физикалисты нередко сходятся по вопросам философского метода, хотя расходятся в оценке истинности физикализма. По той же причине философы могут перейти от физикализма к дуализму или обратно, не изменяя основного философского мировоззрения. Насколько я понимаю, именно это произошло с Джексоном и Кимом, о перемене взглядов которых я упоминал во введении (см. Jackson 1998; Kim 2007).

Итак, традиционный дуализм и физикализм согласны во многом. С логической точки зрения их расхождение напоминает спор двух физикалистов, один из которых считает, что фундаментальных свойств четыре, а другой — что их пять.

До сих пор я говорил о дуализме традиционного типа. Но возможны и нетрадиционные его разновидности. Традиционный дуалист считает, что свойства, которые не определяются необходимым образом физическим, относятся к психологии. Однако ничто принципиально не мешает занять такую же позицию в отношении свойств другого рода. Так, виталисты в биологии признавали биологические свойства, не определяемые физическими. В XVIII веке некоторые мыслители аналогичным образом рассуждали об определенных химических фактах. Некоторые современные философы придерживаются такого взгляда на цвета; эту позицию иногда называют примитивизмом относительно цветов. Во всех этих случаях мы имеем дело с той же основной структурой, что и у дуализма: некоторые фундаментальные свойства физичны, но не все. В дальнейшем я буду говорить преимущественно о дуализме в его классическом психологическом смысле, однако следует помнить, что подобный подход применим и к другим областям.

Наконец, распространение дуалистической стратегии с психологических свойств на биологические, химические и свойства цвета имеет логическое продолжение, которое я назову плюрализмом. Плюралист распространяет основную мысль дуализма на все или по крайней мере на многие инстанцированные свойства. Поэтому, согласно плюрализму, многие свойства

сами не являются физическими и не определяются необходимым образом никакими физическими свойствами. Эту позицию тоже можно причислить к дуализму, хотя от дуализма привычного типа она весьма далека.

2.8.3. Когерентизм

Все рассмотренные до сих пор позиции — физикализм, дуализм (включая плюрализм) и идеализм — имеют важную общую черту. Каждая претендует на описание абсолютно всего в мире или по меньшей мере всех инстанцированных свойств. Но существует и четвертая позиция, которую я назову когерентизмом: она относится к этой претензии на полноту с глубоким скепсисом. Согласно ей, возможны разные описания мира, и ошибочно пытаться непременно выбрать одно из них. Именно эту ошибку и совершают сторонники всех традиционных подходов.

В книге «*Способы создания миров*» Нельсон Гудмен, один из наиболее влиятельных когерентистов XX века, пишет, что «многие различные версии мира обладают самостоятельным интересом и значением, без какого-либо требования или предположения, что их можно свести к одной основе» (1978: 4). Далее он замечает, что когерентист:

> Вовсе не противостоит науке, но принимает ее во всем ее значении. Его обычный противник — материалист или физикалист, претендующий на монополию и утверждающий, что одна система, физика, имеет первенство и охватывает все, так что любая версия в конечном счете должна либо быть сведена к физике, либо отвергнута как ложная или бессмысленная. Если бы все правильные версии можно было каким-то образом свести к однойединственной, именно ее с некоторой долей правдоподобия можно было бы счесть единственной истиной о единственном мире. Но свидетельства в пользу такой сводимости ничтожны, да и само требование остается туманным: физика фрагментарна и подвержена изменениям, а предполагаемое сведение неясно и по своему характеру, и по результатам. (Как, например, свести к физике мировосприятие Констебла или Джеймса Джойса?) (1978: 4–5)

В этом отрывке затронут целый ряд тем, к которым мы еще вернемся. Одна из них — действительно ли физикализм требует редукции в том смысле, который имеет в виду Гудмен. Это мы обсудим в главе 8. Другая — «нестабильность» физики; она станет предметом главы 5, а в несколько ином отношении — также глав 3 и 4. Сейчас же меня интересует предложенное Гудменом противопоставление: с одной стороны, физикалист, для которого физикализм составляет «единственную истину о единственном мире»; с другой — когерентист, признающий множество истин о множестве миров.

В действительности это противопоставление не вполне ясно. На мой взгляд, когерентизм Гудмена лучше всего понимать как разновидность того, что обычно называют когерентной теорией истины; именно поэтому я и использую слово «когерентизм». (Сам Гудмен называл свою позицию «плюрализмом», но я уже использовал это название для другого учения и не стану следовать ему.)

Согласно когерентной теории, некоторое суждение истинно тогда и только тогда, когда оно входит в согласованное множество суждений или, в некоторых вариантах теории, в такое множество, которое могло бы быть принято в идеальном пределе исследования. Поскольку согласованных множеств может быть несколько, теория допускает, хотя и не требует, что суждение истинно относительно одного множества, но не истинно относительно другого. Таким образом, она допускает, но опять же не требует, существование нескольких различных версий мира.

Однако если когерентизм состоит именно в этом, предложенное Гудменом противопоставление физикализму становится неуловимым. Ведь физикализм *per se* — это вовсе не теория истины! Строго говоря, он совместим и с принятием когерентной теории, и с ее отрицанием. Конечно, некоторые физикалисты, возможно даже большинство, сочетают физикализм с отказом от когерентной теории истины. Трудно представить, что им был бы близок когерентизм. Но столь же возможно соединять физикализм с принятием этой теории. По-видимому, именно так лучше всего понимать позицию Нейрата, человека, который ввел слово «физикализм» в философский обиход.

В рамках такого подхода физикализм истинен потому, что входит в согласованное множество суждений, которое могло бы быть принято в идеальном пределе исследования. Возможно, в том же смысле окажется истинным и дуализм — что, конечно, звучит странно. Но эта странность проистекает из когерентной теории истины и сама по себе не имеет отношения ни к физикализму, ни к дуализму.

Защищая Гудмена, можно ответить, что теоретически все это верно, но на практике физикалисты всегда отвергают когерентную теорию истины. Как мы уже видели на примере Нейрата, это, скорее всего, неверно. Как бы то ни было, хотя некоторые философы, в том числе Гудмен, противопоставляют физикализм когерентизму и их слова можно осмысленно истолковать, само это противопоставление существенно отличается от противоположности физикализма дуализму или идеализму. Более того, сказанное мной о физикализме — что он сочетается с любой теорией истины — в равной мере относится к дуализму и идеализму. Правда, исторически споры между этими учениями обычно разворачивались на фоне определенного понимания истины, точнее — молчаливого отрицания одной из теорий истины. Но это еще не означает, что между данными метафизическими учениями и какой-либо теорией истины существует внутренняя связь.

2.8.4. Натуралистический платонизм

Когерентизм привлекателен тем, что предлагает выход из, по-видимому, бесконечных метафизических споров между традиционными позициями — дуализмом, материализмом и идеализмом. Однако его слабость состоит как раз в приверженности когерентной теории истины. Если согласно принятой теории две несовместимые системы суждений могут быть одновременно истинными, трудно отделаться от возражения, что речь уже идет не об истине, а о чем-то другом.

Поэтому стоило бы сформулировать еще одну позицию, которая, как и когерентизм, была бы альтернативой идеализму, дуализму и физикализму, но, в отличие от когерентизма, не требовала бы принимать когерентную теорию истины. Именно

такую четвертую и последнюю альтернативу физикализму я хочу рассмотреть. У этой позиции нет общепринятого названия, поэтому буду называть ее натуралистическим платонизмом.

Ранее я рассматривал возможность существования свойства, которое одновременно ментально и физично. Мы видели, что теория тождества сознания и мозга допускает такую возможность и тем самым показывает, что, по крайней мере на уровне определений, идеализм и физикализм не обязательно противоречат друг другу. Но возможно и обратное: некоторое свойство может не быть ни ментальным, ни физическим.

Размышляя о свойствах такого рода, мы вполне могли бы вспомнить биологические свойства или свойства цвета: в обыденном смысле они не ментальны и не физичны. Однако под натуралистическим платонизмом я имею в виду другое. Его основная мысль состоит в том, что глубинная природа мира, какой бы она ни была, совершенно не похожа на то, какой она предстает здравому смыслу — в повседневном мышлении и восприятии. Это платоническая сторона позиции. Вместе с тем эту глубинную природу мира, если ее вообще можно познать, следует исследовать натуралистическими методами. В этом состоит ее натуралистическая сторона.

В отличие от когерентиста, натуралистический платоник не обязан придерживаться какой-либо определенной теории истины. А в отличие от идеалиста, дуалиста и физикалиста он полагает, что, какими бы ни оказались истинные описания фундаментальной реальности, они не будут строиться на привычных различиях, заимствованных из обыденного мышления, — таких, как противопоставление ментального и физического.

Можно подумать, что подходящим названием для этой позиции было бы выражение «нейтральный монизм». В самом деле, «нейтральное» свойство могло бы означать свойство, нейтральное по отношению к ментальному и физическому, то есть не принадлежащее ни к одной из этих категорий. Тем не менее я не стану использовать этот термин по двум причинам.

Во-первых, исторически названием «нейтральный монизм» обозначали учения, гораздо более близкие к идеализму (см., например, Russell 1917; обсуждение см. Stubenberg 2008), чем

к той позиции, которую я здесь описываю. Во-вторых, слово «монизм» предполагает, что все фундаментальные свойства мира относятся к одному типу. Натуралистический платонизм не обязан принимать подобное предположение.

На данном этапе различие между физикализмом и натуралистическим платонизмом тоже может показаться неопределенным. В конце концов, современная физика сама говорит, что глубинная природа мира, какова бы она ни была, очень сильно отличается от того, что нам дано в повседневном восприятии и мышлении. Поэтому, если физикализм каким-то образом связан с физикой, можно решить, что он сам представляет собой разновидность натуралистического платонизма.

Действительно, некоторые версии физикализма могут оказаться разновидностями натуралистического платонизма. Но все же есть причины различать эти учения; дальше они станут яснее. Во-первых, физикализм связан не только с физикой как наукой, но и с понятием физического предмета. А обычные физические предметы — *как раз* то, что дано нам в повседневном мышлении и восприятии. Во-вторых, традиционные разновидности материализма недалеко уходили от здравого смысла, поскольку изображали мир состоящим из вещей, физических по обыденным меркам. В той мере, в какой физикализм сохраняет глубокую связь с традиционным материализмом, он тоже будет зависеть от здравого смысла. Наконец, как мы увидим, существует серьезный вопрос, можно ли вообще сформулировать физикализм так, чтобы он одновременно был истинным и заслуживал своего названия. Для натуралистического платонизма аналогичной проблемы не возникает.

Итоги

В этой главе мы прошли путь от простейшей формулировки физикализма — «все физично» — к более сложной: «всякое инстанцированное свойство либо само является физическим, либо с необходимостью определяется некоторым физическим свойством». В дальнейшем мы в основном будем пользоваться именно последней формулировкой, хотя в известном смысле она ставит больше вопросов, чем решает. Прежде всего нужно

выяснить, что такое физическое свойство и отношение необходимого следования, а также почему это отношение задает необходимые и достаточные условия физикализма. Кроме того, мы сопоставили физикализм с альтернативными учениями: идеализмом, дуализмом (включая плюрализм), когерентизмом и натуралистическим платонизмом.

Рекомендуемая литература

О понятии необходимого следования см. Kripke 1980. О необходимом следовании и фундаментальных свойствах см. Lewis 1994, а также Schaffer 2003. Современная защита идеализма представлена в Foster 1982; современная защита дуализма — в Chalmers 1996, а его классическая формулировка — в Descartes 1641. О плюрализме см. Crane and Mellor 1990; Searle 1992; Dupré 1993. О когерентизме см. Goodman 1978 и Price 1997. О нейтральном монизме в традиционном смысле см. Russell 1917 и Stubenberg 2008. Натуралистический платонизм обсуждается крайне редко; весьма краткое изложение этой идеи с использованием другой терминологии см. Stoljar 2006: 31–33.

ГЛАВА 3

Исходная концепция

3.1. Введение

В предыдущей главе мы предварительно согласились считать физикализм тезисом, согласно которому всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством. Однако одного этого согласия недостаточно, чтобы решить проблему интерпретации физикализма — понять, в чем именно состоит данное учение. Прежде всего необходимо выяснить, что делает свойство физическим. Этим вопросом мы и займемся в трех следующих главах.

Чтобы понять, почему он возникает, достаточно заметить, насколько меняется содержание нашего тезиса, стоит заменить слово «физическое» каким-нибудь другим. Возьмем, например, вымышленное учение — *финансиализм*: всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется каким-либо инстанцированным финансовым свойством. Это учение ложно: ни одна транснациональная корпорация не расставляла по местам спутники Юпитера. Рассмотрим теперь *фундаментализм*: всякое свойство с необходимостью определяется некоторым фундаментальным свойством, причем «фундаментальное свойство» понимается в том смысле, в каком этот термин использует Льюис в отрывке, приведенном в предыдущей главе. Если фундаментализм вообще истинен, то он истинен с необходимостью; более того, он непосредственно следует из допущения, что фундаментальные свойства в смысле Льюиса существуют.

Но физикализм — не финансиализм и не фундаментализм. Предполагается, что это контингентный, но, возможно, истин-

ный тезис: всякое свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством. Он не тождествен ни ложному утверждению о финансовых свойствах, ни необходимому (если оно вообще истинно) утверждению о фундаментальных свойствах. Следовательно, говоря о физических свойствах, физикалисты должны вкладывать в это выражение совершенно определенный смысл. Какой именно? Что делает свойство физическим?

3.2. Физические объекты и физические свойства

Для начала удобно предположить, что мы понимаем, что такое физический *объект* в обычном, интуитивном смысле слова, — например камень или стиральная машина. Если вы в этом сомневаетесь, предлагаю небольшой опыт. Вернитесь домой, зайдите в прачечную и изо всех сил ударьте кулаком (или головой) по стиральной машине. Перед вами окажется физический объект, и вы будете прекрасно *знать*, что перед вами именно он. Значит, какое-то представление о физических объектах у вас все-таки есть.

Более того, мы не только узнаем физические объекты по отдельным примерам; по-видимому, им можно дать и определение, хотя бы приблизительное:

> *x* является физическим объектом тогда и только тогда, когда *x* обладает следующими свойствами (или достаточным их числом): имеет размер и форму, протяжен в пространстве, способен двигаться и приводиться в движение, может сгибаться, ломаться, гореть и претерпевать другие изменения; наконец — и, пожалуй, важнее всего, — обладает твердостью или объемностью, то есть по самой своей природе оказывает или оказывал бы сопротивление давлению других физических объектов, например человеческих тел.

Разумеется, определение весьма грубое. Во-первых, оно содержит логический круг. Во-вторых, некоторые из названных признаков, возможно, удастся объяснить через другие. Наконец, не всякий физический объект в обычном смысле обладает *всеми* перечисленными свойствами: одни предметы ломаются легче

других. Тем не менее для большинства задач нам достаточно понятна общая идея физического объекта — во всяком случае, я буду исходить из этого.

Но из того, что мы понимаем, что такое физический *объект*, еще не следует, что нам столь же ясно, что такое физическое *свойство*. Объекты и свойства принадлежат разным онтологическим категориям. Нельзя просто предположить, что предикат «физический», применяемый к сущностям одной категории, будет точно так же применяться к сущностям другой. И понимание того, что делает объект физическим, еще не означает понимания того, что делает физическим свойство.

В самом деле, мы, кажется, отлично понимаем, что значит назвать предмет желтым. Но следует ли отсюда, что мы понимаем, что значит назвать желтым *свойство*? Свойства — не те сущности, которым вообще бывает присущ цвет. Назвать свойство желтым — почти то же самое, что назвать желтым число или пропозицию. Поэтому перенести понятие физического с объектов на свойства вовсе не так просто.

3.3. Конец еще до начала?

Некоторые философы не просто отмечали эту трудность, но и приводили аргументы в пользу того, что такой перенос вообще *невозможен* (см., например, Stroud 1986; Daly 1998). Допустим, мы знаем, что такое физический объект, и пытаемся через него определить физическое свойство. Перед нами, по-видимому, три весьма неудачных пути:

1. Первый: признать свойство физическим в точности в том же смысле, что и объект. Физическими тогда *будут* свойства, обладающие всеми или достаточным числом признаков физического объекта. Но это не годится: сами свойства таких признаков не имеют. В частности, в обычном понимании свойства не протяженны в пространстве.
2. Второй: считать физическим всякое свойство, инстанцированное физическим объектом. Но и это не годится: у физического объекта могут быть нефизические свойства. Именно так утверждает дуализм свойств: все объекты физические, однако некоторые из присущих им свойств нефизи-

ческие. Следовательно, предложенное определение стирает различие между физикализмом и дуализмом свойств.

3. Третий: считать физическим всякое свойство, инстанцированное *чисто* физическим объектом. Однако чисто физический объект — это объект, которому присущи только физические свойства. Определение вновь оказывается круговым. И даже если иногда круговые объяснения могут быть полезны, здесь круг ничему нас не учит.

Если эти три возможности исчерпывают все варианты, то попытка определить физические свойства через физические объекты наталкивается на *логическое* препятствие. Получается, что слово «физический» действительно ведет себя подобно слову «желтый»: применительно к объектам оно вполне понятно, а применительно к свойствам лишено смысла.

Для прояснения физикализма это была бы серьезная угроза. Ведь физикализм утверждает, что всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством. Если само понятие физического свойства бессмысленно, то бессмысленным оказывается и весь тезис. Неужели попытка прояснить физикализм обречена еще до начала?

К счастью, нет. Рассмотренный аргумент неубедителен, поскольку три перечисленных варианта не исчерпывают всех возможностей. Конечно, физическим свойство нельзя назвать в точности в том же смысле, в каком мы называем физическим объект. Но можно понимать физичность свойства в связанном с этим, производном смысле. Например, ничто в приведенном аргументе не мешает определить физические свойства как характерные свойства физических объектов в интуитивном смысле. Точно так же можно назвать физической истину или факт, если они относятся к физическим объектам и их характерным свойствам.

Поначалу это тоже может показаться сомнительным: не возникает ли логического круга, когда мы объясняем физическое свойство через физический объект? При ближайшем рассмотрении — нет. Причина именно в том, что физичность объекта и

физичность свойства — не одно и то же. В этом, собственно, и заключался урок предыдущего аргумента.

3.4. Кластерные понятия

Итак, мы *можем* определять физическое свойство через характерные свойства физического объекта. Но отсюда не следует, что мы *обязаны* это делать или что больше нам *нечего* сказать. Точный смысл понятия физического свойства еще предстоит установить. Как же к этому подступиться?

Когда понятие с трудом поддается определению, полезно допустить, что перед нами так называемое кластерное понятие (cluster concept). Эту идею, как и многие другие философские идеи, понимают по-разному. Я поясню нужный мне смысл на примере.

Представьте, что мы встретили группу людей, говорящих по-английски, но употребляющих незнакомое нам слово, которое, судя по всему, играет в их жизни особую роль. Пусть это будет глаббинг (glubbing). Как выяснить, что они понимают под этим словом, или, что здесь почти одно и то же, каково их понятие глаббинга? Естественно, прежде всего расспросить их, что они о нем думают. Допустим, нам отвечают, что глаббинг — это особая музыка для тубы, исполняемая исключительно по вторникам и только людьми по имени Майкл. Тогда вполне разумно, хотя пока и предварительно, определить глаббинг через сочетание трех признаков: туба, вторник, Майкл. По этому определению каждый из признаков необходим, а вместе они достаточны для того, чтобы нечто было глаббингом.

Пока все просто. Но дальнейшее исследование выявляет расхождение, которого мы сначала не заметили. Когда мы предлагаем сообществу наше определение, некоторые его члены возражают: «Верно, глаббинг исполняют люди по имени Майкл. Но это не входит в значение слова. Просто так уж сложилось: по вторникам тубы есть только у Майклов». Другие, напротив, охотно признают, что исполнение Майклом входит в само понятие глаббинга и, как выразились бы некоторые из них, аналитически с ним связано.

Вряд ли в подобной ситуации стоит настаивать, будто одна группа непременно права, а другая ошибается. Лучше признать несколько допустимых способов уточнить понятие глаббинга. В соответствии с одними определениями исполнителя непременно должны звать Майкл; в соответствии с другими это вовсе не обязательно и даже может оказаться неверным.

Полагаю, то же относится к понятию физического свойства. Им тоже пользуется определенное сообщество — профессиональные философы и близкие им исследователи, — а мы спрашиваем, что означает употребляемое ими слово. Очевидное начало работы — выяснить, какие представления о физическом разделяют эти люди, не забывая, что такие представления допускают разные правомерные уточнения. (*Возражение*: «Но откуда вы знаете, какие именно убеждения характерны для сообщества? Разве это не эмпирический вопрос?» *Ответ*: «Да, эмпирический. Но я и сам типичный участник этого сообщества, свободно владеющий языком физикализма. Поэтому по крайней мере для начала мое собственное понимание физического можно считать достаточно представительным. Кроме того, дальше мы рассмотрим несколько разных подходов».)

3.5. Понятие физического как кластерное понятие

Если считать понятие физического свойства кластерным, то в его состав можно с полным правом включить следующие признаки:

Объект (Object). Физические свойства — это характерные свойства физических объектов в интуитивном смысле.

Теория (Theory). Физические свойства — это свойства, выражаемые предикатами физических теорий.

Объективность (Objectivity). Физические свойства объективны, или интерсубъективны: о том, что они инстанцированы, можно узнать с разных точек зрения, причем существа с совершенно разной психологией и жизненным опытом могут прийти к одному и тому же знанию.

Метод (Method). О физических свойствах можно узнать, применяя методы, характерные для естественных наук.

Противопоставление (Contrast). Физические свойства — *не* характерные свойства душ, эктоплазмы, пси-феноменов, экстрасенсорного восприятия (ESP) и тому подобного.

До сих пор мы обсудили лишь первый признак — Объект. Если понятие физического объекта в интуитивном смысле нам уже дано, физическое свойство можно определить через характерные свойства таких объектов. Остальные четыре признака — Теория, Объективность, Метод и Противопоставление — сами вызывают вопросы. Пока, однако, оставим их в столь лаконичном виде и будем уточнять по мере необходимости.

3.6. Исходная концепция

Из пяти перечисленных признаков я хочу теперь составить определенную концепцию физических свойств и самого физикализма. Назову ее исходной концепцией (the Starting Point View). Она состоит из двух частей. Первая определяет физическое свойство:

(1) F является физическим свойством тогда и только тогда, когда:

(a) F — одно из характерных свойств физических объектов;

(b) F выражается предикатом некоторой физической теории;

(c) F объективно;

(d) о F можно узнать с помощью научных методов;

(*e*) F не относится к характерным свойствам душ, эктоплазмы, экстрасенсорного восприятия и тому подобного.

Иными словами, исходная концепция объединяет признаки Объект, Теория, Объективность, Метод и Противопоставление, рассматривая их как необходимые и в совокупности достаточные условия физичности свойства. Назовем свойства, отвечающие определению (1), исходно-физическими. Первая часть исходной концепции утверждает, что физические свойства — это именно исходно-физические свойства.

Вторая часть дает определение физикализма:

(2) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным исходно-физическим свойством.

Здесь мы просто берем принятое ранее определение физикализма и подставляем в него предложенное понимание физического свойства. Назовем полученный тезис исходным физикализмом. Вторая часть нашей концепции, следовательно, отождествляет физикализм с исходным физикализмом.

Важно, что исходная концепция сама по себе не утверждает, будто физикализм истинен или *ложен*, и ничего не говорит о том, инстанцированы ли какие-нибудь физические свойства. Можно принять ее определение физикализма и одновременно настаивать, что физикализм ложен. Исходная концепция — прежде всего ответ на вопрос, что делает свойство физическим, а соответствующий тезис — физикализмом.

Но верен ли этот ответ? Как это проверить? Ранее мы ввели одну методологическую идею — кластерные понятия. Теперь обратимся ко второй, нередко связанной с первой, — методу случаев (method of cases). Его тоже понимают по-разному. В нужном нам смысле метод случаев позволяет проверять предлагаемые анализы понятий и тезисов. Мы рассматриваем множество возможных ситуаций и применительно к каждой задаем два вопроса: «Применяется ли здесь понятие *согласно предложенному анализу*?» и «Применяется ли здесь это понятие в его обычном понимании?» Чем чаще ответы совпадают, тем убедительнее анализ.

Именно этим методом я и воспользуюсь, но с небольшой поправкой. Проверять будем не столько отдельное понятие физического свойства, сколько сам тезис физикализма, а именно утверждение, что он тождествен исходному физикализму. Дело в том, что у нас не обязательно есть устойчивые суждения о том, какие из мыслимых свойств следует считать физическими, хотя некоторые такие суждения, конечно, имеются. Зато, кажется, можно рассчитывать на более устойчивые представления о том, при каких возможных обстоятельствах физикализм был бы истинным или ложным. Во всяком случае, в исто-

рии философии сознания мыслители довольно часто сходятся в оценке того, был бы материализм истинен при тех или иных условиях.

Этими оценками мы и воспользуемся. Итак, для каждого возможного мира зададим два вопроса: «Истинен ли в нем физикализм *в обычном нашем понимании*?» и «Истинен ли в нем исходный физикализм?» Наше методологическое допущение состоит в том, что совпадение ответов подтверждает исходную концепцию.

3.7. Классический атомизм

Если применить метод случаев к предположению, что физикализм совпадает с исходным физикализмом, первые результаты обнадеживают. Рассмотрим такую возможность:

> Атомистический мир — возможный мир, в котором всякое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым характерным свойством классических атомов. Насколько это возможно, в нем инстанцированы те же свойства, что и в действительном мире.

Чтобы понять этот случай, стоит напомнить, что именно подразумевается здесь под атомами. Я говорю об атомах античных мыслителей — Демокрита и Лукреция, — а не о том, что современная физика называет атомами. В самом грубом приближении античные атомы похожи на камни, только несравненно меньше. Подобно камням, они обладают свойствами физических объектов в обыденном понимании: местоположением, формой, размером, твердостью, способностью сталкиваться с другими телами и так далее. При этом некоторые свойства проявляются у них иначе, чем у привычных предметов.

В частности, согласно классическому атомизму, атомы причинно взаимодействуют лишь при непосредственном соприкосновении: один атом сталкивается с другим, ударяет его. Обычным камням это, по-видимому, несвойственно — они могут действовать друг на друга и иначе, например посредством гравитационного притяжения. Но главное в другом: античные атомы в основе своей представляют собой обычные физические объ-

екты. Если бы вас волшебным образом уменьшили до размеров атома (или атом увеличили до ваших размеров), вы смогли бы повторить опыт, предложенный со стиральной машиной. Изо всех сил ударьте по атому кулаком или головой — и перед вами снова окажется физический объект в том же интуитивном смысле.

Под атомистом я, однако, понимаю не просто человека, который верит в существование атомов. Атомист обращается к этому убеждению, чтобы объяснять свойства мира. Например, Земля для него — огромное скопление атомов, а ее особенности, скажем размер и форма, зависят от свойств составляющих ее атомов. Чем последовательнее атомизм мыслителя, тем больше явлений он пытается объяснить таким образом. Атомист в химии объясняет химические свойства воды расположением ее атомов. Атомист в биологии точно так же объясняет рост растений, размножение организмов и другие процессы расположением атомов.

Доведенная до предела, эта позиция утверждает, что сам действительный мир *и есть* атомистический мир, описанный выше: *всякое* свойство с необходимостью определяется каким-либо характерным свойством атомов. Поэтому, если Наполеон отступил из Москвы, у меня болит палец ноги или Венеция прекрасна, каждое из этих обстоятельств определяется некоторым чрезвычайно сложным фактом об атомах.

Атомистический мир, конечно, ставит ряд интересных и непростых вопросов. К одному из них мы вернемся в конце главы. Пока же сосредоточимся на двух других: (а) «Истинен ли в мире классического атомизма исходный физикализм?» и (б) «Истинен ли в нем физикализм в обычном понимании?» (Прежде чем читать дальше, попробуйте ответить сами.)

Мне представляется очевидным, что на оба вопроса следует ответить утвердительно. Иными словами, в мире классического атомизма истинны и физикализм, и исходный физикализм. Это служит доводом в пользу исходной концепции. Более того, такой атомистический мир — едва ли не образцовый мир, в котором физикализм истинен. Дело не только в том, что физикализм здесь выполняется: сам этот пример во многом определяет

наше представление о том, что вообще может называться физикализмом. Когда объясняют материализм, совершенно обычно говорят «есть только атомы и пустота» и ссылаются на материализм Гоббса или Лукреция. Трудно понять, какому учению можно было бы дать название «физикализм», *если* в атомистическом мире оно оказалось бы ложным.

3.8. Гравитация

Мир классического атомизма подтверждает исходную концепцию. Но другие случаи подтверждают ее уже не столь уверенно. Рассмотрим следующий:

> Атомистический мир с гравитацией — возможный мир, в котором всякое свойство с необходимостью определяется каким-либо характерным свойством классических атомов, но с одной оговоркой: атомы обладают еще и свойством всеобщего тяготения, из-за которого ведут себя особым образом. Насколько это возможно, в данном мире инстанцированы те же свойства, что и в действительном.

Чтобы представить такую возможность, вспомним, хотя бы в общих чертах, исторический переход от ранней атомистической и картезианской физики к ньютоновской. Ньютон был атомистом приблизительно в указанном выше смысле (в частности, он считал атомы совершенно сферическими). Но помимо свойств, о которых мы говорили, ньютоновские атомы подвержены действию сил, в том числе всеобщего тяготения. Согласно Ньютону, атомы воздействуют друг на друга не только при столкновениях, но и посредством гравитации.

И сам Ньютон, и многие его современники считали подобное представление чрезвычайно спорным. Вот как об этом пишет Ланге в уже упомянутой «*Истории материализма*»:

> В наши дни мы настолько привыкли к абстрактному понятию сил — или, скорее, к понятию, остающемуся в какой-то туманной области между отвлеченностью и конкретным пониманием, — что уже не видим трудности в том, чтобы одна частица материи действовала на другую без непосредственного соприкосновения. Мы можем думать, что, провоз-

> глашая «нет силы без материи», высказываем сугубо материалистическое положение; и в то же время спокойно допускаем, что частицы материи воздействуют друг на друга через пустое пространство, без всякой материальной связи. Великим математикам и физикам XVII столетия такие представления были чужды. В этом отношении все они оставались подлинными материалистами в духе древнего материализма: непосредственный контакт считался необходимым условием воздействия. Столкновения атомов или притяжение посредством крючковатых частиц — всего лишь разновидность столкновения — служили образцом всякого механизма; все развитие науки стремилось к механическому объяснению. (Lange 1925: I, 308)

Если выразить мысль Ланге в наших терминах, между атомистическим миром и атомистическим миром с гравитацией имеется глубокое различие. Соответственно, сильно различаются и античный материалистический тезис о том, что мир — это мир атомов, и ньютоновский тезис, согласно которому наш мир (за исключением, возможно, человека и Бога) есть атомистический мир с гравитацией. В первом случае всякое причинное взаимодействие сводится к столкновению и контакту. Во втором к этому добавляется нечто новое, выходящее за рамки традиционного атомизма.

Более того, в словах Ланге можно усмотреть предположение, что ньютоновская картина мира в некотором логическом отношении напоминает дуализм свойств. Дуалист свойств считает, что для объяснения определенных психических явлений атомистический мир необходимо дополнить ментальными свойствами, отличными от свойств атомов. Ньютоновец же, по крайней мере в интерпретации Ланге, полагает, что ради объяснения некоторых причинных явлений атомистическую картину следует дополнить гравитационными свойствами, которых у атомов прежде не было.

И здесь можно поставить немало вопросов, но нас вновь интересуют два: (а) «Истинен ли в атомистическом мире с гравитацией исходный физикализм?» и (б) «Истинен ли в нем

физикализм в обычном понимании?» (Снова попробуйте ответить самостоятельно, прежде чем читать дальше.)

На второй вопрос, по-моему, следует ответить да. Большинство современных физикалистов, думаю, без колебаний признали бы этот мир таким, в котором физикализм истинен. Ведь он лишь немного отличается от мира, который они считают действительным. А вот на первый вопрос ответ, по-видимому, нет — если допустить, что гравитация *не* входит в число свойств обыкновенного физического объекта.

Конечно, убедительность последнего ответа зависит от того, насколько гравитация *чужда* нашему интуитивному представлению о физическом. Как заметил Ланге, мы настолько привыкли считать тяготение физическим явлением, что нам трудно исключить его из обычного набора свойств физических предметов. Однако некоторые исследования в психологии позволяют предположить, что обыденное понятие физического объекта как раз не допускает гравитационного действия. Так, психолог Элизабет Спелке полагает, что в наивном, донаучном понимании физического мира люди стихийно принимают принцип, который она называет контактом (contact): один объект воздействует на другой, только если сталкивается с ним (см. Spelke 1994). Если Спелке права, есть основания считать гравитацию в ньютоновском смысле неинтуитивным физическим свойством.

3.9. Современная физика

Возможно, правильнее сказать не то, что исходный физикализм ложен в атомистическом мире с гравитацией, а то, что его истинность в таком мире неясна. Все зависит от того, считать ли всеобщее тяготение характерным свойством обычных физических объектов. Значит, этот случай еще не опровергает исходную концепцию. Однако существуют и другие, более убедительные примеры. Рассмотрим следующий:

> Мир современной физики — возможный мир, в котором всякое свойство с необходимостью определяется свойствами, характерными для сущностей, постулируемых современной физикой. Насколько это возможно, в таком мире инстанцированы те же свойства, что и в действительном.

Разумеется, это описание весьма неполно. Какие объекты и свойства постулирует современная физика? Поля, состояния квантовой волновой функции, суперструны? В зависимости от избранной теории описание этого мира можно уточнять бесчисленными способами. Но для нашей задачи решающее значение имеет не столько то, какими *являются* его основные свойства, сколько то, какими они *не* являются. Они не принадлежат к характерным свойствам обычных физических объектов, а следовательно, не являются исходно-физическими свойствами.

На то, что современная физика вводит свойства, не являющиеся исходно-физическими и не определяемые ими с необходимостью, указывали разные авторы. Приведу три отрывка: из работ немецкого философа XIX века Фридриха Ницше, физика первой половины XX века Артура Стэнли Эддингтона и философа XX века Уилларда Ван Ормана Куайна.

> Что касается материалистического атомизма, то он принадлежит к числу наиболее убедительно опровергнутых учений; пожалуй, сегодня в Европе уже не найдется ученого столь малоученого, чтобы придавать ему серьезное значение, разве что ради удобства повседневной речи (как сокращенному способу выражения). И обязаны мы этим прежде всего поляку Бошковичу, который наряду с поляком Коперником стал величайшим и наиболее победоносным противником очевидности, данной нам в ощущениях. Если Коперник убедил нас вопреки чувствам, что Земля не стоит неподвижно, то Бошкович научил отказаться от веры в последнее, что еще считалось на земле «неподвижным», — в «субстанцию», «материю», в земной остаток и атом-частицу. Это была величайшая победа над свидетельством чувств, одержанная на земле.
>
> (Nietzsche 1973: 43)
>
> Приступив к написанию этих лекций, я придвинул стулья к двум своим столам. К двум столам! Да, все окружающие меня предметы существуют в двух экземплярах — два стола, два стула, две ручки. […] Один из столов знаком мне с раннего детства. Это обыкновенный предмет из того окружения, которое я называю миром. Как его описать? Он протяжен,

относительно устойчив, имеет цвет и, самое главное, материален. Говоря «материален», я имею в виду не просто то, что он не рушится, когда я на него опираюсь. Я имею в виду, что он состоит из «субстанции», и с помощью этого слова пытаюсь передать некоторое представление о его внутренней природе. Это вещь: не пространство, которое есть всего лишь отсутствие чего-то, и не время, которое — одному Богу известно что! […] Стол номер два — мой научный стол. С ним я познакомился сравнительно недавно и пока не чувствую себя столь же свободно. Он не принадлежит к тому миру, о котором я говорил раньше, к миру, сам собой возникающему передо мной, когда я открываю глаза (в какой мере этот мир объективен, а в какой субъективен, я здесь не рассматриваю). Этот второй стол принадлежит к миру, который заявил о себе гораздо более окольным путем. Мой научный стол по большей части пуст. В этой пустоте рассеяны многочисленные электрические заряды, несущиеся с огромной скоростью; однако их совокупный объем составляет менее одной миллиардной объема самого стола.
(Eddington 1928: 5–7)

Физики преподносят нам новые свидетельства, плохо согласующиеся с понятием частицы. Говорят о циклическом разложении частиц, словно частицы могут входить в состав собственных составных частей. Кроме того, хорошо установлена взаимопревращаемость материи и энергии. Очевидно, давняя привязанность физиков к материи ослабла. Материя покидает поле, а на первый план выходит теория поля. […] Что же тогда сказать о наших физических объектах? Предполагалось, что они суть материальное содержимое участков пространства-времени. Но не следует ли теперь считать объектами сами эти участки пространства-времени — с теми или иными распределениями локальных состояний, которыми они обладают?
(Quine 1976: 499)

На мой взгляд, во всех трех отрывках есть ошибочные или запутанные рассуждения. Ницше, например, называет Бошковича поляком, хотя тот родился в Дубровнике. Но есть и

более серьезная ошибка. Ницше, по-видимому, полагает, что из физики Бошковича следует отсутствие твердых предметов. Звучит эффектно: получается, например, что не существует стиральных машин, ведь они, надо думать, твердые — во всяком случае, именно такое впечатление возникает, если удариться о них головой. К сожалению для Ницше (хотя, возможно, к счастью для Бошковича), его вывод не следует из самой теории.

Бошкович, если выражаться *очень* приблизительно, считал, что мир состоит из точек, каждая из которых является центром силового поля. Конечно, сами по себе точки — не физические объекты в обычном смысле: они лишены протяженности, твердости и так далее. Но отсюда вовсе не следует, что не существует твердых вещей, таких как камни или стиральные машины. Ведь даже если теория Бошковича истинна, камни и стиральные машины вполне могут состоять из точек и силовых полей в его понимании.

Та же увлекательная, но ошибочная мысль, будто современная физика упраздняет стиральные машины, кажется, присутствует — хотя и менее явно — у Куайна и Эддингтона. Куайн говорит, что «материя покидает поле», тем самым, возможно, намекая, что физик, допускающий существование полей и подобных им сущностей, должен отрицать существование материи, по крайней мере в виде обычных тел. Но ничего подобного не требуется: вполне возможно, что именно свойства полей и составляют обычные тела. Эддингтон в другом месте своей книги (с. 311) называет первый стол «иллюзией», а твердость вообще — «фантазией, которую сознание проецирует во внешний мир» (с. 306). Однако из того, что твердый стол состоит из элементов, которые сами по себе не твердые, вовсе не следует, что стол иллюзорен.

Отложим, однако, в сторону спорное утверждение, будто из физики Бошковича или какой-нибудь иной физической теории вытекает отсутствие стиральных машин. У всех трех авторов есть другая мысль — возможно, менее сенсационная, но достаточно важная и, вероятно, верная. Согласно современной физике, в мире инстанцированы свойства, которые, чем бы еще они ни были, не относятся к физическим свойствам в инту-

итивном смысле и не определяются ими с необходимостью. Любая физическая теория, конечно, предполагает существование каких-то сущностей, обладающих свойствами и связанных определенными отношениями. Но разные теории предлагают разные сущности. У Бошковича это силовые поля; в квантовой механике — состояния волновой функции; в теории струн — нечто иное.

Тем не менее, если следовать таким мыслителям, как Ницше, Эддингтон и Куайн, сущности современной физики не являются физическими объектами в обыденном смысле и не обладают характерными свойствами таких объектов. Следовательно, как бы мы ни уточняли устройство мира современной физики, его фундаментальные свойства (если они вообще существуют) не будут исходно-физическими.

Как и прежде, можно задать множество вопросов об этом возможном мире, но нас интересуют два: (а) «Истинен ли в мире современной физики исходный физикализм?» и (б) «Истинен ли в нем физикализм в обычном понимании?» (Как бы *вы* ответили на них?)

Ответ на первый вопрос, как мне кажется, однозначен: нет. Если бы исходный физикализм был истинен в таком мире, всякое инстанцированное свойство должно было бы с необходимостью определяться некоторым исходно-физическим свойством. Но дело обстоит иначе. В этом мире есть свойства — например, постулируемые современной физикой, — которые не только не являются исходно-физическими, но и не определяются ими с необходимостью. Более того, если что-то и можно утверждать, то скорее обратное: в мире современной физики сами исходно-физические свойства с необходимостью определяются другими свойствами. Следовательно, исходный физикализм там ложен.

А на второй вопрос, по-видимому, следует ответить да. Здесь имеется простой аргумент. Современные физикалисты считают, что мир современной физики (по крайней мере приблизительно) совпадает с действительным миром. При этом они считают физикализм истинным в действительном мире. Значит, физикализм истинен и в мире современной физики. Если это так,

то тезис об отождествлении физикализма с исходным физикализмом опровергнут: перед нами мир, где первый истинен, а второй ложен. Следовательно, физикализм — не исходный физикализм.

3.10. Возможен ли атомизм?

Мы воспользовались методом случаев, чтобы проверить гипотезу о тождестве физикализма и исходного физикализма. Выяснилось, что в некоторых важных случаях — прежде всего в мире классического атомизма — она дает правильный результат, а в других случаях, связанных с развитием физики за пределами классического атомизма, особенно с современной физикой, — неправильный.

Какие выводы отсюда следуют? Первый: исходная концепция ложна. Физикализм нельзя правильно истолковать как исходный физикализм, поскольку есть возможные миры, в которых физикализм истинен, а исходный физикализм ложен. Второй: если физикализм все же понимать как исходный физикализм, то он ложен, причем по причинам, почти не связанным с философией. Само развитие физики показывает ложность исходного физикализма. Но из этого вовсе не следует ложность физикализма вообще. Все зависит от того, можно ли предложить другое его понимание. Именно этим мы займемся в следующей главе. А пока вернемся к атомизму.

Как сказал Ницше, материалистический атомизм — одно из самых решительно опровергнутых учений. Если выразиться сдержаннее, у нас есть эмпирические основания считать, что действительный мир — не мир классических атомов. Отсюда вытекает важное следствие: утверждая истинность физикализма, физикалисты не могут иметь в виду, что действительный мир в точности соответствует мечте классического материалиста. Ведь образцовым случаем физикализма служит именно атомистический мир, а он явно не является действительным. Выходит, действительный мир все-таки не вполне таков, каким его представляли себе физикалисты.

Но можно пойти дальше. До сих пор я предполагал, что, даже если атомистический мир не является действительным,

он по крайней мере возможен: атомизм может быть ложным, оставаясь возможным учением. Однако существует известный аргумент, который — будь он успешен — показал бы, что атомистический мир не просто недействителен, но и невозможен. В другой работе я назвал его категорическим аргументом (categorical argument).

Этот аргумент опирается на понятие диспозиционного свойства (dispositional property). Для наших целей можно считать, что свойство является диспозиционным, если обладание им делает истинным соответствующее контрфактическое условное утверждение. Так, неудобство кресла — диспозиционное свойство: если бы вы в него сели, то почувствовали бы себя неудобно. Желтизна лимона — тоже диспозиционное свойство: если бы вы на него посмотрели, то испытали бы определенное зрительное ощущение.

Диспозиционные свойства интересуют философов по разным причинам. Одна из важнейших состоит в том, что, как представляется, они требуют категорических оснований (categorical grounds). Категорическое основание — это недиспозиционное свойство, которое служит основанием соответствующей диспозиции или с необходимостью ее влечет. Поэтому если кресло неудобно, должны существовать какие-то недиспозиционные свойства, в силу которых оно неудобно.

Какое отношение все это имеет к атомистическому миру? На первый взгляд одно из ключевых свойств, присущих атомам в таком мире, — твердость — *само* является диспозиционным. Ведь если атом тверд, то при столкновении с другими предметами он сопротивлялся бы давлению и проникновению. Но если твердость — диспозиционное свойство, а всякая диспозиция требует категорического основания, то у атома должно быть какое-то категорическое свойство, лежащее в основании его твердости.

И вот здесь возникает трудность: в атомистическом мире, кажется, нет ни одного подходящего кандидата. Форма, размер и положение атомов не могут служить категорическим основанием их твердости: пустота, то есть область пространства, не содержащая материи, тоже может обладать формой, размером

и положением, но не быть твердой. Не может быть основанием твердости и сама твердость: она диспозиционное, а не категорическое свойство. Тогда получается, что в атомистическом мире твердость одновременно инстанцирована и не инстанцирована. Вывод: атомистический мир невозможен.

Конечно, в этом аргументе есть спорные шаги, оценить которые непросто, и здесь мы не станем в них углубляться. Для нас существенно лишь следующее: если рассмотренный аргумент верен, ложность — это только начало неприятностей для исходного физикализма. Мир, о котором мечтал материалист, оказывается несбыточной мечтой в самом строгом смысле слова.

Итоги

В этой главе мы рассмотрели достоинства и недостатки простого определения физикализма, предложенного исходной концепцией. Если она верна и физикализм совпадает с исходным физикализмом, то физикализм ложен — причем по причинам, которые признают и современные физикалисты. Заодно мы познакомились с двумя методологическими идеями: кластерными понятиями и методом случаев.

Рекомендуемая литература

Хороший образец применения метода случаев — статья Джонстона «Как говорить о цветах» (How to speak of the colors, 1992). Известный спор о природе физического и последствиях современной физики разворачивался между Эддингтоном (1928) и Стеббинг (1958/1937). Доступное изложение современных взглядов на природу материи можно найти у Трастед (Trusted 1999), а также в книге Кита Кэмпбелла «*Метафизика: введение*» (*Metaphysics: An Introduction*, 1976); к сожалению, она уже не переиздается, но имеется в большинстве библиотек. Работа Фейнберга (Feinberg 1966) повлияла и на Льюиса, и на Смарта. О категорическом аргументе см. Russell (1927), Unger (1998), а также Stoljar (2006), главу 6 и приведенную там библиографию.

ГЛАВА 4

Концепция физической теории

4.1. Введение

Положение, в котором мы оказались в предыдущей главе, в общих чертах напоминает ситуацию, возникающую при обсуждении других философских вопросов. Возьмем, например, цвет. В известной статье Марк Джонстон (1992) утверждал, что если понятия цвета являются кластерными понятиями и если принять определенные предположения о составляющих соответствующего кластера, то окажется, что цветов не существует: лимоны не желтые и так далее. Но следует ли принимать эти предположения? Джонстон считал, что нет. Существуют разные правомерные способы понимать, что такое цвет, и вместо того, чтобы отрицать существование цветов, нам стоит выяснить, как можно истолковать понятие цвета, чтобы утверждение об их существовании оказалось истинным. Основная мысль проста. «Конечно, — мог бы, по сути, сказать реалист относительно цвета, — если под словом „цвет“ понимать это, цветов не существует. Но почему мы обязаны понимать его именно *так*? Почему не иначе?»

Подобная ситуация может возникнуть даже в связи с понятием, которое само по себе не представляет никакого философского интереса. Вернемся к примеру с «глаббингом» из предыдущей главы. Представим, что выяснилось: все люди, называющие себя Майклами, на самом деле носят другие имена — скажем, Филипп. Если мы понимаем глаббинг так, что он *по определению* исполняется человеком по имени Майкл, то нам пришлось бы отрицать его существование. В самом деле, если глаббинг — это разновидность музыки для тубы, которую по

вторникам исполняют люди по имени Майкл, то наличие такого исполнителя является необходимым условием существования глаббинга. Нет Майклов — нет глаббинга. Однако здесь вполне естественно сослаться на «разные правомерные способы понимания». Да, при таком значении слова «глаббинг» глаббинга нет. А если принять другое значение?

Нельзя ли сказать то же самое о понятии физического свойства? Иначе говоря, хотя из исходной концепции в сочетании с общепризнанными эмпирическими фактами следует ложность физикализма, быть может, существует и другое его понимание, при котором этот вывод не возникает? Очевидно, именно это имеют в виду современные физикалисты, когда утверждают, что физикализм истинен. «Да, — мог бы сказать современный физикалист, — я защищаю не физикализм в смысле исходной концепции. Но мои убеждения достаточно близки к нему, чтобы по-прежнему называться физикализмом». Для этого нужно расширить понятие физикализма так, чтобы развитие самой науки не делало его ложным. Именно такое расширение мы и рассмотрим в настоящей главе.

4.2. Как расширить исходную концепцию

Как осуществить этот замысел? Вновь обратимся к пяти характеристикам, которые с полным основанием претендуют на включение в кластер, определяющий физическое свойство.

- *Объект* (Object). Физические свойства — это характерные свойства объектов, которые интуитивно считаются физическими.
- *Теория* (Theory). Физические свойства выражаются предикатами физических теорий.
- *Объективность* (Objectivity). Физические свойства объективны, или интерсубъективны: установить, что они инстанцированы, можно с разных точек зрения; к этому способны прийти существа с совершенно разной психологией и историей.
- *Метод* (Method). Физические свойства можно познать с помощью методов, характерных для естественных наук.

- *Противопоставление* (Contrast). Физические свойства не являются характерными свойствами душ, эктоплазмы, псифеноменов, экстрасенсорного восприятия и тому подобного.

Как мы видели в предыдущей главе, исходная концепция включает *все* эти признаки в определение физического свойства, а следовательно, и физикализма. Но трудности порождает не само их объединение. Главный источник затруднений — *первый* признак, Объект. Согласно исходной концепции, свойство является физическим, только если оно характерно для объекта, который мы интуитивно считаем физическим. Соответственно, физикализм истинен, только если каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется физическим свойством в этом смысле. Однако, как мы убедились, метод случаев, по-видимому, опровергает такое утверждение. Более того, из него следовало бы, что физикализм ложен в действительном мире. Поэтому, пытаясь расширить исходную концепцию, следует искать такие понимания физического — и, *mutatis mutandis*, физикализма, — которые обходятся без признака Объект. Любая концепция, сохраняющая этот признак, сталкивается с трудностями; концепция, исключающая его, возможно, сумеет их избежать.

Конечно, эту мысль можно развивать по-разному. Однако большую часть главы я посвящу определенному пониманию физических свойств и физикализма, которое назову концепцией физической теории. Она состоит из двух частей. Первая определяет физическое свойство следующим образом:

> (1) Свойство F является физическим тогда и только тогда, когда оно выражается предикатом некоторой физической теории.

Итак, концепция физической теории берет один элемент исходного кластера — Теорию — и делает его необходимым и достаточным условием физичности свойства. Назовем свойство, определенное таким образом, физическим свойством, заданным теорией. Тогда первая часть концепции физической

теории утверждает, что физические свойства и есть такие свойства.

Вторая часть определяет сам физикализм:

> (2) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством, заданным теорией.

Таким образом, концепция физической теории сохраняет наше исходное определение физикализма, но подставляет в него новое понимание физического свойства. Если обозначить полученную версию как теоретический физикализм (theory-based physicalism), то вторая часть концепции утверждает, что физикализм и есть теоретический физикализм. Заметим: как и исходная концепция, концепция физической теории отвечает на вопрос, что такое физикализм и физические свойства, а не на вопрос, истинен ли физикализм и существуют ли инстанцированные физические свойства.

Очевидно, что концепция физической теории *значительно* шире исходной. Почему же мы начинаем со столь слабого определения? На то есть три причины.

Во-первых, именно такое понимание преобладает сегодня в философии. Если спросить философа, что он называет «физическим свойством», скорее всего, в ответе прозвучит та или иная версия концепции физической теории. Поэтому, обращаясь к ней, мы рассматриваем наиболее распространенную трактовку физического.

Во-вторых, среди составляющих исходного кластера можно провести естественную границу: по одну сторону окажутся Объект и Теория, по другую — Объективность, Метод и Противопоставление. В словарях одно из значений слова «физический» приблизительно соответствует выражению «относящийся к телу». Именно это значение отражает признак Объект: тело и есть физический объект в интуитивном смысле. Но есть и другое значение — «относящийся к физике». Его отражает признак Теория: свойство физично, если оно принадлежит тому, что изучает физика, или, как я предложил говорить, если оно выражается физической теорией. Вместе Объект и Теория дают

нечто вроде словарного определения физического. Между тем Объективность, Метод и Противопоставление на первый взгляд не имеют непосредственного отношения к этому определению. Первые два признака касаются скорее способов исследования или познания, а третий имеет отрицательный характер: он сообщает, чем физическое *не* является, но не говорит, что оно собой представляет.

Наконец, в-третьих, — это станет яснее по ходу рассуждения, — удобнее сначала рассмотреть простую версию концепции физической теории, а уже затем добавить условия объективности, метода и противопоставления. В итоге мы сможем оценить, удастся ли получить приемлемое определение физикализма из составляющих уже выделенного нами кластера.

4.3. Что такое физическая теория?

Согласно концепции физической теории, свойство физично тогда и только тогда, когда оно выражается физической теорией. На первый взгляд все просто, но за этой формулировкой скрывается серьезная трудность: неясно, что здесь следует понимать под «физической теорией».

Самый простой ответ — считать физической теорией такую теорию, которая изучает определенный предмет: физические объекты в интуитивном смысле и их характерные свойства. Но сторонник концепции физической теории едва ли может иметь в виду именно это. Иначе мы не продвинемся дальше исходной концепции. Допустим, кто-нибудь сначала определяет физические свойства как свойства, выражаемые предикатами физических теорий, а затем утверждает, что физические теории изучают физические объекты и их характерные свойства. В результате мы вновь получаем проблематичный элемент исходной концепции: физические свойства — это характерные свойства физических объектов. Но ведь именно ради отказа от этого положения мы и обратились к концепции физической теории.

Другой путь — сослаться на какую-нибудь конкретную физическую теорию, сформулированную в определенную эпоху: например, средневековую теорию импетуса или современную квантовую физику. Однако и этот вариант непривлека-

телен. Прежде всего физические теории меняются со временем — это обстоятельство будет играть главную роль в дилемме Гемпеля, которую мы рассмотрим в главе 5. Но есть и более общая трудность: физикализм задуман как абстрактный тезис, не привязанный к подробностям той или иной физической теории. Если выбрать конкретную теорию и определить через нее физические свойства, а следовательно, и физикализм, то он лишится своего обычного философского контекста. Ведь философы постоянно ссылаются на физикализм, не указывая никакой определенной физической теории, да и вряд ли способны такую теорию указать.

Следовательно, приемлемая версия концепции физической теории должна предложить понимание физической теории, которое, с одной стороны, выходит за пределы свойств привычных физических объектов, а с другой — не требует ссылаться на какую-либо конкретную теорию. Мне кажется, отправной точкой здесь может служить довольно незамысловатая мысль: физическая теория — это теория, которую ученый выдвигает, стремясь объяснить или описать обычные физические объекты, их характерные свойства, строение, поведение и так далее. Такое исследование не обязано ограничиваться свойствами, физическими в смысле исходной концепции. Пытаясь объяснить устройство и поведение обычных физических объектов, ученый вполне может оказаться вынужденным постулировать объекты и свойства, которые в исходном смысле физическими не являются. Более того, он вправе включить исследование этих объектов и свойств в общую программу и считать разработанные для них теории «физическими» в силу их научной связи с физическими теориями более привычного типа. Иначе говоря, при предлагаемом здесь широком понимании физическая теория — это теория определенного происхождения: она возникает в ходе исследования природы и поведения обычных физических объектов либо в рамках связанных с ним исследовательских программ.

Очевидно, такое понимание физической теории оставляет многое открытым, а потому открытой остается и концепция физической теории. Но в этом нет ничего неожиданного или

нежелательного. Неожиданного — потому что и само понятие физического в современной философии, по всей видимости, достаточно открыто; именно неспособность признать это и составляет основную слабость исходной концепции. Нежелательного — потому что благодаря такому расширению понятия физической теории концепция физической теории действительно делает шаг вперед: она относит к физическим свойствам более широкий класс свойств, чем исходная концепция.

4.4. Две версии концепции физической теории

Мы выяснили, что концепция физической теории использует достаточно открытое понимание физической теории и благодаря этому позволяет расширить исходную концепцию. Но остается вопрос, в чем именно состоит этот новый подход. В частности, можно различить две весьма непохожие его версии.

Начнем с предварительного вопроса. Допустим, физической теорией мы называем теорию, которую ученый создает в ходе исследования, описанного в предыдущем разделе. По-видимому, таких теорий чрезвычайно много — возможно, бесконечно много. Какую же из них подразумевает сторонник концепции физической теории? Снова хочется указать конкретную сформулированную теорию, но это вновь противоречило бы абстрактному характеру физикализма. Зато теперь, располагая общим понятием физической теории, мы можем ответить иначе: речь идет об *истинной* физической теории — независимо от того, удалось ли кому-либо ее сформулировать. (Возможно, в зависимости от способа подсчета окажется, что истинных физических теорий несколько. Тогда, по-моему, можно говорить об их конъюнкции. Но в дальнейшем я оставлю эту тонкость в стороне.)

Если мы согласимся, что концепция физической теории подразумевает истинную физическую теорию, определение (1) следует заменить следующим:

> (3) Свойство F является физическим тогда и только тогда, когда оно выражается предикатом некоторой истинной физической теории.

Согласно (3), физическими являются свойства, выражаемые истинной теорией природы, поведения и устройства обычных физических объектов — какой бы ни оказалась эта теория, — а также любыми другими истинными теориями, которые ученым потребуется разработать в ходе такого исследования.

Однако формулировку (3) можно понять двояко. Во-первых, можно считать свойство физическим, только если оно выражается теорией, истинной *в действительном мире*. Это вполне естественное прочтение. Во-вторых, можно считать его физическим, если соответствующая теория истинна *хотя бы в одном возможном мире*, не обязательно в действительном. Первое понимание дает версию, которую я назову *актуалистской* (actualist version):

> (4) Свойство F является физическим тогда и только тогда, когда оно выражается физической теорией, истинной в действительном мире.

Второе понимание дает *поссибилистскую* версию (possibilist version):

> (5) Свойство F является физическим тогда и только тогда, когда оно выражается физической теорией, истинной в некотором возможном мире (не обязательно действительном).

Чтобы увидеть различие, представим свойство F, выражаемое физической теорией, истинной в некотором возможном мире W, но не выражаемое ни одной теорией, истинной в действительном мире. Является ли оно физическим? Определения (4) и (5) отвечают по-разному. Согласно (5), да: ведь это свойство выражается физической теорией, истинной в одном из возможных миров. Согласно (4), нет: ни одна физическая теория, истинная в действительном мире, его не выражает.

Следовательно, концепция физической теории предлагает не одно, а два понимания физического свойства. Соответственно, мы получаем и два определения истинности физикализма. Первое, назовем его актуалистским теоретическим физикализмом (actual theory physicalism), гласит: каждое инстанцированное свойство с необходимостью следует из некоторого инстанцированного физического свойства, причем физиче-

скими считаются свойства, выражаемые теориями, истинными в действительном мире. Второе — поссибилистский теоретический физикализм (possible theory physicalism) — утверждает, что каждое инстанцированное свойство с необходимостью следует из некоторого физического свойства, выражаемого теорией, истинной хотя бы в одном возможном мире. Далее мы сначала рассмотрим гипотезу, отождествляющую физикализм с актуалистским теоретическим физикализмом, а затем обратимся к поссибилистской версии. Как и в предыдущей главе, для проверки этих гипотез воспользуемся методом случаев.

4.5. Актуалистская версия

Если проверить актуалистский теоретический физикализм методом случаев, первые результаты будут обнадеживающими. Вновь рассмотрим такой случай:

> Мир современной физики. Возможный мир, в котором каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется характерными свойствами сущностей, постулируемых современной физикой. Насколько это возможно, в нем инстанцированы те же свойства, что и в действительном мире.

Как мы выяснили в предыдущей главе, этот мир создает две трудности для физикализма исходной концепции. Во-первых, физикализм исходной концепции здесь ложен, хотя физикализм истинен. Во-вторых, большинство современных физикалистов считает, что именно наш мир и есть мир современной физики; значит, с их собственной точки зрения физикализм исходной концепции ложен в действительном мире. Напротив, актуалистский теоретический физикализм не сталкивается ни с одной из этих трудностей. Более того, он специально построен так, чтобы быть истинным в мире современной физики. Поэтому нет ничего удивительного, что этот пример подтверждает актуалистскую версию концепции физической теории.

4.6. Физика мира-двойника

Однако, хотя пример с миром современной физики и говорит в пользу актуалистской версии, существуют и другие примеры — уже не столь благоприятные.

Допустим, современная физика действительно показывает, что масса, спин и заряд относятся к фундаментальным свойствам в смысле Льюиса. Представим теперь Землю-двойник, или мир-двойник, где фундаментальными оказываются другие свойства, резко отличающиеся по своему характеру от массы, спина и заряда. Я не предполагаю, что эти свойства духовны, ментальны или отвечают какому-либо известному образцу нефизического. Я просто воображаю мир, сходный с нашим с точки зрения доступных свидетельств, но имеющий иные фундаментальные свойства. Итак:

> Мир физики мира-двойника. Возможный мир, или Земля-двойник, где каждое свойство с необходимостью определяется массой-двойником, зарядом-двойником и спином-двойником. Насколько это возможно, в нем инстанцированы те же свойства, что и в действительном мире.

Это видоизменение знаменитого мысленного эксперимента Хилари Патнэма с Землей-двойником (см. Putnam 1975; применительно к обсуждению физического этот пример предложил Алан Сассман — см. Sussman 1981). В исходной версии Патнэм просит перенестись в 1750 год, еще до появления современной химии. В нашем мире вещество, которое мы называем водой, наполняет ванну и выпадает с неба в виде дождя (или не выпадает, если мы живем в засушливом районе), — это химическое соединение H_2O. На Земле-двойнике ту же роль играет совершенно другое соединение, неотличимое от воды с точки зрения науки XVIII века. Патнэм использовал этот пример, чтобы показать: референция таких слов, как «вода», определяется не только внутренними особенностями говорящего (или его организма), но и его отношением к окружающей среде. Мы же воспользуемся основной идеей примера для другой цели — прояснения физикализма. (Этот мысленный эксперимент можно изложить двумя способами: либо считать, что в нашем мире существуют

две Земли, наша и ее двойник, либо представить иной возможный мир с другой химией. Здесь нас интересует второй вариант.)

Этот вариант эксперимента Патнэма ставит перед нами два уже знакомых вопроса: (а) истинен ли актуалистский теоретический физикализм в мире физики мира-двойника? (б) истинен ли в нем физикализм в обычном смысле слова? (Попробуйте ответить самостоятельно, прежде чем читать дальше.)

На второй вопрос, по-моему, явно следует ответить утвердительно. Во всяком случае, разумно считать, что насколько физикализм истинен в нашем мире, настолько же он истинен и в описанном мире-двойнике. Вспомним, что физикализм — абстрактное представление об устройстве мира, не зависящее от деталей той или иной физической теории. Разница между физикой нашего мира и физикой мира-двойника как раз и относится к подобным деталям. Посмотрим на это иначе. В мире физики мира-двойника есть соответствия всем нашим физикалистам и противникам физикализма. У нас есть Гоббс, Смарт, Декарт и Броуд; *там* — Гоббс-двойник, Смарт-двойник, Декарт-двойник и Броуд-двойник. Нет оснований полагать, что убедительность их аргументов зависит от того, что фундаментальная физика в их мире отличается от нашей. Иными словами, если вы считаете, что в нашем мире Гоббс и Смарт убедительнее своих противников, то и в мире-двойнике вам следует признать преимущество Гоббса-двойника и Смарта-двойника. Следовательно, если физикализм истинен у нас, он истинен и в мире физики мира-двойника.

Но хотя физикализм там истинен (можно сказать и так: двойниковый физикализм тоже является разновидностью физикализма), актуалистский теоретический физикализм в этом мире ложен. Поэтому на первый вопрос — истинен ли он там? — приходится ответить отрицательно. Дело в том, что актуалистский теоретический физикализм *определен* через ту физическую теорию, какой бы она ни оказалась, которая истинна в действительном мире. Если согласно физике действительного мира фундаментальными являются масса, спин и заряд, то актуалистский теоретический физикализм окажется ложным во всяком мире, где эти свойства не фундаментальны. Мир физики мира-

двойника именно таков. Следовательно, в нем актуалистский теоретический физикализм ложен.

4.7. Нельзя ли было прийти к этому выводу быстрее?

Пример с миром физики мира-двойника показывает, что актуалистский теоретический физикализм не тождествен физикализму: обычный физикализм в этом мире истинен, а его актуалистская теоретическая версия — нет. Однако можно спросить: нельзя ли было получить тот же результат более простым способом, без обращения к видоизмененной версии одного из самых известных мысленных экспериментов современной философии?

Вспомним, например, еще одну возможность из предыдущей главы:

> Атомистический мир. Возможный мир, в котором каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется каким-либо характерным свойством классических атомов. Насколько это возможно, в нем инстанцированы те же свойства, что и в действительном мире.

Как мы уже отмечали, физикализм в атомистическом мире истинен; более того, это образцовый пример мира, где он истинен. Но можно утверждать, что актуалистский теоретический физикализм здесь ложен: ведь физика действительного мира, по всей видимости, не является атомистической в указанном смысле. Если это так, нужный вывод перед нами: обычный физикализм и актуалистский теоретический физикализм различаются, поскольку первый истинен в атомистическом мире, а второй нет.

И все же, при всей привлекательности этого рассуждения, едва ли оно в конечном счете опровергает актуалистский теоретический физикализм. (Этим замечанием я обязан Штефану Лойенбергеру.) До сих пор мы рассматривали довольно простую версию концепции физической теории, согласно которой физическое свойство выражается истинной физической теорией. Но, вероятно, это понимание можно расширить: речь должна идти не просто об истинных высказываниях теории,

а о языке физической теории в более широком смысле. Тогда становится неясно, действительно ли актуалистский теоретический физикализм ложен в атомистическом мире. Ведь свойства, характерные для атомизма, вполне могут быть выразимы на языке нашей физики, даже если в действительном мире атомизм ложен. Если так, чтобы доказать отличие физикализма от актуалистского теоретического физикализма, нам нужны примеры наподобие мира физики мира-двойника, а не только атомистического мира.

4.8. Поссибилистская версия

Актуалистская версия концепции физической теории отождествляет физикализм с актуалистским теоретическим физикализмом. Как мы убедились, эта гипотеза сталкивается с серьезной трудностью — миром физики мира-двойника. Но из этого еще ничего не следует о другой, поссибилистской версии. Согласно ей, физикализм тождествен поссибилистскому теоретическому физикализму. Что покажет проверка мысленными примерами?

Поначалу результаты вновь обнадеживают. Возьмем *все* уже рассмотренные миры: атомистический мир, атомистический мир с гравитацией, мир современной физики и мир физики мира-двойника. Во всех этих случаях поссибилистский теоретический физикализм истинен или, по меньшей мере, может быть истинен. В каждом из них любое свойство с необходимостью определяется свойством, выражаемым физической теорией, истинной в соответствующем мире. Поэтому поссибилистский теоретический физикализм выглядит более удачной интерпретацией физикализма, чем все до сих пор рассмотренные варианты.

К сожалению, у этого успеха есть простое объяснение: поссибилистская версия *чрезвычайно* либеральна. Настолько, что позволяет физикализму оказаться истинным во множестве миров, где он интуитивно явно ложен. Рассмотрим следующий случай:

> Мир классического дуализма. Возможный мир, во всем похожий на классический атомистический мир, за одним исключением: когда атомы объединяются в человеческие тела, с каждым таким телом оказывается соединена душа. Поведе-

ние тела можно объяснить, только допустив, что на него воздействуют душа и ее характерные свойства. Насколько это возможно, в этом мире инстанцированы те же свойства, что и в действительном.

Зададим два привычных вопроса: (а) истинен ли физикализм в мире классического дуализма? (б) истинен ли там поссибилистский теоретический физикализм? На первый вопрос очевидно следует ответить «нет». Если атомистический мир — образец мира физикалистов, то мир классического дуализма — столь же наглядный образец мира дуалистов. Если классический дуализм не противоречит физикализму, трудно вообще представить, что могло бы ему противоречить.

На второй вопрос, однако, по-видимому, следует ответить «да»: хотя в мире классического дуализма *физикализм* ложен, *поссибилистский теоретический физикализм* там истинен или может быть истинным. Вспомним наше определение: физическая теория — это теория, объясняющая поведение и устройство обычных физических объектов и связанных с ними сущностей. В мире классического дуализма такая истинная теория существует, но она вынуждена говорить о душах и, следовательно, о нередуцируемых ментальных свойствах. Поэтому эти свойства будут считаться физическими: ведь они выражаются физической теорией, истинной в данном возможном мире. По той же причине поссибилистский теоретический физикализм окажется там истинным: каждое свойство в этом мире с необходимостью определяется некоторым свойством, выражаемым истинной физической теорией.

4.9. Как скорректировать поссибилистскую версию

Мы приближаемся к следующему выводу. Согласно концепции физической теории, физикализм — это либо актуалистский, либо поссибилистский теоретический физикализм. Но он не может быть первым: актуалистский теоретический физикализм ложен в мире физики мира-двойника, где физикализм явно истинен. Не может он быть и вторым: поссибилистский теоретический физикализм истинен в мире классического дуализма, где физикализм явно ложен. Следовательно, ни одна из двух версий

концепции физической теории не может служить правильным определением того, что такое физикализм.

Здесь можно возразить, что мы слишком сузили рассмотрение. Ранее мы выяснили, что исходную концепцию из-за ее ложности необходимо расширить: определять физическое свойство, используя не все, а лишь некоторые признаки соответствующего кластера. Наша концепция физической теории особенно либеральна, поскольку опирается только на один признак. Почему бы не добавить другие признаки, чтобы избежать контрпримера с миром классического дуализма? Это вполне естественное предложение, но, если вдуматься, осуществить его трудно. Дело в том, что существуют многие другие случаи, сходные с миром классического дуализма. Даже если нам удастся справиться именно с этим случаем, основная проблема никуда не исчезнет.

Рассмотрим наиболее естественный способ такой поправки: добавим к поссибилистской версии признак, который я назвал Противопоставлением (ср. Wilson 2006). Он требует, чтобы физические свойства не были характерными свойствами душ, эктоплазмы, пси-феноменов, экстрасенсорного восприятия и тому подобного. Тогда мы получим следующее определение:

> (6) Свойство *F* является физическим тогда и только тогда, когда выполнены оба условия:
>
> (а) *F* выражается предикатом физической теории, истинной в некотором возможном мире;
>
> (б) *F не* относится к характерным свойствам душ, эктоплазмы и тому подобного.

Включив это определение в понятие физикализма, мы получим его версию, которая окажется ложной в мире классического дуализма: характерное свойство души не сможет считаться физическим.

Можно, однако, вспомнить вопрос из главы 2 о ситуациях, где одновременно истинны физикализм и идеализм. Мы отмечали, что их можно исключить, сделав аналитической истиной положение о том, что физические свойства не являются ментальными. Но у такого решения есть неприятное след-

ствие: теория тождества сознания и мозга оказывается не просто ложной, а бессмысленной или логически несостоятельной. Не возникает ли сходной трудности при обращении к признаку Противопоставление?

Нет, поскольку этот признак гораздо менее радикален, чем общее определение физического как нементального. Он лишь требует признать определенные очевидные случаи, когда свойства одновременно ментальны и нефизичны, и учитывать их при определении физического. Он вовсе не утверждает, будто *любое* ментальное свойство нефизично. Поэтому, на мой взгляд, включить Противопоставление в определение физикализма вполне разумно, а включить туда общее требование нементальности — нет или, во всяком случае, значительно менее разумно.

Но даже это уточнение не устраняет главной трудности: поссибилистский теоретический физикализм остается слишком либеральным. Рассмотрим еще один мир:

> Мир примитивных цветов. Возможный мир, во всем подобный классическому атомистическому миру, но с одним отличием: когда атомы образуют объекты, примерно соответствующие по размеру человеческим телам, эти объекты приобретают примитивные цветовые свойства. Их природу и поведение нельзя объяснить, не предположив, что они обладают такими свойствами. Насколько это возможно, все остальные инстанцированные свойства совпадают со свойствами действительного мира.

В философии сознания подобную возможность обычно считают несовместимой с физикализмом. Когда Дэвид Армстронг (1968: 270) говорит, что «представление о вторичных качествах как нередуцируемых или не поддающихся анализу свойствах порождало самые большие трудности», он имеет в виду именно трудности *для физикализма*. В нашей терминологии его мысль состоит в том, что физикализм ложен в мире примитивных цветов. Однако поссибилистский теоретический физикализм здесь истинен — точно так же, как в мире классического дуализма. Поэтому перед нами аналогичный контрпример. Но отвергнуть его ссылкой на нементальность физических свойств

уже не получится: проблематичные свойства здесь вовсе не *ментальны*. Цвета, в конце концов, не находятся в сознании.

Разумеется, защитник поссибилистской версии может обратиться к двум оставшимся признакам кластера — Объективности и Методу. Согласно первому, установить наличие физического свойства можно более чем с одной точки зрения: существа с разной психологией и историей способны узнать, что оно инстанцировано. Чтобы понять такое свойство, не нужно иметь строго определенный психический склад или определенный жизненный опыт. В этом физические свойства отличаются от некоторых психологических. Например, чтобы знать, каков на вкус «Веджимайт», по-видимому, необходим вполне конкретный опыт и соответствующие психологические способности. Согласно признаку Метод, физические свойства познаются с помощью методов естественных наук. Эта мысль связана с пониманием натурализма, предложенным во введении: *ученые* пользуются определенными методами, и именно посредством этих методов мы можем узнавать о физических свойствах. Оба пояснения здесь намеренно приблизительны, но для наших целей их достаточно.

Добавим теперь Объективность и Метод к только что рассмотренной версии. Мы получим определение, включающее все признаки исходного кластера, кроме одного — Объекта:

> (7) Свойство *F* является физическим тогда и только тогда, когда оно:
>
> (а) выражается предикатом физической теории, истинной в некотором возможном мире;
>
> (б) не относится к характерным свойствам душ, эктоплазмы и тому подобного;
>
> (в) объективно;
>
> (г) принадлежит к свойствам, которые можно исследовать научными методами.

Если определить физикализм через (7), он уже не будет истинным в мире примитивных цветов. Ведь такие цвета, не будучи ментальными, возможно, являются субъективными, а

не объективными: понять их природу нельзя с разных точек зрения. Поэтому согласно (7) они не будут считаться физическими.

Однако нетрудно придумать новые примеры. Рассмотрим хотя бы следующие два:

> Виталистический мир. Возможный мир, полностью сходный с классическим атомистическим миром, за исключением одного обстоятельства. Когда атомы объединяются в объекты, соответствующие нашим растениям и животным, последние обладают élan vital — свойством, совершенно отличным от свойств, предполагаемых атомизмом. Природу и поведение этих объектов, особенно их рост и размножение, нельзя объяснить, не допуская существования такой силы. Все остальные свойства, насколько это возможно, совпадают со свойствами действительного мира.
>
> Мир эмерджентной химии. Возможный мир, полностью сходный с классическим атомистическим миром, за одним исключением: соединяясь, атомы порождают химические свойства, объясняющие наблюдаемое поведение молекул, но сами эти свойства отличаются от любых свойств, характерных для атомизма. Все остальные свойства, насколько это возможно, совпадают со свойствами действительного мира.

Первый пример представляет теоретическую возможность — витализм, — которая, по общему признанию, противоречит физикализму. Второй менее привычен для современной дискуссии, но играл заметную роль на ранних этапах философии сознания. Например, в книге Броуда «*Сознание и его место в природе*» он рассматривается как одна из форм антифизикализма (см. Broad 1925). Суть обоих примеров одинакова. Хотя физикализм ложен и в виталистическом мире, и в мире эмерджентной химии, поссибилистский теоретический физикализм вполне может быть там истинным — даже при определении физического свойства согласно (7). Ни élan vital, ни фундаментальные химические свойства не обязательно субъективны, ментальны или недоступны науке. Просто они не физические.

4.10. Как скорректировать актуалистскую версию

До сих пор мы обсуждали возможные способы усилить поссибилистскую версию концепции физической теории. Теперь рассмотрим другую возможность: нельзя ли ослабить или изменить актуалистскую версию, чтобы она выдержала наши контрпримеры?

Чаще всего здесь предлагают обратиться к сходству (см., например, Lewis 1986; Ravenscroft 1997):

> (8) Свойство *F* является физическим тогда и только тогда, когда выполняется хотя бы одно из двух условий:
>
> (а) *F* выражается предикатом физической теории, истинной в действительном мире;
>
> (б) *F* сходно со свойствами, выражаемыми предикатами физической теории, истинной в действительном мире.

Разумеется, главная трудность такого предложения состоит в том, что оно выглядит правдоподобным лишь пока мы не уточняем, в чем именно должно заключаться сходство. Ведь в том или ином отношении что угодно сходно с чем угодно.

Но даже если оставить эту общую трудность в стороне, неясно, чем новая актуалистская версия лучше старой. Снова обратимся к миру физики мира-двойника. Сходны ли инстанцированные в нем свойства со свойствами действительного мира в нужном отношении? Любой ответ создает проблему. Если да, то почему бы свойствам мира классического дуализма — или других нефизикалистских миров — не оказаться столь же сходными? Тогда физикализм, определенный через (8), будет истинным и в мире дуализма. Если нет, то версия физикализма, использующая (8), останется ложной в мире физики мира-двойника. Но, как мы уже видели, никаких оснований для такого вывода нет.

4.11. Еще четыре предложения

Ранее мы увидели, что актуалистская версия концепции физической теории слишком ограничительна, а поссибилистская — слишком либеральна. Только что мы убедились, что поправки к ним не устраняют этой основной проблемы. Завершим рассмотрение концепции физической теории четырьмя дополнительными предложениями.

4.11.1. Дополнительные условия для физических теорий

Первое предложение касается самого понятия физической теории. Мы исходили из того, что физическая теория исследует определенный предмет — природу, устройство и поведение обычных физических объектов и связанных с ними явлений. Но можно возразить: хотя физическая теория действительно имеет такой предмет, она, кроме того, должна обладать и другими особенностями. Если принять их во внимание, продолжает возражающий, обнаружится ошибка в нашем рассуждении о поссибилистском теоретическом физикализме и мире классического дуализма. Ранее мы утверждали, что поссибилистский теоретический физикализм вполне может быть истинным в мире классического дуализма, хотя никакая приемлемая версия физикализма там истинной быть не должна. При этом мы опирались на предположение, что в таком мире существует истинная физическая теория. Если для физической теории достаточно изучать определенный предмет, наш довод сохраняет силу. Но если физическая теория должна, помимо этого, обладать еще какой-то особенностью, дело обстоит не столь однозначно.

В отвлеченном виде это разумное замечание. Однако оно становится менее убедительным, стоит спросить, какой именно должна быть дополнительная особенность. Насколько мне известно, все предложенные ответы страдают одним из двух недостатков: либо соответствующий признак вовсе не обязателен для физических теорий как таковых, либо он присущ и истинной физической теории мира классического дуализма. Например, иногда говорят, что физические теории всеобъемлющи, распространяются на все фундаментальные свойства или обладают универсальностью. Но, по-видимому, физиче-

ские теории не обязаны быть таковыми. Как убедительно показал Джеффри Поланд (Poland 1994: 120–122), если физикализм истинен, физическая теория может иметь эти черты, однако в нашем рассуждении заранее предполагать этого нельзя. Другой пример: Дженис Дауэлл (2006) полагает, что физической теории свойственна интегрированность (integration). Можно попытаться объяснить с ее помощью, почему поссибилистский теоретический физикализм ложен в мире классического дуализма. Но тут возникают две трудности. Во-первых, непонятно, действительно ли интегрированность необходима любой физической теории. (Насколько я понимаю Дауэлл, она сама считает этот признак контингентным.) Во-вторых, нет оснований считать, что истинная физическая теория мира классического дуализма не будет интегрированной в нужном смысле.

4.11.2. Via negativa

Второе предложение опирается на via negativa: определять физическое свойство через отрицание, то есть через указание того, чем оно не является. Простейшая формулировка такова: свойство физично тогда и только тогда, когда оно ментально. Но, как мы уже выяснили, это неудачное определение: например, из него следует, что теория тождества сознания и мозга логически несостоятельна. Более удачный вариант — считать физическим всякое свойство, которое не входит в число свойств, перечисленных в признаке Противопоставление. Ранее мы рассматривали возможность добавить этот признак к концепции физической теории. Сторонники via negativa, насколько я их понимаю, считают, что одного Противопоставления уже достаточно.

Однако у нас есть немало причин отвергнуть такое определение. Снова возьмем виталистический мир. Вполне естественно признать, что растения и животные там обладают нефизическим свойством: élan vital не физичен. Но отсюда не следует, что это свойство ментально: élan vital также и не ментален. Иначе говоря, он не является ни физическим, ни ментальным свойством. Via negativa не позволяет выразить этот факт.

В ответ можно предложить дополнить признак Противопоставление, включив в него élan vital. Но тут возникает сле-

дующая трудность. Как élan vital не является ни ментальной, ни физической, так и некоторые другие свойства могут быть одновременно нементальными, нефизическими и небиологическими — например, свойства эмерджентной химии. Защитник via negativa может предложить внести в список и их (ср. Papineau 2001). Конечно, это возможно; более того, список можно пополнять бесконечно. Но трудно понять, почему такой способ должен хорошо объяснять, что такое физическое свойство. В принципе указать, чем является вещь, можно, перечислив все, чем она не является. Однако подобное перечисление едва ли составляет удачное объяснение. Допустим, вы спрашиваете меня, что такое собака, а я отвечаю: «То, что не является кошкой». Это и есть via negativa применительно к свойству быть собакой. Вы справедливо замечаете, что согласно моему определению хомяк — собака, ведь он не кошка. Я соглашаюсь и уточняю: «Собака — то, что не является ни кошкой, ни хомяком». Вы приводите в пример осла. Разумеется, мы могли бы продолжать так бесконечно, но смысл подобного занятия остается неясным.

4.11.3. Микрофизикализм

Третье предложение опирается на микрофизикализм (microphysicalism). (Здесь я многим обязан Келвину Маккуину.) Это разновидность физикализма, согласно которой фундаментальные физические свойства принадлежат сравнительно малым объектам. На первый взгляд микрофизикализм — лишь одна из версий физикализма. Но допустим, что любой физикализм одновременно является микрофизикализмом. Тогда у нас возникло бы основание отрицать истинность физикализма в мире классического дуализма — и, *mutatis mutandis*, в виталистическом мире и мире эмерджентной химии. Во всех этих случаях нефизические свойства принадлежат объектам, которые нельзя назвать очень маленькими.

Однако с этим предложением связаны по меньшей мере три трудности. Во-первых, легко вообразить случаи, когда нефизические свойства присущи и очень малым объектам; возможно, таковы примеры, предполагающие панпсихизм. Во-

вторых, неправдоподобно, что из физикализма следует микрофизикализм. Представим мир, где каждое свойство с необходимостью определяется свойствами отдельных атомов вместе с одним макроскопическим свойством — скажем, формой Вселенной в целом. Такой мир ничуть не противоречит духу физикализма, хотя и противоречил бы ему, если бы физикализм предполагал микрофизикализм. Наконец, многие физикалисты считают микрофизикализм ложным в действительном мире, одновременно полагая сам физикализм истинным. Поэтому естественно предположить, что первый не следует из второго (см. обсуждение у Papineau 2007).

4.11.4. Индексикальность

Последнее предложение связано с индексикальностью (indexicality), а именно с мыслью, что слово «действительный» — индексикальное выражение. До сих пор мы неформально говорили о «действительном мире», словно это просто имя нашего мира. Но в философии чаще считают, что «действительный» функционирует подобно словам «я», «здесь», «сейчас» и другим индексикальным выражениям. Можно предположить, что это обстоятельство меняет нашу оценку случая с физикой мира-двойника.

Для пояснения допустим, что Смарт в действительном мире говорит: «Я голоден», а Смарт-двойник в мире физики мира-двойника произносит те же слова. Как известно, в одном смысле они говорят одно и то же, а в другом — разные вещи. Воспользуемся известным различием Дэвида Каплана между характером (character) и содержанием (content) выражения (см. Kaplan 1989). Можно сказать, что содержание двух высказываний различается, а характер совпадает. Содержание слов Смарта — «Смарт голоден»; содержание слов Смарта-двойника — «Смарт-двойник голоден». Если сосредоточиться на содержании, два философа сообщили разные вещи, причем высказывание обычного Смарта ложно в мире физики мира-двойника. Но характер высказываний остается одинаковым: в обоих случаях оно истинно тогда и только тогда, когда голоден тот, кто произнес данную фразу.

Пока все ясно. Теперь предположим, что Смарт произносит не скучное «Я голоден», а куда более интересное (по крайней мере на вид) утверждение: «Действительная физика дает полное описание мира». Смарт-двойник утверждает то же самое. Если считать «действительный» индексикальным выражением, мы можем различить здесь характер и содержание точно так же, как в предыдущем случае. И действительно, содержание высказывания Смарта соответствует тому, что я выше назвал актуалистским теоретическим физикализмом. Оно отличается от содержания высказывания Смарта-двойника и ложно в мире физики мира-двойника. Однако можно утверждать, что характер обоих высказываний одинаков: каждое из них истинно в данном мире тогда и только тогда, когда физическая теория этого мира дает его полное описание. Но это подрывает наш прежний аргумент, основанный на двойниковой физике. В самом деле, если отождествить физикализм не с содержанием, а с характером высказывания Смарта, окажется, что Смарт и его двойник утверждают одно и то же и оба утверждения истинны в соответствующих мирах. Таким образом, отождествление физикализма с характером позволяет избежать нежелательного вывода, будто он ложен в мире физики мира-двойника.

По-моему, это предложение действительно избавляет нас от указанной трудности. К сожалению, оно не устраняет других проблем, уже знакомых нам по предыдущему обсуждению. Рассмотрим двойника Смарта в мире классического дуализма — дуалистического Смарта. Представим, что он утверждает: «Действительная физика дает полное описание реальности». Характер этого высказывания, по-видимому, совпадает с характером высказываний обычного Смарта и Смарта-двойника. Более того, если оценивать истинность характера, он окажется истинным и в мире классического дуализма. Итак, мы вновь сталкиваемся с нашей основной дилеммой. Если отождествить физикализм с содержанием высказывания Смарта, он будет ложен в мире физики мира-двойника. Если же отождествить его с характером этого высказывания, он будет истинен в мире классического дуализма. Оба результата неприемлемы.

4.12. Аргумент двух последних глав вкратце

Рассуждения о физических свойствах, которыми мы занимались в двух последних главах, можно кратко изложить в виде метатезиса о физикализме и аргумента в его пользу. (В данном случае «метатезис» означает всего лишь тезис о другом тезисе.) Вот этот метатезис:

(9) Не существует такой версии тезиса о физикализме, которая одновременно:

(а) была бы истинной;

(б) заслуживала бы названия «физикализм».

Аргумент в его пользу выглядит так:

P1. Формулируя физикализм, мы должны опираться либо на исходную концепцию, либо на некоторую расширенную ее версию.

P2. Если принять исходную концепцию, можно сформулировать тезис, заслуживающий названия «физикализм», но этот тезис будет ложным.

P3. Если принять расширенную версию исходной концепции, можно сформулировать истинный тезис, но он не заслужит названия «физикализм», поскольку:

(а) окажется истинным в возможных мирах, в которых никакая версия физикализма не должна быть истинной; либо

(б) окажется ложным в возможных мирах, в которых никакая версия физикализма не должна быть ложной.

Вывод (*C*). Не существует версии физикализма, которая была бы одновременно истинной и заслуживала своего названия.

Это дедуктивно корректный аргумент; остается выяснить, правдоподобны ли его посылки.

Наше предыдущее обсуждение дает основания считать их правдоподобными. Первая посылка вытекает из предположения, что понятие физического является кластерным и включает пять признаков, выделенных в предыдущей главе: Объект,

Теорию, Объективность, Метод и Противопоставление. Если это действительно составляющие кластера, то определять физикализм мы должны либо через все признаки сразу, либо через некоторое их собственное подмножество. Именно это и утверждает P1.

Вторая посылка прямо следует из материала предыдущей главы. Если принять исходную концепцию физических свойств и физикализма, получившийся физикализм окажется ложным — причем по причинам, которые сами по себе не вызывают философских разногласий.

Третья посылка подытоживает основной аргумент настоящей главы. Мы увидели, что концепция физической теории, представляющая собой чрезвычайно либеральную версию исходной, порождает варианты физикализма, которые либо ложны там, где никакой физикализм не должен быть ложным, либо истинны там, где никакой физикализм не должен быть истинным. Мы также, хотя и более кратко, убедились, что добавление других признаков исходного кластера не устраняет этой трудности.

Таким образом, посылки аргумента представляются вполне убедительными. Но хотя сам аргумент дедуктивно корректен, а его посылки *правдоподобны*, вывод — по крайней мере при первом знакомстве — может показаться поразительным. Следует ли его принять? И если да, к чему это приведет? Эти вопросы заслуживают ответа. Однако прежде чем отвечать на них, я отвлекусь от анализа возможных случаев и обращусь к другим проблемам прояснения физикализма.

Итоги

В этой главе мы рассмотрели задачу расширения исходной концепции. Как было сказано в начале, цель состоит в том, чтобы найти такую версию физикализма, которая не оказывалась бы ложной из-за развития самой науки. Но перспективы этого проекта выглядят неутешительно. Трудно сформулировать версию физикализма, которая правильно различала бы случаи: была бы истинной в возможных мирах, где физикализм интуитивно истинен, и ложной там, где он интуитивно ложен. Если соеди-

нить этот результат с главным выводом предыдущей главы — ложностью физикализма исходной концепции, — мы получим только что изложенный аргумент. К нему мы еще подробно вернемся.

Рекомендуемая литература

Обсуждения задачи расширения исходной концепции, дополняющие наше, можно найти у Stroud (1986), Daly (1998), Chomsky (2000, 2009), van Fraassen (2002) и Strawson (2003, 2006). Современную защиту актуалистского теоретического физикализма см. у Melnyk (2003). Пример с Землей-двойником в несколько иной формулировке рассматривается у Sussman (1981). Поссибилистский теоретический физикализм обсуждает Dowell (2006), а его версию с добавлением Противопоставления — Wilson (2006). О негативном пути см. Montero (1999, 2009), Montero and Papineau (2005), Gillett and Witmer (2001). О микрофизикализме см. Pettit (1994), Hutteman and Papineau (1999), Papineau (2007) и приведенные там источники.

ГЛАВА 5

Дилемма Гемпеля

5.1. Введение

Аргумент, к которому мы пришли в конце предыдущей главы, имеет форму дилеммы. Если понимать физикализм одним способом — как физикализм исходной концепции, — возникают одни трудности. Если понимать его иначе, приняв какую-либо расширенную версию исходной концепции, — возникают другие. При этом предполагается, что третьего пути нет. Но хотя наша дилемма и касается того, как следует понимать физикализм, в соответствующей области философии обычно обсуждают другую дилемму. Она известна как дилемма Гемпеля (Hempel's dilemma). Именно ей посвящена эта глава. Мы рассмотрим ее и сравним с дилеммой, сформулированной нами ранее.

5.2. Еще раз о концепции физической теории

Вернемся к концепции физической теории, прежде всего к той ее части, которая определяет физическое свойство. В соответствующей формулировке она гласит:

> (1) *F* является физическим свойством тогда и только тогда, когда *F* выражается предикатом истинной физической теории.

Мы уже отмечали одну неоднозначность этой формулировки: должна ли физическая теория быть истинной в действительном мире или достаточно, чтобы она была истинна в каком-либо возможном мире? *Актуалистская* версия концеп-

ции физической теории выбирает первый ответ, *поссибилистская* — второй.

Однако есть и другая неоднозначность. Физика как область исследования существует уже давно. Исследования ведутся и сейчас и, по-видимому, будут продолжаться, пока ученые — если такое вообще случится — не придут к окончательным результатам. Поэтому положение (1) можно понять двояко. Оно может отсылать либо к физической теории, *которую мы сейчас считаем истинной*, либо к теории, которая окажется истинной в идеальном пределе исследования, *независимо от того*, совпадет ли она с нашими нынешними представлениями.

Первый вариант я назову версией современной теории (current theory version). В нем положение (1) принимает следующий вид:

> (2) F является физическим свойством тогда и только тогда, когда F выражается предикатом физической теории, которую в настоящее время мы считаем истинной.

Назовем физическое свойство в этом смысле свойством современной теории. Тогда, согласно рассматриваемой версии, физические свойства — это именно свойства современной теории. Соответственно, физикализм, определяемый через такие свойства, можно назвать физикализмом современной теории (current theory physicalism). Я не стану вновь расписывать его точное определение: после предыдущих глав оно должно быть ясно. Суть в том, что эта версия концепции физической теории отождествляет физикализм с физикализмом современной теории.

Второй вариант я назову версией идеальной теории (ideal theory version). В нем (1) превращается в следующее положение:

> (3) F является физическим свойством тогда и только тогда, когда F выражается предикатом физической теории, истинной в идеальном пределе исследования.

Если обозначить так определенное свойство как свойство идеальной теории, то эта версия утверждает, что физическими являются именно свойства идеальной теории. А физикализм, определенный через них, можно назвать физикализмом идеаль-

ной теории (ideal theory physicalism). Иными словами, во втором варианте концепции физической теории физикализм отождествляется с физикализмом идеальной теории.

5.3. Что такое идеальная теория?

Итак, мы противопоставили физическую теорию, которую сейчас считаем истинной, и теорию, истинную в идеальном пределе исследования. Понятие такого предела обычно связывают с философом XIX века Чарльзом Сандерсом Пирсом. Ему, в частности, приписывают концепцию истины, согласно которой высказывание истинно, если в идеальном пределе исследования было бы оправданно его утверждать.

Но нетрудно понять, почему это представление вызывает сомнения. Что именно делает теорию идеальной? В каком смысле она идеальна? Возможно, имеется в виду ее эпистемическая безупречность: создавшие ее исследователи учли все возможные свидетельства. Но что значит «все возможные свидетельства» и как их следует учитывать? Пока эти вопросы остаются без ясного ответа, возникает опасение, что и сама дилемма Гемпеля сформулирована недостаточно определенно.

Можно попробовать обойти затруднение, говоря не об идеальной, а о будущей теории — той, которую мы будем принимать в будущем. Однако это порождает новые проблемы. А что, если будущего не будет? Предположим, что Вселенная неожиданно прекратит существование через десять минут. Разумеется, это стало бы катастрофой во многих отношениях. Но почему такая катастрофа должна иметь особое значение для физикализма? Разве из нее следовало бы, например, что физикализм *ложен*? И что, если теория, к которой мы придем в будущем, окажется с познавательной точки зрения хуже нынешней? Как бы нам ни хотелось верить в обратное, нет никакой априорной гарантии, что с течением времени мы будем все ближе подходить к истине.

Есть более удачный выход: заметить, что для дилеммы Гемпеля понятие идеальной теории вообще не обязательно. До сих пор я противопоставлял теорию, которую мы сейчас считаем истинной, теории, истинной в идеальном пределе. С тем

же успехом можно противопоставить нынешние представления теории, которая на самом деле истинна. Возможно, именно это изначально и имелось в виду под идеальной теорией. В конце концов, если идеальная физическая теория не есть просто истинная физическая теория, то что же она такое? Но даже если эти понятия не совпадают, аргумент вполне можно построить на различии между тем, что сейчас считается истинным, и тем, что истинно в действительности.

Отметив эти возможные уточнения, я все же буду в дальнейшем придерживаться прежнего словоупотребления. Насколько я могу судить, основные положения аргумента не зависят от того, какое из этих различий мы возьмем за основу.

5.4. Формулировка дилеммы

В предыдущей главе мы различили актуалистскую и поссибилистскую версии концепции физической теории. Теперь к ним добавляются еще две — версия современной теории и версия идеальной теории. Перейдем к самой дилемме Гемпеля, которая, как я ее понимаю, строится именно на последнем различии.

Комментируя книгу Нельсона Гудмена «*Способы создания миров*» (Ways of Worldmaking), Гемпель писал:

> Я добавил бы, что физикалистское утверждение о возможности использовать язык физики в качестве единого языка науки по существу неясно: язык какой физики имеется в виду? Уж конечно, не физики, скажем, XVIII века: в ней встречаются такие выражения, как «теплород», употребление которых опирается на теоретические предпосылки, ныне считающиеся ложными. Но и язык современной физики не может претендовать на роль единого языка науки, поскольку в будущем он, несомненно, также изменится. По-видимому, физикализм требует языка, на котором можно было бы сформулировать *истинную* теорию всех физических явлений. Однако совершенно неясно, что здесь следует понимать под физическим явлением, особенно в контексте учения, принявшего отчетливо лингвистический характер (Hempel 1980: 194–195).

Здесь Гемпель противопоставляет позицию Гудмена взглядам Отто Нейрата (см. Neurath 1931a, 1931b). Как мы уже видели, Гемпель толкует физикализм Нейрата как лингвистический тезис: всякое высказывание эквивалентно по значению, то есть синонимично, некоторому физическому высказыванию (см. Hempel 1949). На первый взгляд возражение Гемпеля касается только физикалистов такого рода. Между тем сегодня их, если они вообще существуют, очень немного. Современный физикализм — это метафизический тезис: в действительном мире каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством, хотя само это положение не является необходимой истиной. Поэтому может показаться, что, даже если Гемпель прав относительно неясности семантического физикализма, современного физикалиста это не должно особенно тревожить.

Тем не менее большинство философов считают проблему Гемпеля проблемой не только для лингвистической, но и для метафизической версии физикализма. Так, Джеффри Хеллман, писавший несколькими годами позже, назвал ее «возможно, самым серьезным возражением против всех попыток сформулировать физикализм». В ставшем влиятельным и часто цитируемом отрывке он излагает дилемму так:

> Современная физика, несомненно, неполна (даже в своей онтологии) и неточна (в своих законах). Отсюда возникает дилемма: либо принципы физикализма опираются на современную физику — и тогда есть все основания считать их ложными, — либо не опираются на нее, и тогда, в лучшем случае, трудно понять их смысл. Ведь они основываются на еще не существующей «физике», а общим критерием «физического объекта, свойства или закона», не зависящим от физической теории, мы не располагаем (Hellman 1985: 609).

Многие авторы последовали за Хеллманом, распространив это возражение на физикализм вообще. Как выразился Поланд (Poland 1994: 157), дилемма Гемпеля превратилась в «стандартное возражение».

В чем же состоит аргумент? На мой взгляд, яснее всего его изложить через различие между физикализмом современной

теории и физикализмом идеальной теории. Согласно дилемме, мы должны выбрать один из этих вариантов, но ни один не годится. Первый ведет к ложности физикализма, второй — к тому, что мы не знаем, что именно он утверждает.

Представим рассуждение в виде посылок и заключения:

> Н1. Если физические свойства по определению суть свойства, выражаемые предикатами современной физической теории, то физикализм ложен.
>
> Н2. Если физические свойства по определению суть свойства, выражаемые предикатами идеальной физической теории, то мы не знаем, что утверждает физикализм.
>
> Н3. Физические свойства по определению суть либо свойства, выражаемые предикатами современной физической теории, либо свойства, выражаемые предикатами идеальной физической теории.
>
> НС. Следовательно, физикализм либо ложен, либо мы не знаем, что он утверждает.

В таком виде дилемма Гемпеля представляет собой логически корректный аргумент с выводом, который на первый взгляд имеет большое значение. Но насколько обоснованны его посылки? Рассмотрим их по очереди.

5.5. Первая посылка

Предположим, задача физической теории — дать полный перечень свойств и отношений, необходимых для объяснения обычных физических объектов и связанных с ними явлений. Очевидно, *современная* физика еще не располагает таким перечнем. Мы продолжаем исследование, а не подводим его окончательные итоги.

При этом неполнота современной физики вовсе не означает, что она ошибается в каких-то конкретных утверждениях о необходимых свойствах и отношениях. Иногда философы полагают, что физика непременно должна содержать подобные ошибки. Одни ссылаются на ее внутреннюю несогласованность: будто бы разные ее части не могут быть истинны одновременно.

Другие напоминают, что физические теории прошлого оказывались ложными, и делают вывод, что нынешние теории, скорее всего, тоже ложны. Как бы ни обстояло дело с этими доводами, для дилеммы Гемпеля в моем понимании они почти не важны. Ее исходное положение состоит не в том, что современная физика неправильно составила перечень, а в том, что она еще не закончила его составлять.

Если нынешняя физика действительно неполна, то, по-видимому, возможна будущая теория, которая будет полной или хотя бы более полной. Представим такую теорию и предположим, что один из ее предикатов выражает свойство, назовем его *F*. Допустим также, что *F* инстанцировано, но не следует с необходимостью ни из одного свойства, выражаемого современной физикой. Если же физическими *по определению* являются только свойства, выражаемые предикатами *нынешней* физической теории, *F* не является физическим свойством.

Это не значит, будто *F* представляет собой нечто потустороннее или бесплотное либо соответствует привычным нам образцам нефизических свойств. Мы ведь понятия не имеем, что такое *F*, а значит, не можем отнести его ни к одному образцу. Все сказанное означает только следующее: если физические свойства определяются через современную физику, *F не физично*.

Само по себе это еще не составляет трудности для физикализма. Красота Венеции — свойство Венеции, но не ее физическое свойство. И все же физикализм от этого не страдает: он не требует, чтобы каждое свойство было физическим. Он требует, чтобы каждое инстанцированное свойство с необходимостью следовало из некоторого инстанцированного физического свойства, а это допускает существование нефизических свойств.

Но с *F* дело обстоит иначе. Согласно нашему допущению, оно не только само не физично, но и *не* следует с необходимостью ни из какого физического свойства. А вот это уже опровергает физикализм: *F* инстанцировано, хотя не является физическим и не определяется с необходимостью ничем физическим. Физикализм исключает такие случаи.

Таким образом, основание посылки H1 — неполнота современной физики. Если определять физические свойства через современную физическую теорию, то ее неполнота влечет ложность физикализма.

5.6. Вторая посылка

Допустим, идеальный предел исследования в смысле Пирса будет достигнут 5 ноября 3027 года в пять часов пополудни. Можно предположить, что ученые, покидающие в этот судьбоносный день лаборатории, — хотя сами они, возможно, и не *догадаются*, насколько он судьбоносен, — будут располагать некоторой физической теорией. Она, по меньшей мере, будет утверждать, что существуют определенные свойства, обозначим их F, G и H, которым присущи те или иные особенности.

Если по определению физическими являются свойства, выражаемые предикатами этой идеальной теории, значит, физические свойства — это F, G и H. А физикализм тогда будет утверждать, что всякое другое инстанцированное свойство с необходимостью следует из F, G и H — по отдельности или в различных сочетаниях.

Но что же в таком случае утверждает физикализм? Для тех из нас, кто еще не достиг идеального предела, ответ, по-видимому, таков: мы этого не знаем. Ведь мы не знаем, что представляют собой свойства F, G и H. Да, мы можем дать им имена и даже ссылаться на них — я только что сделал это, пусть и в самом общем виде. Однако назвать свойство не значит знать, что это за свойство. Поэтому, даже имея возможность на него сослаться, мы по-прежнему не знаем ни его природы, ни того, что утверждает физикализм. Наше положение напоминает положение людей из примера Гарета Эванса: они могут назвать Джулиусом «действительного изобретателя застежки-молнии», хотя не знают, кто такой Джулиус (Evans 1983).

Есть и другой способ показать, почему при таком понимании физикализма мы не знаем, что он утверждает. Если физикализм — это физикализм идеальной теории, нам известно, что истинным будет потенциально бесконечный ряд условных высказываний следующего вида:

> Если идеальная физика выражает свойства, характерные для классических атомов, то физикализм утверждает, что все с необходимостью определяется свойствами, характерными для классических атомов.
>
> Если идеальная физика выражает свойства, характерные для состояний квантовой волновой функции, то физикализм утверждает, что все с необходимостью определяется свойствами, характерными для этих состояний. Если идеальная физика выражает свойства, характерные для лейбницевских монад, то физикализм утверждает, что все с необходимостью определяется свойствами, характерными для монад.
>
> Если идеальная физика выражает свойства, характерные для тыкв, то физикализм утверждает, что все с необходимостью определяется свойствами, характерными для тыкв.

И так далее.

Нам известно, что все эти условные высказывания истинны. Однако мы не знаем, у какого из них, если вообще у какого-нибудь, истинно условие. Иначе говоря, мы знаем, что утверждал бы физикализм при том или ином положении дел, но не знаем, какое положение дел имеет место. Поэтому мы не знаем, что физикализм утверждает в действительности.

Что из этого следует? Если мы вообще не понимаем, что утверждает физикализм, мы не можем ни знать, что он истинен, ни обоснованно его принимать или отвергать. Мы даже не можем всерьез рассуждать о том, истинен ли он. Любая попытка рационально оценить физикализм — привести доводы за и против, объявить себя его сторонником или противником, назвать его многообещающей гипотезой хотя бы на перспективу — предполагает, что мы хотя бы в общих чертах знаем, о каком тезисе идет речь. Если это предположение неверно, то и предмета для рациональной оценки у нас нет.

Итак, основание посылки H2 — наше незнание того, что утверждает идеальная физика. Если физические свойства определяются через предикаты идеальной физической теории, а ее содержание нам неизвестно, то неизвестно и содержание самого физикализма.

5.7. Третья посылка

Первая посылка дилеммы Гемпеля утверждает, что одно определение физических свойств приводит к нежелательному результату. Вторая показывает, что другое определение приводит к иному, но также нежелательному результату. Третья же посылка должна установить, что эти два способа исчерпывают все возможности: физические свойства следует определять либо через современную теорию, либо через идеальную. Чем можно обосновать такое утверждение?

Как ни странно, найти в литературе убедительные доводы в его пользу чрезвычайно трудно. И это обстоятельство будет иметь большое значение при окончательной оценке дилеммы. Насколько я могу судить, большинство авторов вообще не приводит доводов в пользу третьей посылки: соответствующая часть аргумента попросту остается без обсуждения. Кажется, многие считают Н3 чем-то самоочевидным. (Чтобы проверить мои слова, достаточно обратиться к статьям, перечисленным в конце главы.)

Почему же так происходит? Думаю, прежде всего потому, что Н3 легко спутать с логической истиной. Действительно, логически истинно, что физическая теория либо современна, либо не современна. Точно так же логически истинно, что физические свойства либо определяются через предикаты современной физической теории, либо не определяются через них. Если бы третья посылка Гемпеля совпадала с одним из этих тривиальных утверждений, ей не требовалось бы серьезного обоснования.

Однако Н3 утверждает нечто иное. Она не говорит, что физика либо современна, либо нет. И она не говорит, что физические свойства либо определяются через современную теорию, либо не определяются через нее. Она утверждает, что физические свойства определяются либо через физическую теорию, которую мы сейчас считаем истинной, либо через идеальную физическую теорию — то есть, по принятому нами уточнению, через теорию, истинную в действительном мире. Это, как мы увидим в разделе 5.10, совсем другой тезис.

5.8. Фаллибилизм

Итак, мы сформулировали дилемму Гемпеля и рассмотрели основания каждой из ее посылок. Но верен ли сам аргумент?

Первое естественное возражение — хотя, как ни странно, я не встречал его в опубликованных работах — состоит в том, что дилемма не учитывает фаллибилизм (fallibilism) современных физикалистов. В эпистемологии фаллибилистом называют того, кто считает, что, по крайней мере в случае эмпирических убеждений, имеющиеся свидетельства не гарантируют их истинности. Фаллибилист подчеркивает, что в эмпирических вопросах нельзя достичь полной достоверности и исключить все альтернативные возможности. Современные физикалисты, несомненно, склонны к такому взгляду: сама идея физикализма как абстрактной, но эмпирической гипотезы предполагает фаллибилистскую установку.

Как, однако, связать ее с дилеммой Гемпеля? Как мы видели, обоснование обеих первых посылок, H1 и H2, опирается на предположение о неполноте современной физики. В случае H1 из этой неполноты следует, что физикализм, определенный через нынешнюю теорию, ложен. В случае H2 отсюда следует, что мы не знаем, что будет утверждать идеальная физика. Но физикалист мог бы возразить: «Я считаю, что нынешняя физика полна. Просто допускаю, что, насколько нам известно, она *может оказаться неполной*». Таким образом, фаллибилизм позволяет отвергнуть предпосылку о неполноте физики. Можно сказать: «Неверно, что физика неполна; верно лишь, что она может быть неполной, поскольку это совместимо с нашими свидетельствами».

Без дальнейшего обоснования такой ответ неудовлетворителен. Да, и полнота, и неполнота нынешней физики логически совместимы с тем, что она уже сообщает нам о мире. Верно и то, что большинство физикалистов обоснованно придерживается фаллибилизма. Но отсюда еще не следует, что разумно считать современную науку завершенной. Напротив, у нас есть немало оснований думать иначе:

- *Космологические* основания. Мы — отдельные люди или человечество в целом — занимаем крошечную часть Все-

ленной. Трудно поверить, что с такой ограниченной точки зрения нам уже удалось постичь все существующее.

- *Эволюционные* основания. Мы — существа, познавательные способности которых формировались в ходе миллионов лет эволюции. Едва ли правдоподобно, что разум, возникший в таких условиях, способен составить полную картину мира.
- *Психологические* основания. Нашему мышлению присущи различные ограничения, барьеры и фильтры. Поэтому маловероятно, что человеческий разум способен узнать все или почти все факты.
- *Исторические* основания. Наука наших дней, вероятно, похожа на науку прошлых эпох: и в ней есть ошибки, путаница, ложные направления исследований и приблизительные решения. Даже если нынешняя наука лучше прежней и ближе к истине, естественно предположить, что она еще не избавилась от подобных недостатков.
- *Методологические* основания. Само занятие наукой и рациональным исследованием, по-видимому, предполагает незнание фактов определенных видов. Ведь смысл исследования как раз в том, чтобы получить еще не имеющееся знание.

Следовательно, хотя нынешняя физика могла бы оказаться полной без логического противоречия с нашими знаниями, у нас достаточно оснований считать ее неполной. Поэтому одна лишь ссылка на фаллибилизм не спасает физикалиста от дилеммы Гемпеля.

Конечно, можно вновь заметить, что ни одно из приведенных соображений строго не *доказывает* неполноту современного знания. Оптимист вправе, несмотря на все сказанное, настаивать, что нынешняя физика уже полна. Но тогда спор, похоже, зайдет в тупик: оптимист и пессимист могут соглашаться друг с другом и относительно того, что наука сегодня знает, и относительно всех только что перечисленных доводов. И все же оптимист будет считать наши знания полными или почти полными, а пессимист — неполными.

Как решить этот спор? Насколько я вижу, способа — по крайней мере практически осуществимого — у нас нет. При этом спор явно касается фактического положения дел. Если это так, перед нами интересное обстоятельство, заслуживающее отдельного обсуждения, хотя здесь мы не сможем им заняться. Пока важно другое: фаллибилистский ответ на дилемму Гемпеля оказывается зависимым от неразрешимого спора между оптимистом и пессимистом относительно современной физики. Поэтому успешным ответом его назвать нельзя.

5.9. «Мы знаем достаточно, чтобы знать»

Фаллибилистское возражение пытается отклонить дилемму Гемпеля, отрицая установленную неполноту нынешнего знания. Следующее возражение пойдет иным путем.

Мы видели, что неполнота современного знания играет в дилемме решающую роль и что в определенном смысле ее трудно отрицать. Но даже признав эту неполноту, можно попытаться отвергнуть выводы из нее. Сторонник такого возражения скажет: «Конечно, современная физика неполна, поэтому мы не знаем во всех подробностях, что утверждает истинная физическая теория. Тем не менее мы знаем достаточно, чтобы знать, что истинная физика не будет содержать психологических явлений sui generis. Для целей философии сознания большего и не требуется». Таким образом, возражение принимает вывод дилеммы Гемпеля, но отрицает его философскую значимость, которую ему нередко приписывают.

Что можно ответить? Начну с того, что здесь действительно содержится важная мысль; мы вернемся к ней в последующих главах. Часто считают, что дилемма Гемпеля опасна тем, что, если она верна, многие известные споры в философии сознания утратят основание. Возьмем, например, аргумент знания (knowledge argument), который мы кратко рассмотрим в главе 10. Его заключение состоит в ложности физикализма. Участники споров о нем часто называют себя физикалистами, если отвергают аргумент, или антифизикалистами, если его принимают.

Однако если дилемма Гемпеля верна, вся эта полемика, по-видимому, лишается смысла. Ведь тогда мы уже знаем — независимо от аргумента знания, — что физикализм либо ложен, либо недоступен рациональной оценке. Зачем же обсуждать, доказывает ли другой аргумент его ложность?

Но именно здесь рассматриваемое возражение указывает на важную ошибку. Хотя споры вокруг аргумента знания действительно ведутся под знаменем физикализма, неочевидно, что физикализм играет в них незаменимую роль. Если аргумент знания успешен, он устанавливает не только то, что феноменальные факты — например, факт того, что я испытываю боль в пальце ноги, — не следуют из физических фактов. Он устанавливает и нечто более сильное: феноменальный факт не следует *ни из какого* факта, который сам не является феноменальным. Иначе говоря, феноменальные факты не выводятся из каких-либо иных фактов.

Но тогда физикализм *per se* оказывается здесь необязательным. Для аргумента знания не важно, являются ли факты, которым противопоставляются феноменальные, физическими. Важно лишь, что они не феноменальны. Если так, то даже истинность заключения дилеммы Гемпеля не нанесла бы существенного ущерба аргументу знания и сходным с ним рассуждениям. К этому вопросу мы еще вернемся в главе 10.

Итак, в возражении «мы знаем достаточно, чтобы знать» несомненно есть доля истины. Тем не менее оно не опровергает дилемму Гемпеля — по двум причинам.

Во-первых, оно предполагает, что значение дилеммы исчерпывается ее действительным или предполагаемым влиянием на аргументы философии сознания, такие как аргумент знания. Но значение дилеммы этим не ограничивается. Более того, ее заключение на первый взгляд просто невероятно — хотя это само по себе еще не доказывает, что аргумент ошибочен. От Гоббса до Смарта философы защищали физикализм; от Декарта до Ч. Д. Броуда другие философы его отрицали. Неужели все они настолько заблуждались относительно предмета своих разногласий, как пришлось бы признать, если бы заключение дилеммы Гемпеля было верным?

Вот почему у нас есть основания сопротивляться этому заключению и придавать дилемме большое значение: история философии, казалось бы, убедительно показывает, что физикализм — содержательное учение, о котором можно осмысленно спорить. Значит, нельзя просто объявить, что он заведомо ложен либо вообще недоступен оценке. Возражение «мы знаем достаточно, чтобы знать» не затрагивает эту сторону вопроса.

Во-вторых — и это, пожалуй, наиболее очевидный недостаток, — возражение совершенно не объясняет, где ошибочен сам аргумент. Оно лишь предлагает примириться с его выводом, даже если аргумент верен. Но о том, действительно ли верны его посылки, возражение ничего не говорит. Между тем, как мы уже отмечали, сомневаться в них можно независимо от того, какую роль физикализм играет в философии сознания. Поэтому для настоящего ответа на дилемму Гемпеля придется искать другой путь.

5.10. Где ошибка в дилемме Гемпеля?

Ни фаллибилистское возражение, ни ответ «мы знаем достаточно, чтобы знать» не дают веских оснований отвергнуть дилемму Гемпеля. Где же скрыта ошибка? Чтобы ее обнаружить, нам следует еще раз обратиться к третьей посылке:

> Н3. Физические свойства по определению суть либо свойства, выражаемые предикатами современной физической теории, либо свойства, выражаемые предикатами идеальной физической теории.

Мы уже отмечали, что в обсуждениях дилеммы Гемпеля этой посылке почти не уделяют внимания и, по-видимому, нередко ошибочно принимают ее за логическую истину. Теперь я хочу показать нечто большее: Н3 не только *не* является логической истиной, но и ложна — причем ложна по существу.

Почему это не логическая истина? Потому что Н3 предполагает, будто физические свойства нужно определять через одну из двух вполне определенных физических теорий: ту, которую принимают сегодня, или ту, которую будут принимать в идеальных условиях. Даже если бы предположение оказалось верным,

оно не было бы необходимой, а значит, и логической истиной. Во-первых, почему мы вообще обязаны определять физические свойства через теории, а не, скажем, через физические объекты? Во-вторых, даже если мы обратимся именно к теориям, почему нужно выбрать только эти две?

Чтобы увидеть, что посылка ложна, вспомним материал глав 2–4. Н3 — дизъюнкция, то есть утверждение вида «или — или». Она ложна, если ложны обе составляющие ее альтернативы.

Рассмотрим сначала вторую альтернативу: физические свойства по определению выражаются предикатами идеальной физической теории. Мы уже убедились, что «идеальная физическая теория» в данном контексте означает просто теорию, истинную в действительности. Следовательно, вторая альтернатива Н3 утверждает, что физическими по определению являются свойства, выражаемые истинной физической теорией.

Но пример мира физики мира-двойника, рассмотренный нами в предыдущих главах, показывает, что это неверно. Такие свойства, как двойниковая масса и двойниковый заряд, представляются столь же физическими, как обычная масса и обычный заряд. Между тем они не выражаются предикатами какой-либо физической теории, истинной в действительном мире.

То же возражение относится и к первой альтернативе — определению физического через теорию, которую сейчас считают истинной. Ее предикаты тоже не выражают двойниковую массу и двойниковый заряд, хотя оба эти свойства физические. Значит, обе альтернативы ложны. Следовательно, ложна и третья посылка дилеммы Гемпеля. А с ее падением рушится весь аргумент.

5.11. Дилемма Гемпеля и наша дилемма

Дилемма Гемпеля несостоятельна, поскольку предполагает, что правильное определение физического свойства должно отсылать к теории, которая истинна в действительном мире или которую сейчас считают истинной. Мир физики мира-двойника показывает ошибочность этого предположения.

Однако можно спросить: не страдает ли той же или сходной ошибкой дилемма, которую мы сформулировали в конце пре-

дыдущей главы? И вообще, чем наша дилемма, как я буду ее называть, отличается от дилеммы Гемпеля? Подробную оценку нашей дилеммы я отложу до главы 9, а пока отмечу несколько различий.

Главное различие состоит в следующем. Дилемма Гемпеля пытается обнаружить трудность в формулировке физикализма, рассматривая физические теории в исторической, или временной, перспективе. Ее исходная мысль состоит в том, что нынешние физические теории существенно отличаются и от теорий прошлого, и от теории, которая окажется истинной в идеальном пределе исследования.

Наша дилемма, напротив, опирается на модальную перспективу, то есть на рассмотрение возможных случаев. Ее исходная мысль состоит в том, что у нас есть определенные интуитивные представления об условиях истинности физикализма, но, как утверждает аргумент, ни одна его формулировка не может согласоваться со всеми этими представлениями.

Из этого основного различия вытекают и другие. Обсуждение дилеммы Гемпеля неизбежно втягивает нас в вопросы об истории науки: чего мы уже достигли, сколько еще предстоит узнать и тому подобное. Как мы видели при рассмотрении фаллибилистского возражения, такие вопросы могут привести к неразрешимому спору между оптимистом и пессимистом относительно современного научного знания. Наша же дилемма рассматривает проблему в совершенно иной перспективе, поэтому подобные трудности ее не затрагивают.

Есть и еще одно, менее очевидное отличие. Вообще довольно странно обсуждать определение физического свойства или физикализма, оставаясь исключительно во временной перспективе. Представим, что мы спорим об эпистемологии, а я защищаю точку зрения, согласно которой человек знает некоторое положение p тогда и только тогда, когда он обоснованно верит в p и p истинно. Обычный способ оценить это определение — рассмотреть различные возможные случаи и выяснить, нельзя ли знать p, не удовлетворяя всем перечисленным условиям.

Было бы, однако, крайне странно ограничиться исследованием тех утверждений о знании, которые сегодня считаются

истинными, или тех, которые окажутся истинными в идеальном пределе исследования. Такой подход уместен, если нас интересует, какие именно утверждения о знании истинны, но совершенно неуместен, если мы пытаемся понять, что такое знание.

Точно так же до сих пор нас интересовало прежде всего не то, *истинен* ли физикализм, а то, *что он собой представляет*. Для ответа на этот вопрос естественно использовать модальную перспективу — именно так поступает наша дилемма. Историческая же перспектива дилеммы Гемпеля для такой цели подходит плохо.

Разумеется, можно признать и этот недостаток дилеммы Гемпеля, и все отмеченные различия, но при этом предположить, что подлинный замысел Гемпеля лучше выражен именно нашей дилеммой. Чтобы оценить такое предположение, пришлось бы подробно исследовать предпосылки и намерения самого Гемпеля и других философов, выдвигавших его аргумент. Это, несомненно, интересная задача, но здесь я не стану за нее браться.

Итоги

В этой главе мы рассмотрели дилемму Гемпеля и сравнили ее с дилеммой, к которой сами пришли в конце главы 4. Дилемму Гемпеля нередко считают главным препятствием для формулировки физикализма. Однако, изложив аргумент в явном виде, мы убедились, что его убедительность далеко не очевидна. Основная проблема заключается в том, что ключевая посылка предполагает: физикализм следует определять через физическую теорию, истинную в действительном мире или считающуюся здесь истинной в настоящее время. Пример мира физики мира-двойника показывает, что это предположение ошибочно.

Рекомендуемая литература

Главные источники, посвященные дилемме Гемпеля, — собственные статьи Гемпеля: Hempel 1969 и Hempel 1980. Они интересны в том числе тем, что автор откликается на метафилософские темы, занимавшие важное место у Карнапа и Куайна; обсуждение см. Stoljar 2009a. Дилемма Гемпеля породила обширную литературу. Работы, в целом близкие к подходу Гемпеля: Daly 1998; Chomsky 2000; Crane and Mellor 1990; Mellor 1973; van Fraassen 2002; Montero 1999, 2009. Иные ответы на дилемму предложены в Smart 1978; Poland 1994, 2003; Melnyk 1997, 2003; Wilson 2006; Dowell 2006b.

ГЛАВА 6

Концепция необходимости

6.1. Введение

В самом конце книги «*Именование и необходимость*» (Naming and Necessity) Сол Крипке пишет:

> На мой взгляд, материализм должен утверждать, что физическое описание мира является его полным описанием, что любые ментальные факты «онтологически зависят» от физических фактов в самом прямом смысле: они с необходимостью следуют из них. Не думаю, что кому-либо из сторонников теории тождества удалось привести убедительный довод против интуитивного представления о том, что дело обстоит иначе (1980: 155).

Прав ли Крипке в отношении «сторонников теории тождества» — вопрос, к которому мы еще вернемся в главе 10. Пока сосредоточимся на том, какие обязательства он приписывает физикализму (или, в его терминологии, «материализму»). По Крипке, из физических фактов с необходимостью следуют ментальные факты, а предположительно — и вообще любые факты. Иначе говоря, физические факты с необходимостью определяют все остальные. Если истолковать это утверждение как указание на необходимые *и* достаточные условия истинности физикализма — хотя, строго говоря, сам текст Крипке, на мой взгляд, не дает оснований заходить так далеко — и распространить сказанное о фактах на инстанцированные свойства, мы получим ту формулировку физикализма, которую приняли во второй главе: физикализм истинен тогда и только тогда, когда каждое инстан-

цированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством.

Однако во второй главе мы приняли эту формулировку без подробного обоснования. Строго говоря, проведенное там рассуждение позволило нам заключить лишь, что физикализм — это тезис, согласно которому всякое инстанцированное свойство либо само является физическим, либо находится в некотором отношении R к физическому свойству. Мы просто *предположили*, что R — отношение необходимого следования. Конечно, на то были причины. В частности, благодаря этому допущению было легче обсуждать вопрос о природе физических свойств в главах 3–5. На содержательных выводах этих глав оно никак не сказалось.

Теперь же, в следующей части исследования (главы 6–8), я хочу подробно рассмотреть доводы за и против мысли, что физикализм требует необходимой зависимости каждого инстанцированного свойства от некоторого физического свойства. Эту позицию я буду называть концепцией необходимости. В настоящей главе мы выясним, что именно она утверждает и чем отличается от конкурирующих концепций. В двух следующих главах рассмотрим соответственно два вопроса: необходимо ли отношение необходимого следования для истинности физикализма и достаточно ли его. Как станет ясно в главе 8, при обсуждении достаточности различия между концепцией необходимости и ее соперницами приобретают особое значение и ставят перед нами непростые вопросы о ясности философских понятий и о методе философского исследования.

При этом следует помнить о трех предварительных замечаниях. Во-первых, обсуждая концепцию необходимости, мы можем оставить в стороне вопрос о том, что такое физическое свойство. Как мы убедились, этот вопрос труден, но от него не зависит то, чем мы будем заниматься в следующих трех главах. Во-вторых, подобно теоретической и исходной концепциям, концепция необходимости и ее альтернативы сами по себе не подразумевают ни истинности, ни ложности физикализма. Они предлагают разные ответы на вопрос, в чем состоит физикализм. В самой общей форме физикализм требует, чтобы

каждое инстанцированное свойство находилось в определенном отношении к физическим свойствам; концепция необходимости уточняет, что это за отношение. Можно согласиться с таким определением физикализма и все же считать физикализм ложным. И наоборот: можно отвергнуть определение, продолжая считать физикализм истинным. В-третьих, вопросы, связанные с необходимостью, чрезвычайно сложны. Они затрагивают модальную логику, метафизику, философию языка и даже метатеоретические проблемы этих дисциплин. Мы не сможем исследовать все ответвления этих дискуссий. Поэтому временами мне придется уподобиться экскурсоводу, который указывает на замечательную достопримечательность, но тут же объявляет, что времени мало и пора возвращаться в гостиницу.

6.2. Формулировка концепции необходимости

Начнем с замечания, уже сделанного во второй главе. Здесь нас интересует так называемая метафизическая (или крипкеанская) необходимость. Одно свойство метафизически необходимо влечет другое тогда и только тогда, когда во всех возможных мирах инстанцирование первого влечет инстанцирование второго. Ключевое выражение — «во всех возможных мирах». Метафизическая необходимость не ограничивается отдельными мирами или мирами определенного класса: речь идет о любом возможном мире без исключения. Например, свойство быть красным с необходимостью влечет свойство обладать цветом, поскольку во всяком возможном мире все красное обладает цветом.

Хотя мы и имеем в виду именно метафизическую необходимость, ее связь с концепцией необходимости пока может быть не вполне ясна. Во второй главе мы приняли приблизительно такую формулировку:

> (1) Физикализм истинен тогда и только тогда, когда каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством.

Если под необходимым определением здесь понимается метафизическая необходимость, правая часть (1) утверждает,

что всякое инстанцированное свойство метафизически обусловлено некоторым инстанцированным физическим свойством. Но что конкретно это значит?

Разобраться в этом помогут две особенности физикализма. Первая связана с уже отмеченным нами (и еще не раз встречающимся) обстоятельством: в отличие от некоторых философских учений, физикализм не претендует на истинность во всех возможных мирах. Его предполагают истинным в некоторых мирах и ложным в других. Как мы уже выяснили, если физикализм истинен, то он представляет собой контингентный тезис.

Это обстоятельство можно отразить в определении, отнеся истинность физикализма к произвольно выбранному возможному миру. Получим следующую формулировку, где *w* обозначает рассматриваемый мир:

> (2) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда каждое свойство, инстанцированное в *w*, с необходимостью определяется некоторым физическим свойством, инстанцированным в *w*.

Смысл (2) прост. Возьмем какой-нибудь возможный мир, например действительный. Здесь необходимо учитывать все возможные миры, а не только *некоторые* из них или миры определенного класса. Чтобы установить, истинен ли в нем физикализм, спросим, каждое ли инстанцированное в этом мире свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством, инстанцированным там же. Если да — физикализм в этом мире истинен; если нет — ложен.

Вторая особенность физикализма, которую стоит сделать явной, — его кванторная структура. Как отмечалось во второй главе, физикализм содержит квантификацию по свойствам: он говорит об отношении каждого свойства к некоторому физическому свойству. Чтобы отразить это, заменим (2) более развернутой формулой:

> (3) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что *F* с необходимостью определяется *G*.

Разумеется, кванторная структура уже присутствует в (1) и (2). Разница лишь в том, что теперь она выражена явно.

Итак, замена (1) на (3) не только возможна, но и делает определение точнее. Что это нам дает? В формуле (3) легче показать, как именно метафизическая необходимость входит в определение физикализма. Мы знаем, что одно свойство метафизически обусловливает другое тогда и только тогда, когда во всех возможных мирах инстанцирование первого влечет инстанцирование второго. Подставим это пояснение в (3) и получим:

> (4) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что во всех возможных мирах *w**, если в *w** инстанцировано *G*, то в *w** инстанцировано и *F*.

Поясним (4). Рассмотрим сначала все свойства, инстанцированные в данном мире, скажем в действительном. Затем выделим из них физические свойства. Согласно концепции необходимости, если физикализм истинен в действительном мире, то для любого свойства из первой группы найдется свойство из второй, которое метафизически обусловливает его с необходимостью. Следуя предложению Лойенбергера (Leuenberger 2008), назовем физикализм, определенный формулой (4), физикализмом необходимого следования (necessitation physicalism). Концепция необходимости утверждает, что именно такой физикализм и есть физикализм в собственном смысле.

6.3. Некоторые варианты основной идеи

Итак, концепция необходимости отождествляет физикализм с физикализмом необходимого следования, определенным в (4). Но прежде чем двигаться дальше, рассмотрим несколько разновидностей этой идеи. По меньшей мере две из них связаны с замечаниями, сделанными в разделе «Некоторые пояснения» второй главы.

Во второй главе мы говорили, что для определения физикализма недостаточно сосредоточиться на партикуляриях. Однако из этого еще не следует, что предметом определения

обязательно должны быть свойства. Возможно, лучше говорить об истинах или положениях дел? Это предложение легко учесть, изменив (4) так, чтобы оно относилось к положениям дел (states of affairs). Аналогичное изменение можно провести для истин, но сейчас я его рассматривать не буду. Получим:

> (5) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого положения дел *S*, имеющего место в *w*, существует некоторое физическое положение дел *S**, имеющее место в *w*, такое, что во всех возможных мирах *w**, если в *w** имеет место *S**, то в нем имеет место и *S*.

В этой версии физикализм говорит не просто о том, что физическое свойство с необходимостью обусловливает инстанцирование боли. Он утверждает, что положение дел, состоящее в том, что люди испытывают боль, с необходимостью определяется целым физическим положением дел — возможно, чрезвычайно сложным.

Еще одно замечание из второй главы заключалось в том, что концепция необходимости, по-видимому, не учитывает партикулярии. Чтобы исправить это, можно включить их в (4):

> (6) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для любой сущности *x*, существующей в *w*, и любого свойства *F*, которым *x* обладает *в w*, существуют некоторая физическая сущность *y* и некоторое физическое свойство *G*, которым *y обладает в w*, такие, что во всех возможных мирах *w**, если *y* обладает *G* в *w**, то *x* обладает *F* в *w**.

Согласно этому варианту, физикализм требует не только того, чтобы физическое свойство с необходимостью обусловливало инстанцирование боли, но и того, чтобы моя боль с необходимостью определялась наличием некоторого физического свойства у физической сущности — предположительно, весьма сложной.

Наконец, можно усомниться в самом решении сосредоточиться исключительно на том, инстанцировано ли свойство. Для физикализма, вероятно, важно не просто наличие свойства в мире, но и вся картина его инстанцирования, то есть то, как оно распределено между объектами. В таком случае изменим (4),

чтобы оно говорило не о наличии свойства, а об общей структуре его распределения:

> (7) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, имеющего в *w* некоторую картину инстанцирования *P*, существует некоторое физическое свойство *G*, имеющее в *w* картину инстанцирования *P**, такое, что во всех возможных мирах *w**, если *G* имеет в *w** картину *P**, то *F* имеет в *w** картину *P*.

Здесь физикализм утверждает не просто, что физические свойства с необходимостью обусловливают боль как свойство, но что они с необходимостью определяют всю картину распределения этого свойства.

Как соотносятся (4) и три его разновидности — (5), (6) и (7)? Для наших целей достаточно двух замечаний. Во-первых, в дальнейшем я буду пользоваться формулировкой (4). Возможно, рассмотренные версии действительно различаются между собой, но эти различия не повлияют на ход нашего исследования. Во-вторых, все четыре определения — (4), (5), (6) и (7) — объединяет их *модальный* характер: они используют понятия возможности, необходимости, возможного мира и т. п. Между тем существуют и *немодальные* определения физикализма, в которых такие понятия не фигурируют явно. Далее мы убедимся, что выбор между модальным и немодальным определением — одна из главных трудностей, с которыми приходится сталкиваться при попытке сформулировать физикализм.

6.4. Супервентность

Формулируя физикализм в терминах необходимого следования, мы опирались на Крипке. Но существует несколько иной подход, восходящий к Дональду Дэвидсону. В статье «Ментальные события» (Mental Events) Дэвидсон писал:

> Хотя описываемая мною позиция отрицает существование психофизических законов, она совместима с представлением о том, что ментальные характеристики в некотором смысле зависят от физических характеристик, или супервентны им. Такая супервентность могла бы означать, что не может быть

> двух событий, одинаковых во всех физических отношениях, но различающихся в каком-либо ментальном отношении; либо что объект не может измениться в каком-либо ментальном отношении, не изменившись при этом в каком-либо физическом отношении. Зависимость или супервентность такого рода не предполагает сводимости посредством законов или определений. Если бы она ее предполагала, мы могли бы свести моральные свойства к дескриптивным, а есть серьезные основания считать такое сведение невозможным (1970: 214).

Позже мы еще обратимся к другому аспекту позиции Дэвидсона, упомянутому здесь, — отрицанию психофизических законов. Пока же остановимся на его предположении о том, что физикализм можно выразить в виде тезиса о супервентности. Что такое супервентность и как она связана с необходимым следованием?

Понятие супервентности нередко поясняют на примерах произведений искусства или зданий. Допустим, мы говорим о какой-нибудь скульптуре Бранкузи, что ей присуще эстетическое свойство, скажем изящество. Изящность — свойство довольно трудноуловимое. Что значит быть изящной скульптурой? Чем она отличается от неизящной? Один из способов подойти к этим вопросам — заметить, что любая скульптура, в том числе работы Бранкузи, обладает разнообразными естественными свойствами и находится в различных естественных отношениях. Под естественными свойствами я имею в виду нечто вроде обычных физических характеристик скульптуры, включая особенности окружающей обстановки и контекста, а также психологическую реакцию, которую она вызывает или склонна вызывать. Кажется естественным предположить, что, чем бы ни было изящество, оно связано с этими свойствами следующим образом: скульптура, полностью совпадающая с исходной по естественным свойствам, будет совпадать с ней и по эстетическим. И наоборот: если две скульптуры различаются по изяществу, между ними непременно должно существовать какое-то различие в естественных свойствах. Именно это отношение и позволяет выразить понятие супервентности. Если

изящество скульптуры и ее естественные свойства связаны описанным образом, то эстетические свойства, включая изящество, супервентны естественным свойствам.

Это понятие, введенное с помощью подобных примеров, оказалось полезным в самых разных областях философии. К нему обращаются, когда хотят описать связь моральных и естественных свойств (как и делает Дэвидсон в приведенной цитате), феноменальных и интенциональных свойств и многих других. Однако, возможно именно вследствие столь широкого употребления, в философской литературе появилось множество весьма различных определений супервентности. Как однажды заметил Дэвид Льюис, «в последнее время мы наблюдаем малопривлекательное размножение неэквивалентных определений» (1986a: 14).

Хотя понятие супервентности допускает различные уточнения, при обсуждении физикализма его принято формулировать через идею дублирования возможных миров (см. Lewis 1983; Horgan 1983; Jackson 1998). Назовем один возможный мир физическим дубликатом другого, если все физические свойства, инстанцированные в первом, инстанцированы и во втором. А полным дубликатом другого мира будем называть мир, в котором инстанцированы вообще все свойства, присущие первому. Тогда физикализм можно определить так:

> (8) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для всякого возможного мира *w**, если *w** является физическим дубликатом *w*, то *w** является также полным дубликатом *w*.

Позицию, согласно которой именно (8) правильно определяет физикализм, я буду называть концепцией супервентности (Supervenience View). Можно сказать и иначе: если физикализм, определенный через (8), назвать физикализмом супервентности (supervenience physicalism), то концепция супервентности отождествляет физикализм с физикализмом супервентности.

Как связаны концепция необходимости и концепция супервентности? Для наших целей вновь достаточно двух замечаний. Во-первых, в дальнейшем мы можем считать оба определения эквивалентными — точнее, эквивалентными при условии, что

рассматриваемый класс свойств замкнут относительно отрицания: если *F* является свойством, то *не-F* тоже является свойством. Не исключено, что в действительности между определениями есть различия, но для нашего обсуждения они несущественны. Во-вторых, обе концепции предлагают модальное определение физикализма: в обоих случаях мы обращаемся к возможным мирам, возможности и необходимости.

6.5. Семантическая концепция

Итак, мы представили концепцию необходимости, рассмотрели ее варианты и связь с супервентностью. В оставшейся части главы я хочу сопоставить ее с другими представлениями о том, какое отношение должно связывать каждое свойство с физическими свойствами, чтобы физикализм был истинен. Все эти альтернативы определяют физикализм в немодальных терминах.

Первая из них — связанная с Карнапом и Нейратом семантическая версия физикализма, которую мы кратко рассматривали в первой главе. Назовем ее семантической концепцией (Semantic View). Согласно ей, физикализм — тезис скорее о значении, нежели о природе мира: любое высказывание или предикат синонимичны некоторому физическому высказыванию или предикату.

Однако сформулировать семантическую концепцию так, чтобы она соответствовала структуре концепции необходимости, непросто. Дело, в частности, в том, что мы говорили о свойствах, а не о предикатах; свойства же сами по себе ни с чем не синонимичны. Возможно, здесь поможет предположение — пусть и не слишком правдоподобное, — что каждому свойству соответствует предикат, который выражает это свойство каноническим, или надлежащим, образом. Идея примерно такова: физические свойства канонически выражаются предикатами физического языка, психологические — предикатами психологического языка и так далее. Если принять это допущение, семантическую концепцию можно записать следующим образом:

> (9) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует

некоторое физическое свойство G, инстанцированное в w, такое, что канонический предикат, выражающий F, синонимичен каноническому физическому предикату, выражающему G.

Одна трудность здесь — сам смысл канонического выражения свойства. Другая, уже отмеченная нами, состоит в том, что ни Карнап, ни Нейрат не объясняют достаточно ясно, что считать физическим высказыванием или предикатом. В частности, формулировка (9), по-видимому, наследует неопределенность понятия физического, обсуждавшуюся в главах 3–5. Но даже если оставить обе трудности в стороне, останется немало причин отвергнуть семантическую концепцию.

Во-первых, существуют совершенно осмысленные предикаты, не синонимичные ни одному физическому предикату — при *любом* разумном понимании последнего. Возьмем, например, выражение «не имеет души» в предложении «У Отто нет души». Это предложение вполне осмысленно. Но если физикализм истинен, то, согласно (9), оно должно быть эквивалентно по значению некоторому физическому высказыванию. В это крайне трудно поверить. Во-вторых, некоторые философы, например Куайн (1960), полагают, что сама идея синонимии, или тождества значения, не удовлетворяет минимальным требованиям ясности. По этой причине Куайн отверг бы (9). В-третьих, для ряда философов вопрос о месте семантических понятий в физическом мире — самостоятельная философская проблема, сопоставимая с проблемой места сознания или морали. Но в рассматриваемой концепции семантические понятия уже предполагаются при самом определении физикализма. Наконец, есть и совсем простое возражение: перевод — дело исключительно трудное. Споры о переводе Пруста на английский продолжаются до сих пор. Пусть Пруст и представляет собой особый случай, все же связывать физикализм с переводимостью слишком тесно было бы неосмотрительно.

6.6. Концепция тождества

По этим и сходным причинам в 1950–1960-х годах многие философы отказались от семантического определения физикализма в пользу несемантического (см., например, Smart 1959). Самый очевидный кандидат — определение через тождество. Назовем его концепцией тождества (Identity View) и запишем:

> (10) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда каждое свойство, инстанцированное в *w*, тождественно некоторому физическому свойству, инстанцированному в *w*.

Это определение лучше семантического, поскольку тождество свойств касается не значений выражающих их предикатов, а самих свойств. И все же (10), по-видимому, тоже неприемлемо. Одно возражение мы уже встречали во второй главе: некоторые инстанцированные свойства социальных объектов, например Верховного суда США, не выглядят физическими ни при каком определении физического. Другое возражение, исторически более значимое, связано с множественной реализацией (multiple realization; см. Fodor 1974; обсуждение — Bickle 2008).

Возьмем какое-нибудь психологическое свойство, например задаваться вопросом, скоро ли пойдет дождь. Сейчас я как раз об этом думаю, так что сомневаться в том, что данное свойство инстанцировано, не приходится. Но очевидно, что тот же вопрос могут задавать себе существа, очень непохожие на меня. О дожде могли бы задумываться люди, далекие от меня исторически и физически. О том же, испугавшись грома, могут думать животные — скажем, собаки или яки. То же можно вообразить в отношении вымышленных героев, например Крыса или Крота из «*Ветра в ивах*», вулканцев из «*Звездного пути*» и даже несуществующих в действительности ангелов или дьяволов. Но правдоподобно ли, что все эти существа обладают *одним и тем же* физическим свойством? Ответ, конечно, отчасти зависит от того, что мы понимаем под физическим свойством, а этот вопрос, как нам уже известно, непрост. И все же трудно представить себе разумное определение физического свойства, при котором все перечисленные существа обладали бы одним и тем же таким свойством.

Однако если верна концепция тождества, физикалист обязан считать именно так. Из (10) следует, что, если физикализм истинен, свойство задаваться вопросом о скором дожде тождественно некоторому физическому свойству. Тогда любое существо, размышляющее о погоде таким образом, должно инстанцировать и это физическое свойство. Поскольку такой вывод неправдоподобен, приходится отказаться либо от физикализма, либо от концепции тождества.

Здесь особенно привлекательно заменить концепцию тождества концепцией необходимости или чем-то близким к ней. Согласно последней, если физикализм истинен, существует некоторое физическое свойство, инстанцирование которого мною необходимо влечет, что я задаюсь вопросом о скором дожде. Но физикализм необходимого следования не требует, чтобы свойство задаваться этим вопросом было *тождественно* данному физическому свойству. Более того, он допускает, что метафизически достаточными для такого размышления могут быть сколько угодно других свойств. Тем самым концепция необходимости позволяет естественным образом учесть множественную реализацию.

6.7. Способы защиты концепции тождества

Обратиться к концепции необходимости в ответ на возражение от множественной реализации вполне естественно, но это не единственный выход. Философы предложили несколько стратегий, призванных согласовать концепцию тождества с возможностью множественной реализации.

Одна стратегия — поставить под сомнение убедительность эмпирических свидетельств множественной реализации (см. Shapiro 2000; Bickle 2008). Сторонники множественной реализации иногда рассматривают ее как чрезвычайно распространенное эмпирическое явление. Критики же утверждают, что это далеко не очевидно. При ближайшем рассмотрении предполагаемых случаев — когда два существа разделяют ментальное свойство, но не физическое — может выясниться, что их физическое устройство не столь различно либо что их психология не столь сходна. Пусть даже критики правы: еще не ясно, что

это лишает возражение от множественной реализации философской силы. Ведь концепция тождества обязывает физикалиста отождествлять психологические свойства с физическими. А поскольку такое тождество необходимо, физикалисту приходится отрицать не только фактическую множественную реализацию психологических свойств, но и саму ее возможность. Это уже выходит за рамки эмпирических вопросов.

Другая стратегия состоит в том, чтобы допустить возможность множественной реализации (независимо от того, встречается ли она в действительности), но показать, что из нее все-таки не следует отказ от физикализма тождества. Насколько мне известно, в литературе предложены следующие способы добиться этого:

(a) Можно утверждать, что множественная реализация показывает лишь невозможность отождествить свойство, скажем боль, с единым физическим свойством. Но она не доказывает, что партикулярии — люди, события, процессы — не могут быть тождественны физическим партикуляриям. Такова стратегия физикализма токенов (token physicalism; см. Fodor 1974).

(b) Можно допустить, что свойство боли не тождественно физическому свойству, и все же считать, что *понятие* боли применимо к существу лишь при условии, что у него инстанцировано некоторое физическое свойство. Такова стратегия различения понятия и свойства (concept/property maneuver; см. Kim 1998).

(c) Можно согласиться, что свойство боли не тождественно какому-то одному физическому свойству, но предположить, что оно тождественно дизъюнкции физических свойств. Такова стратегия дизъюнктивного свойства (disjunctive property maneuver; см. Kim 1993).

(d) Можно признать, что боль вообще не тождественна единственному физическому свойству, однако более специфические свойства — например боль у людей или боль у Столджара в четыре часа пополудни — вполне могут быть тождественны отдельным физическим свойствам. Такова стратегия

более специфических свойств (specific property maneuver; см. Lewis 1980).

(*e*) Можно утверждать, что, хотя множественная реализация исключает тождество боли какому-то одному физическому свойству первого порядка, она все же может быть тождественна единому физическому свойству второго порядка. Такова стратегия свойств второго порядка (second-order property maneuver; см. Melnyk 2003).

За каждым из этих предложений стоит обширная философская дискуссия, которую мы не сможем разобрать во всех подробностях. Я кратко укажу трудности первых четырех стратегий, а пятую рассмотрю отдельно.

Проблема (a), то есть физикализма токенов, заключается в следующем: если физикализм утверждает лишь, что каждая партикулярия тождественна некоторой физической партикулярии, он совместим со стандартной формой дуализма — дуализмом свойств. Мы уже видели это во второй главе.

Трудность (b) состоит в том, что обращение к различию между понятием и свойством не яснее самого этого различия. В определенном смысле различие, несомненно, есть. Например, если понятия хотя бы отчасти подобны словам, то свойств наверняка больше, чем понятий. Кроме того, понятия, возможно, могут быть противоречивыми или внутренне несогласованными и все же существовать. О свойствах, согласно некоторым представлениям, такого сказать нельзя. Однако из самого существования различия между понятием и свойством еще не следует, что здесь оно применяется правомерно. Обычно, если у нас есть непротиворечивое на вид понятие, мы предполагаем, что ему соответствует подлинное свойство — в достаточно широком понимании свойства. Почему в данном случае должно быть иначе?

Трудность (c), то есть стратегии дизъюнктивных свойств, состоит в том, что она, по-видимому, не позволяет указать, что именно общего имеют все реализации ментального состояния. Между всеми существами, задающимися вопросом о скором дожде, есть нечто общее. Но рассматриваемая стратегия этого общего не выявляет. Согласно ей, все эти существа обладают

дизъюнктивным свойством; однако составляющие дизъюнкции не имеют ничего общего между собой. Поэтому непонятно, в каком смысле само дизъюнктивное свойство выражает что-то общее.

Наконец, (d), стратегия более специфических свойств, фактически утверждает, что свойства испытывать боль как таковую вообще не существует: есть только более узкие свойства, например боль у людей или боль у марсиан. Следовательно, исследовать боль как таковую бессмысленно, ведь соответствующего свойства просто нет. Но так ли это? Разве мы никогда не вправе делать обобщения, относящиеся к разным видам существ? Иначе говоря, пусть существует особое свойство боли у людей и пусть для некоторых теоретических целей разумно исследовать именно его. Разве из этого следует, что не существует *также* общего свойства испытывать боль?

6.8. Концепция реализации

Первые четыре попытки защитить концепцию тождества выглядят неубедительно. А что насчет пятой — обращения к свойствам второго порядка? Она заслуживает отдельного обсуждения. Во-первых, на первый взгляд этот путь правдоподобнее остальных. Во-вторых, такая защита концепции тождества естественным образом приводит к позиции, представляющей самостоятельный интерес. Я назову ее концепцией реализации (Realization View).

Чтобы понять эту позицию, нам прежде всего нужно разобраться с понятием свойства второго порядка (second-order property). В одном вполне разумном смысле свойство второго порядка — это свойство другого свойства. Например, если имеет смысл говорить, что свойство является физическим, то «быть физическим» — свойство второго порядка. Однако в контексте концепции реализации под свойством второго порядка понимается не свойство другого свойства, а такое свойство, которое само предполагает квантификацию по другим свойствам (или, возможно, такую квантификацию предполагает его каноническое выражение).

Обратимся к известному примеру Дж. Л. Маки (Mackie 1973) — впитывающей способности, то есть свойству быть способным впитывать воду. Это свойство второго порядка: обладать им — значит иметь некоторое свойство, благодаря которому предмет, например ткань, способен впитывать воду. Речь идет не о свойстве свойства, а о свойстве самой ткани. Оно относится ко второму порядку, поскольку его наличие означает, что ткань обладает каким-то свойством, выполняющим определенную роль.

В нашем контексте свойства второго порядка интересны тем, что они допускают множественную реализацию. Представим две ткани, одинаково способные впитывать воду. В первой эта способность обусловлена особенностями плетения, во второй — свойствами нитей. Обе ткани обладают впитывающей способностью, поскольку каждая имеет некоторое свойство, позволяющее ей впитывать воду. Но сами эти свойства различны. Можно также сказать, что у первой ткани впитывающая способность реализуется особенностями плетения, а у второй — особенностями нитей.

Отсюда возникает естественное предложение о том, как понимать физикализм, — концепция реализации. В самом простом виде она утверждала бы, что физикализм истинен тогда и только тогда, когда каждое инстанцированное свойство реализуется некоторым физическим свойством. Но тогда из истинности физикализма следовало бы, что любое инстанцированное свойство является свойством второго порядка. А это неверно. Если объект обладает свойством иметь некоторое свойство, выполняющее такую-то функцию, то, по-видимому, он обладает и соответствующим свойством первого порядка, которое эту функцию выполняет. Поэтому лучше определить концепцию реализации так:

> (11) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда каждое свойство, инстанцированное в *w*, либо тождественно некоторому физическому свойству, инстанцированному в *w*, либо реализуется таким физическим свойством.

Иными словами, физикализм требует, чтобы каждое свойство было либо тождественно некоторому физическому свойству, либо реализовывалось им.

Насколько убедительна концепция реализации? Как я уже сказал, она гораздо привлекательнее других вариантов, возникших на основе концепции тождества. Однако и она сталкивается с серьезной трудностью: формулировка (11) сама по себе *не* задает достаточного условия истинности физикализма. В общем случае свойство F реализуется свойством G тогда и только тогда, когда F является свойством второго порядка — свойством иметь некоторое свойство, удовлетворяющее определенным условиям C, — а G является свойством, удовлетворяющим этим условиям. Но ничто не мешает условиям C включать такие характеристики, которые несовместимы с физикализмом при любом его понимании. Например, среди них может фигурировать существование в мире, где есть души (см. Melnyk 2003). Если это так, то концепция реализации не просто не дает привлекательного определения физикализма: она вообще не дает его определения.

Чтобы ответить на возражение, сторонникам физикализма реализации придется дополнительно объяснить природу C — условий, через которые определяется свойство второго порядка. Здесь возникает принципиальное затруднение. Казалось бы, условия C *сами* должны удовлетворять физикализму. Но как это гарантировать? На основании всего сказанного до сих пор можно выделить четыре возможности, и ни одна не выглядит достаточно убедительной:

1. Можно предположить, что условия C допускают каноническую формулировку, *синонимичную* некоторому физическому выражению. Но тогда концепция реализации наследует трудности семантической концепции.
2. Можно предположить, что C *тождественны* чему-то физическому. Но в таком случае концепция реализации сталкивается с проблемами концепции тождества, прежде всего с возражением от множественной реализации.
3. Можно утверждать, что C сами *реализуются* чем-то физическим. Однако тогда возникает бесконечный регресс: когда

мы попытаемся объяснить отношение реализации в этом новом случае, исходная проблема повторится.

4. Наконец, можно предположить, что *C с необходимостью определяются* чем-то физическим. Но тогда непонятно, чем концепция реализации лучше концепции необходимости и почему отношение необходимого следования — или сходное модальное отношение — не следует включить в определение физикализма с самого начала.

Если перечисленные варианты исчерпывают все возможности — а во всяком случае, других мы пока не рассматривали, — концепция реализации не дает нам преимуществ перед модальным определением физикализма.

До сих пор мы рассматривали понятие реализации, связанное со свойствами второго порядка. Но в литературе встречается и другой подход, предложенный Сидни Шумейкером (Shoemaker 2007). Сам Шумейкер считает свое предложение вариантом концепции свойств второго порядка (2007: 14), однако различия достаточно существенны, чтобы обсудить его отдельно.

В грубом приближении, вполне достаточном для наших целей, Шумейкер предлагает считать, что свойство *F* реализуется свойством *G*, если каузальный профиль *F* включен в каузальный профиль *G*. При этом (а) каузальный профиль свойства *F* — это, приблизительно, совокупность каузальных способностей, которыми обладает объект благодаря тому, что имеет *F*; (б) каузальный профиль одного свойства включен в профиль другого, если совокупность каузальных способностей, сообщаемых первым свойством, является подмножеством совокупности способностей, сообщаемых вторым.

Вернемся к примеру Маки. Рассмотрим каузальные способности ткани, обусловленные некоторой микроструктурой составляющих ее нитей. В их число могут входить способность впитывать воду, способность определенным образом выглядеть под микроскопом и сопротивление растяжению. Теперь рассмотрим каузальные способности той же ткани, связанные с ее впитывающей способностью: в их число может входить способность впитывать воду. Поскольку второй набор каузальных спо-

собностей входит в первый, по Шумейкеру, впитывающая способность реализуется соответствующей особенностью нитей.

Предложение Шумейкера чрезвычайно интересно и порождает множество вопросов, которых мы не сможем здесь коснуться. Для нас главный вопрос состоит в другом: позволяет ли его теория реализации построить более убедительную версию концепции реализации? По-видимому, нет. Эта версия сталкивается с трудностью, аналогичной той, что мы обнаружили в концепции свойств второго порядка: правая часть (11) и в этом случае не задает достаточного условия физикализма.

Дело в том, что согласно подходу Шумейкера одно свойство может реализовываться другим, даже если они различны настолько, насколько это предполагается дуализмом. В рамках самого отношения реализации, предложенного Шумейкером, принадлежность свойствам их каузальных профилей — контингентный факт. Следовательно, контингентным оказывается и то, что каузальные профили физических свойств включают профили ментальных. Но тогда реализация в смысле Шумейкера совместима с метафизическим дуализмом.

Насколько я вижу, сторонник концепции реализации, опирающийся на Шумейкера, может ответить на это двояко. Первый путь — принять каузальную теорию свойств, согласно которой каузальный профиль не просто контингентная характеристика свойства, а полностью исчерпывает его природу. Сам Шумейкер придерживается каузальной теории свойств, но подчеркивает, что эта позиция совершенно независима от его концепции реализации и в любом случае крайне спорна (2007: 142). Поэтому мы действительно можем развивать концепцию реализации в таком направлении, но лишь ценой принятия весьма спорной теории свойств.

Второй путь — утверждать, что факт наличия у физических свойств определенных каузальных профилей с необходимостью влечет наличие соответствующих каузальных профилей у ментальных свойств. Однако тем самым мы фактически признаем, что эта версия концепции реализации вынуждена обратиться к концепции необходимости. Следовательно, никакого преимущества перед последней она не имеет.

6.9. Концепция фундаментальных свойств

Мы рассмотрели три альтернативы модальному определению физикализма, предложенному концепцией необходимости: семантическую концепцию, концепцию тождества и концепцию реализации. Осталось упомянуть еще одну позицию — концепцию фундаментальных свойств (Fundamental Properties View). Ее можно сформулировать так:

> (12) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда каждое фундаментальное свойство, инстанцированное в *w*, является физическим.

В действительности мы уже встречались с этой идеей, хотя и не называли ее так: во второй главе мы обсуждали обращение Льюиса к фундаментальным свойствам. Формулировка (12) выражает то же самое, но согласована с тем способом изложения, которым мы пользовались в настоящей главе. Как мы убедились, само понятие фундаментального свойства несколько спорно. Поэтому, казалось бы, разумнее принять концепцию необходимости, а не концепцию фундаментальных свойств. Однако в дальнейшем нам придется вернуться к их противопоставлению.

Итоги

В этой главе мы рассматривали концепцию необходимости — одно из представлений о том, какое отношение должно связывать любые свойства с физическими, чтобы физикализм был истинен. Мы увидели, что эта концепция принадлежит к семейству модальных определений физикализма. Кроме того, мы сопоставили ее с немодальными подходами: семантической концепцией, концепцией тождества, концепцией реализации и концепцией фундаментальных свойств. По крайней мере на первый взгляд концепция необходимости выглядит убедительнее перечисленных альтернатив.

Рекомендуемая литература

Хорошее изложение понятия супервентности и его применения в определениях физикализма можно найти у Хоргана (Horgan 1993), в статьях, собранных в Kim 1993, и у Сталнакера (Stalnaker 1996). Из более новых работ особенно полезны McLaughlin and Bennett 2005 и Wilson 2007. О концепции тождества см. Smart 1959, а также Kim 1993, 1998 и 2007. Развернутую защиту концепции реализации и ее обстоятельное обсуждение см. Melnyk 2003; см. также Field 1992 и Shoemaker 2007. О множественной реализации см. Fodor 1974; Kim 1993; Shapiro 2000; Bickle 2008. О концепции фундаментальных свойств см. Lewis 1983 и 1994. Любопытно, что в работе 1983 года Льюис защищает формулировку физикализма через супервентность, а в работе 1994 года — через фундаментальные свойства.

ГЛАВА 7

Необходима ли необходимость?

7.1. Введение

Мы сосредоточились на следующей формулировке концепции необходимости:

> (1) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что во всех возможных мирах *w**, если в *w** инстанцировано *G*, то в нем инстанцировано и *F*.

До сих пор нас интересовало, что именно означает (1) и как эта концепция соотносится с другими взглядами на природу физикализма. Теперь я хочу перейти к вопросам о ее истинности. Особое внимание мы уделим импликации слева направо в (1): утверждению, что, если физикализм истинен, каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством.

Как мы уже выяснили, речь здесь идет о метафизической, или крипкеанской, необходимости, определяемой через все возможные миры. Следовательно, импликация слева направо утверждает: если физикализм истинен, то нечто имеет место во всех возможных мирах. На первый взгляд это вызывает недоумение. Действительно ли физикализм *следует* определять именно так? Иначе говоря, действительно ли правая часть (1) должна быть необходимым условием истинности его левой части? Этому вопросу и связанным с ним проблемам посвящена настоящая глава.

7.2. Метафизическая и номологическая необходимость

Один из очевидных способов отказаться от определения физикализма через все возможные миры — ограничиться лишь *некоторыми* из них, то есть определенным подмножеством множества возможных миров. Обычно внимание обращают на миры, в которых действуют одни и те же научные законы. Их называют номологически возможными мирами (nomologically possible worlds; греческое *nomos* означает «закон»). Если ограничиться такими мирами, получим следующую формулировку физикализма:

> (2) Физикализм истинен в мире w тогда и только тогда, когда для каждого свойства F, инстанцированного в w, существует некоторое физическое свойство G, инстанцированное в w, такое, что во всех *номологически* возможных мирах w^*, если в w^* инстанцировано G, то в нем инстанцировано и F.

Разница между (1) и (2) состоит в следующем. Согласно (1), физикализм требует, чтобы, например, ментальные и физические свойства были связаны отношением метафизической необходимости. Согласно (2), достаточно отношения номологической необходимости. Иначе говоря, (2) допускает, что ментальные и физические свойства связаны закономерно, но эта связь не является метафизически необходимой.

Однако здесь обнаруживается трудность: физикализм, определенный посредством (2), оказался бы совместим со стандартными разновидностями дуализма. Как мы видели во второй главе, дуалист обычно утверждает, что некоторые ментальные свойства не определяются с необходимостью никакими физическими свойствами. Но неправдоподобно понимать это как отрицание *номологической* зависимости ментальных свойств от физических. Напротив, дуалисты нередко признают, что связь между ними устанавливается научными законами — в частности, психофизическими законами (psychophysical laws), связывающими ментальное с физическим. Например, подобную позицию защищает и исследует Чалмерс (Chalmers 1996).

Следовательно, дуалист может признавать номологически необходимую связь между ментальными и физическими свой-

ствами, одновременно отрицая ее метафизическую необходимость. Иными словами, согласно стандартным формам дуализма, правая часть (2) может быть истинной, тогда как левая не будет истинной ни при какой форме дуализма. Поэтому (2) не подходит в качестве определения физикализма.

Итак, мы, по-видимому, получили прямой ответ на вопрос, с которого начали главу: обязательно ли определять физикализм так, чтобы из него следовало утверждение обо всех возможных мирах? Да, обязательно. Иначе мы не сможем отличить физикализм от стандартных форм дуализма. Тем не менее здесь нужно сделать три важных замечания.

Во-первых, обсуждая физикализм, мы можем поддаться искушению вообще отказаться от разговоров о возможных мирах. «Физикализм — тезис о природе действительного мира, — скажет кто-нибудь. — Зачем же нам понадобились столь экзотические сущности, как возможные миры?» Поначалу эта позиция выглядит трезвой, но при ближайшем рассмотрении оказывается путаной. Действительно, физикализм — тезис о природе действительного мира. Однако, как мы только что убедились, он обладает еще и модальным содержанием: из него следуют определенные утверждения о том, что возможно, а что невозможно. Чтобы выразить эту сторону тезиса, разумно воспользоваться лучшими имеющимися у нас средствами. Возможные миры, семантика возможных миров и родственные понятия как раз и служат такими средствами. Поэтому мы и обращаемся к ним, объясняя, что такое физикализм. (Конечно, остается вопрос о природе самих возможных миров, но здесь мы оставим его в стороне. В частности, нам вовсе не нужно принимать позицию Дэвида Льюиса (1986a), согласно которой возможные миры столь же конкретны, как действительный.)

Во-вторых, следует вернуться к различию между концепцией необходимости и ее соперницами, рассмотренными в предыдущей главе. Эти концепции расходятся по целому ряду вопросов. Но если всякое приемлемое определение физикализма должно отличать его от стандартных форм дуализма, то все рассмотренные нами подходы, по-видимому, должны соглашаться хотя бы с чем-то похожим на импликацию слева направо в концеп-

ции необходимости. Иными словами, любой тезис, заслуживающий названия «физикализм», должен, по меньшей мере, предполагать, что каждое свойство метафизически с необходимостью следует из некоторого физического свойства. Я говорю «с чем-то похожим», поскольку ниже нам придется внести в это общее положение некоторые уточнения. Пока же из сказанного следует, что мы можем строить дальнейшее обсуждение вокруг концепции необходимости и не останавливаться на ее отличиях от альтернатив. К этим отличиям мы вернемся в следующей главе.

В-третьих, даже если мы признаем импликацию слева направо правильной — или почти правильной, — нам следует признать *и* то, что этот результат в известном смысле загадочен. Он порождает едва ли не столько же вопросов, сколько позволяет разрешить. Что это за вопросы?

7.3. Контингентность физикализма

Первый вопрос: как физикализм *вообще* может быть контингентным учением, если он предполагает отношение необходимого следования? Как мы уже отмечали, большинство философов не считают физикализм необходимой или концептуальной истиной, подобной положениям математики или этики. Отрицая физикализм, человек не совершает концептуальной ошибки. Но если физикализм контингентен, как же можно формулировать его через необходимость? Ведь если одно свойство с необходимостью определяет другое, сам факт такого определения, по-видимому, должен быть необходимым. Как тогда физикализм может оставаться контингентным?

Прежде всего замечу, что сходные вопросы возникают и в других областях философии. Возьмем, например, чрезвычайно успешную австралийскую детскую музыкальную группу The Wiggles. Один из важных фактов о ней состоит в том, что Энтони и «Синий Виггл» — один и тот же человек. Но высказывание «Энтони = Синий Виггл» контингентно: оно истинно в действительности, но не во всех возможных мирах. Грег, например, *был* «Желтым Вигглом», а теперь уже нет. И хотя Энтони в действительности исполняет роль Синего Виггла, ее мог бы

исполнять кто-то другой — скажем, Барак Обама (по крайней мере, в каком-нибудь весьма далеком возможном мире!).

Здесь возникает затруднение. Отношение между Энтони и Синим Вигглом — это отношение тождества. А если какое-либо отношение и является необходимым, то, казалось бы, именно тождество. Как же высказывание «Энтони = Синий Виггл» может быть контингентным, если оно утверждает отношение тождества?

В книге «*Именование и необходимость*» Крипке дал на этот вопрос простой и убедительный ответ. Высказывание «Энтони = Синий Виггл» контингентно потому, что одно из выражений по обе стороны знака равенства является тем, что Крипке называл нежестким десигнатором (non-rigid designator). Выражение является жестким десигнатором (rigid designator), если оно обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, где этот объект существует. Нежесткий десигнатор — выражение, которое этому условию не удовлетворяет. Проще говоря, контингентно само *высказывание о тождестве*; отношение же тождества между Синим Вигглом, то есть Энтони, и им самим не контингентно.

По отношению к необходимому следованию можно сказать то же самое — или почти то же самое. Рассмотрим высказывание «Любимое свойство моей тети с необходимостью определяет любимое свойство моего дяди». Оно утверждает отношение необходимого следования, но само остается контингентным, поскольку его истинность зависит от вкусов моих родственников. Если любимое свойство тети — быть красным, а любимое свойство дяди — обладать цветом, высказывание истинно. Если же тетя больше всего любит свойство быть красным, а дядя — свойство быть квадратным, оно ложно.

Как это возможно? Ответ тот же, что и в случае тождества. Высказывания о необходимом следовании могут быть контингентными, если содержащиеся в них выражения являются нежесткими десигнаторами или ведут себя в существенных отношениях подобным образом. Именно так обстоит дело здесь. Выражения «любимое свойство моей тети» и «любимое свойство моего дяди» могут, не меняя своего значения, обо-

значать разные свойства в разных возможных мирах. Благодаря этому все высказывание и оказывается контингентным.

Убедившись, что высказывания о необходимом следовании вообще могут быть контингентными, нетрудно понять, каким образом контингентным может быть и физикализм. Согласно физикализму, каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством. Это утверждение о необходимом следовании, однако оно контингентно, поскольку объемы выражений «каждое инстанцированное свойство» и «некоторое физическое свойство» различаются от мира к миру. В мире, который Декарт считал действительным, не каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется физическим свойством. А в мире, который действительным считал Смарт, это верно.

7.4. Физикализм и физикалистский кондиционал

Итак, физикализм — контингентный тезис о необходимом следовании. Тем не менее на заднем плане здесь присутствует и подлинно необходимое утверждение. Для нашего дальнейшего рассуждения важно его выделить.

Предположим, что физикализм действительно истинен, а значит, каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым инстанцированным физическим свойством. Теперь вообразим предложение, в точности описывающее распределение всех инстанцированных свойств в мире. Обозначим его буквой *S*. Договоримся, что при упоминании свойств в нем используются только жесткие десигнаторы. Таким образом, *S* сообщает, что свойство быть квадратным инстанцировано здесь, здесь и здесь; свойство быть круглым — здесь, здесь и так далее, для всех свойств, которые где-либо инстанцированы. (Разумеется, предложение *S* слишком сложно, чтобы мы могли его произнести или понять, но сейчас этим можно пренебречь.)

Вообразим затем аналогичное предложение, в точности описывающее распределение всех *физических* свойств в мире. Назовем его *S**. Оно сообщает, например, что свойство иметь определенную массу инстанцировано здесь, а свойство иметь

определенный заряд — там, и так далее. Наконец, составим из этих предложений материальный кондиционал «Если *S**, то *S*». Назовем его физикалистским кондиционалом (physicalist conditional).

Если физикализм истинен, как мы сейчас предполагаем, то физикалистский кондиционал *необходимо* истинен — по крайней мере, при данных определениях. Объяснение следующее. Если физикализм истинен, каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством; следовательно, истинность *S** с необходимостью влечет истинность *S*. При этом соответствующее высказывание о необходимом следовании само будет необходимо истинным, поскольку утверждает необходимое отношение и содержит лишь жесткие десигнаторы. Стало быть, и кондиционал «Если *S**, то *S*» необходимо истинен.

Суть сказанного не относится исключительно к физикализму. Аналогичный вывод можно получить в примере с тетей и дядей. Предположим, существует предложение *A*, точно описывающее распределение любимого свойства моей тети. Если это свойство — быть красным, *A* сообщает, где именно встречается красный цвет. Предположим также, что имеется предложение *B*, описывающее распределение любимого свойства моего дяди. Если ему больше всего нравится свойство обладать цветом, *B* сообщает, где оно инстанцировано. Наконец, составим материальный кондиционал «Если *A*, то *B*». Если любимое свойство тети действительно с необходимостью определяет любимое свойство дяди — пусть сам этот факт контингентен, — то кондиционал «Если *A*, то *B*» будет необходимо истинным: ведь предложения *A* и *B* не содержат нежестких десигнаторов или сходных с ними выражений.

Получается, что сам физикализм контингентен, но если он истинен, то истинно и некоторое необходимое утверждение — физикалистский кондиционал. Это различие существенно для дальнейшего обсуждения. Во-первых, с его помощью можно провести разграничение между априорным и апостериорным физикализмом. К нему я вернусь в конце главы. Во-вторых, оно

помогает разрешить еще одну трудность, связанную с контингентностью физикализма.

Как мы увидим в главе 10, ряд важнейших аргументов против физикализма в философии сознания являются модальными аргументами: если они состоятельны, то устанавливают существование определенной метафизической возможности. Но нередко спрашивают: какое отношение наличие таких возможностей вообще имеет к истинности физикализма, если последний представляет собой контингентный тезис? Ответ теперь ясен. Сам физикализм контингентен, но, если он истинен, физикалистский кондиционал необходимо истинен. А этот кондиционал вполне может исключать именно ту возможность, существование которой призван установить модальный аргумент. В этом смысле физикалистский кондиционал связывает контингентность физикализма с модальными аргументами в философии сознания.

7.5. Проблема эпифеноменальной эктоплазмы

Можно было бы надеяться, что замечания о нежестких десигнаторах окончательно снимают трудности, связанные с контингентностью физикализма. Однако дело обстоит сложнее. Помимо уже рассмотренного вопроса существует более техническая проблема, которую *тоже* принято обсуждать под рубрикой «контингентность физикализма». Она состоит в том, что концепция необходимости в ее нынешнем виде делает физикализм несовместимым с некоторыми возможностями, которые, именно ввиду его контингентности, ни одно приемлемое определение физикализма не должно исключать.

Предположим еще раз, что физикализм истинен в действительном мире. Само по себе это не исключает существования различных психических состояний и событий: боли, приступов ревности, меланхолического настроения и так далее. Иначе говоря, сторонникуфизикализма не обязательно быть элиминативистом в отношении ментального — считать, будто никаких психических состояний и фактов не существует. Поэтому допустим, что такие состояния, разумеется, имеются. *Сколько* их? Ответить трудно, в частности потому, что непонятно, как

их подсчитывать. Но ради определенности представим, что их число точно установлено и равно семнадцати. (Разумеется, это абсурдно мало; число выбрано исключительно для наглядности.)

Если психических состояний семнадцать, то в нашем мире инстанцировано определенное свойство — *быть таким, что существует только семнадцать психических состояний*. Более того, это свойство принадлежит всему, что существует в мире. Например, если Барак Обама существует в действительном мире — а это, конечно, так, — то и он обладает свойством быть таким, что существует только семнадцать психических состояний. Если физикализм истинен, должно существовать некоторое физическое свойство, с необходимостью определяющее это свойство.

Пока все ясно. Но рассмотрим теперь другой возможный мир — *W**. В отношении всех инстанцированных физических свойств он в точности совпадает с действительным миром. Отличие лишь в том, что в нем имеются дополнительные ментальные партикулярии и свойства. Условимся, что они состоят из эктоплазмы и потому явно нефизичны. Кроме того, они эпифеноменальны (epiphenomenal): ни на что не оказывают причинного воздействия. Итак, *W** — мир, в точности похожий на действительный, за исключением добавленной к нему эпифеноменальной эктоплазмы. Отсюда и название проблемы.

Сторонник физикализма не следует отрицать возможность мира *W**. Он утверждает, что физикализм истинен в действительном мире, а значит, действительный мир, конечно, не совпадает с *W**. Но одно дело — считать какой-то мир не действительным, и совсем другое — считать его невозможным. Можно выразить эту мысль иначе. По убеждению физикалистов, физикализм представляет собой контингентный факт. Но тогда ничто не мешает допустить существование мира, который в физическом отношении полностью совпадает с нашим, хотя и содержит нечто дополнительное. Именно таков *W**: в нем все физическое устроено в точности как у нас, но сверх того есть эпифеноменальная эктоплазма.

Между тем для концепции необходимости такой мир представляет проблему. Согласно этой концепции, если физикализм истинен в действительном мире, то *W** невозможен. Чтобы увидеть почему, вновь рассмотрим свойство быть таким, что существует только семнадцать психических состояний. Мы согласились, что это свойство инстанцировано в действительном мире. Но инстанцировано ли оно в *W**? По-видимому, нет: ведь в *W** содержится дополнительная эпифеноменальная эктоплазма, составляющая дополнительные психические состояния. Следовательно, там не существует *только* семнадцать психических состояний.

В то же время в *W** инстанцированы те же физические свойства, что и в действительном мире. Значит, мы нашли свойство — быть таким, что существует лишь семнадцать психических состояний, — которое не определяется с необходимостью ни одним из физических свойств действительного мира. Ведь *W** как раз опровергает утверждение о такой необходимости. Получается, что если *W** возможен, то физикализм в действительном мире ложен. И наоборот: если физикализм в действительном мире истинен, *W** невозможен. Однако мир *W** кажется вполне *возможным*; более того, его возможность признают и те физикалисты, которые подчеркивают контингентность своего учения. Следовательно, концепция необходимости неверна как определение физикализма.

В литературе предложены два основных способа ответить на возражение от эпифеноменальной эктоплазмы. (Льюис (Lewis 1983) предлагает еще один, связанный с понятием чуждого свойства (alien property), но его мы здесь рассматривать не будем.) Первый способ принадлежит Фрэнку Джексону (ср. Jackson 1998). Он предлагает включить в концепцию необходимости условие полноты (totality condition), или условие минимальности (minimality condition), иногда называемое оговоркой «и больше ничего» (that's-all clause).

Основная мысль такова: физикализм должен утверждать не просто, что физические свойства с необходимостью определяют все инстанцированные свойства, а что *одни только* физические свойства определяют их все. Слова «одни только» указывают на

подразумеваемое условие полноты. Сравнительно ясный способ выразить это предложение — заменить (1) следующей формулой:

> (3) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что во всех возможных мирах *w**, если в *w** инстанцировано *G* и *не инстанцировано ничего иного*, то в *w** инстанцировано и *F*.

Эта версия концепции необходимости позволяет избежать проблемы эпифеноменальной эктоплазмы. Если физикализм истинен согласно такому определению, то имеется физическое свойство *G*, инстанцирование которого — при условии, что ничего иного не инстанцировано, — гарантирует существование ровно семнадцати психических состояний. Но мир *W** не опровергает этого утверждения. Действительно, в нем инстанцировано *G*, тогда как свойства существования ровно семнадцати психических состояний нет. Однако неверно, что в *W** инстанцировано *G и больше ничего*.

На первый взгляд не вполне понятно, что означает выражение «и не инстанцировано ничего иного». Если понимать его буквально, получится, что не инстанцировано *ничего, численно отличного от G*. Но в этом не может состоять замысел: по условиям нашего примера в действительном мире, помимо *G*, инстанцировано по крайней мере свойство быть таким, что существует только семнадцать психических состояний. Поэтому смысл оговорки иной: не инстанцировано *ничего, что не определялось бы с необходимостью свойством G*. Такое условие исключает *W** из рассмотрения, ведь в нем существуют и инстанцированы вещи, явно не определяемые с необходимостью свойством *G*, — эпифеноменальная эктоплазма и ее свойства.

Второй способ решить проблему предложен Дэвидом Чалмерсом (ср. Chalmers 1996). Он предлагает при определении физикализма ограничиться свойствами особого рода, которые называет положительными (positive properties). Понятие положительного свойства можно понимать по-разному. Например,

можно считать положительным свойство, каноническое выражение которого не содержит отрицания. Если свойство быть красным канонически выражается предикатом «красный», то это положительное свойство. Но Чалмерс имеет в виду не это. В его понимании положительное свойство — это такое свойство, которое, будучи инстанцированным в мире *W*, «инстанцировано у соответствующего индивида во всех мирах, содержащих *W* в качестве собственной части» (1996: 40).

Назовем положительные свойства в смысле Чалмерса с-положительными (c-positive properties). Тогда мы получим второй ответ на проблему эпифеноменальной эктоплазмы: заменим (1) формулой (4).

> (4) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого *с-положительного* свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что во всех возможных мирах *w**, если в *w** инстанцировано *G*, то в нем инстанцировано и *F*.

Эта формулировка также позволяет избежать проблемы эпифеноменальной эктоплазмы: при таком определении физикализм может быть истинным в действительном мире, а *W** все равно остается возможным. Дело в том, что свойство быть таким, что существует только семнадцать психических состояний явно не является с-положительным и потому не подпадает под действие определения.

7.6. Эпифеноменальная эктоплазма и супервентность

До сих пор мы рассматривали проблему эпифеноменальной эктоплазмы как возражение против физикализма необходимого следования, то есть физикализма, определенного через концепцию необходимости. Однако в философской литературе ее обычно обсуждают применительно не к этой концепции, а к концепции супервентности, которую мы рассмотрели в предыдущей главе. Поэтому полезно отметить, что оба только что разобранных способа защиты физикализма необ-

ходимого следования имеют аналоги и для физикализма супервентности.

Напомню, что концепция супервентности определяет физикализм следующим образом:

> (5) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для любого возможного мира *w**: если *w** является физическим двойником *w*, то *w** является двойником *w* во всех отношениях (simpliciter).

Применительно к (5) проблема эпифеноменальной эктоплазмы состоит в том, что такое определение исключает миры, существование которых физикализм, по существу, должен допускать. В частности, предположим, что физикализм истинен, а мир *W**, определенный в предыдущем разделе, возможен. Тогда левая часть (5) истинна, а правая — ложна. Левая часть истинна по самому нашему допущению. Но почему ложна правая? Потому что *W** является физическим двойником действительного мира, однако не совпадает с ним во всех отношениях: он содержит эпифеноменальную эктоплазму. Таким образом, если физикализм истинен и мир *W** возможен, то (5) ложно.

Как и прежде, оставив в стороне предложение Льюиса, рассмотрим два способа справиться с этой трудностью. Джексон (1998) предлагает заменить (5) формулой (6):

> (6) Физикализм истинен в возможном мире *w* тогда и только тогда, когда для всякого мира *w**: если *w** является минимальным физическим двойником *w*, то *w** является двойником *w* во всех отношениях.

Под «минимальным физическим двойником мира *w*» Джексон понимает возможный мир, полностью совпадающий с *w* во всех физических отношениях, но не содержащий ничего сверх этого — и, в частности, никакой эпифеноменальной эктоплазмы. В отличие от (5), формула (6) не заставляет физикалиста отрицать возможность *W**. Поэтому как определение физикализма (6) предпочтительнее (5).

Чалмерс (1996), со своей стороны, предлагает заменить (5) формулой (7):

(7) Физикализм истинен в возможном мире *w* тогда и только тогда, когда для всякого мира *w**: если *w** является физическим двойником *w*, то *w** является его с-положительным двойником.

Под «с-положительным двойником мира *w*» Чалмерс понимает возможный мир, в котором инстанцированы все с-положительные свойства мира *w* — в ранее определенном смысле этого выражения. Как и (6), но в отличие от (5), формула (7) не требует исключать *W**. В этом отношении (7) тоже предпочтительнее (5).

7.7. Проблема блокирующих свойств

Возможность эпифеноменальной эктоплазмы создает трудности и для концепции необходимости, и для концепции супервентности. Мы рассмотрели по меньшей мере два способа на них ответить. Однако на этом история не заканчивается. Существует еще одна трудность, называемая проблемой блокирующих свойств (blockers problem). Она особенно важна для предложения Джексона заменить (5) на (6) (ср. Hawthorne 2002; Leuenberger 2008).

Представим возможный мир, в котором ментальные и физические свойства распределены точно так же, как в нашем. Но между физическими и ментальными фактами здесь установлена связь, более слабая, чем безусловное необходимое следование. Ментальные факты с необходимостью следуют из физических только при отсутствии некоторых других фактов, которые могли бы воспрепятствовать такому следованию, — блокирующих факторов, или блокеров (blockers), как называет их Хоторн. Например, наличие некоторого общего физического состояния *P* с необходимостью влечет боль, если только субъект не обладает еще одним свойством *B*. Если у вас имеются одновременно *P* и *B*, боли нет; если же имеется *P*, но отсутствует *B*, боль возникает.

Какую трудность эта возможность создает для (6)? Допустим, что в некотором мире *W* связь между ментальным и физическим подчиняется именно такому ослабленному условию необходимости: ментальные свойства определяются физи-

ческими, но лишь при отсутствии блокирующих факторов. Интуитивно кажется, что в мире *W* физикализм ложен. Однако при определении, предложенном Джексоном, он оказался бы истинным. Ведь применительно к *W* определение Джексона утверждает: физикализм истинен в *W* тогда и только тогда, когда всякий минимальный физический двойник *W* совпадает с ним во всех отношениях. А для мира *W*, каким мы его представили, это условие, по-видимому, выполняется. Вывод: если блокирующие факторы возможны, физикализм может быть ложным в *W*, хотя определение Джексона признает его там истинным.

Один из ответов состоит в том, чтобы указать на различие между способами решения проблемы эпифеноменальной эктоплазмы. В частности, если вместо (6) принять (7), у нас появится преимущество: мы избежим проблемы блокирующих факторов. Если связь ментального и физического в *W* подчиняется ослабленному условию необходимости, физикализм там ложен. Но тогда ложно и утверждение, что всякий физический двойник *W* является его с-положительным двойником: ведь в некоторых физических двойниках *W* могут вообще отсутствовать психические свойства. Поэтому, по крайней мере если блокирующие факторы возможны, (7), по-видимому, лучше (6).

Однако у этого ответа есть недостаток: формула (7) сталкивается с собственной разновидностью проблемы блокирующих факторов. Насколько я понимаю Лойенбергера (Leuenberger 2008), суть возражения такова. Свойство испытывать боль может не быть с-положительным в смысле (7). Предположим, например, что боль может блокироваться. Тогда неверно, что, если боль инстанцирована у некоторого субъекта в мире *W*, она инстанцирована у соответствующего субъекта во всех мирах, содержащих *W* в качестве собственной части: в некоторых из этих миров она будет заблокирована. Но если свойство испытывать боль не является с-положительным, определение (7) вообще ничего не говорит о его статусе. В отношении боли мог бы оказаться истинным дуализм, тогда как физикализм, определенный посредством (7), все равно оставался бы истинным.

Защитник (6) может ответить на проблему блокирующих факторов иначе — отвергнуть интуитивное суждение, что в

описанных обстоятельствах физикализм ложен в *W*. Но такую позицию, по-видимому, трудно отстоять. Правда, одно лишь существование неинстанцированного нефизического свойства еще не подрывает физикализм. Однако в нашем примере наличие этого свойства делает связь между физическим и ментальным слишком похожей на ту, какая существовала бы при истинности дуализма.

7.8. Необходимое следование и психофизические законы

Итак, проблема эпифеноменальной эктоплазмы создает серьезные трудности для любой попытки сформулировать физикализм. Оба наиболее распространенных способа решения этой проблемы, как мы увидели, ведут к новым затруднениям. Впрочем, если задуматься, это неудивительно. В основе проблемы эпифеноменальной эктоплазмы — а следовательно, и проблемы блокирующих факторов — лежат вопросы об отрицательных свойствах, свойствах полноты, общности и тому подобных вещах. Известно, насколько трудно с ними разобраться. Кроме того, эти трудности свойственны не *одному только* физикализму: с ними, вероятно, столкнется всякая теория, претендующая на полноту, то есть желающая высказаться обо всех инстанцированных свойствах. Поэтому я не стану пытаться разрешить их здесь. Вместо этого завершим обсуждение необходимости необходимого следования, рассмотрев еще два связанных вопроса.

Первый возвращает нас к знаменитым словам Дэвидсона: «Хотя описываемая мною позиция отрицает существование психофизических законов, она совместима с представлением о том, что ментальные характеристики в некотором смысле зависят от физических характеристик, или супервентны им» (1970: 214). Супервентность мы уже обсуждали. Теперь остановимся на законах, прежде всего на отрицании Дэвидсоном существования психофизических законов.

В контексте нашей дискуссии это отрицание представляется довольно удивительным. Удивляет не столько само утверждение, что психофизических законов не существует, сколько его сочетание с признанием супервентности — или, если принять

наши допущения, того же отношения необходимого следования. Посмотрим почему.

Говоря о законах, философы — и, несомненно, Дэвидсон — обычно имеют в виду универсальные высказывания, которые, как иногда говорят, поддерживают контрфактические условные высказывания (support counterfactuals). Рассмотрим классический пример: «Все, что лежит у меня в кармане, — золотые монеты». Это универсальное высказывание: его логическая форма — «Все *F* суть *G*». Но оно не является научным законом ни при каком определении. Одна из главных причин в том, что для произвольно выбранного объекта — скажем, моей тети — неверно, что если бы она оказалась у меня в кармане, то стала бы золотой монетой. Иными словами, исходное высказывание не поддерживает соответствующего контрфактического условия.

Теперь рассмотрим утверждение, которое, предположительно, является законом: «Ничто не движется быстрее света», или, что равнозначно, «Все движется со скоростью, не превышающей скорость света». Одна из причин считать его законом состоит в том, что оно поддерживает контрфактические условные высказывания. Например, о моей тете верно следующее: если бы она двигалась, ее скорость не превышала бы скорости света.

Если под законом понимается нечто подобное, то, отрицая существование психофизических законов, Дэвидсон отрицает наличие законов, связывающих физическое с ментальным. Но такое отрицание, по-видимому, противоречит физикализму необходимого следования.

Предположим еще раз, что физикализм истинен согласно концепции необходимости, так что каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством. Допустим также, что в действительном мире инстанцировано свойство испытывать боль. Тогда из истинности физикализма следует, что существует некоторое физическое свойство, назовем его *Физ*, инстанцирование которого с необходимостью влечет инстанцирование свойства испытывать боль. Иными словами, если физикализм истинен, необходимо истин-

ным оказывается условное высказывание «Если инстанцировано *Физ*, то инстанцировано свойство испытывать боль».

Но если этот кондиционал необходимо истинен, трудно понять, почему его нельзя превратить в высказывание, которое считалось бы законом. Во-первых, его легко преобразовать в «Все, что обладает свойством *Физ*, испытывает боль», а это универсальное высказывание. Во-вторых, оно, по-видимому, *поддерживает* контрфактические условные высказывания. Так, для произвольно выбранного объекта — например, моей тети — верно: если бы она обладала свойством *Физ*, то испытывала бы боль. Выходит, что признание Дэвидсоном супервентности — а при наших допущениях и необходимого следования — противоречит его отрицанию психофизических законов!

Можно было бы заключить, что позиция Дэвидсона действительно противоречива. Однако более удачный ответ состоит в том, чтобы вспомнить: способность поддерживать контрфактические условные высказывания — необходимое, но не достаточное условие того, чтобы высказывание считалось законом. Высказывание «Все, что обладает свойством *Физ*, испытывает боль» может поддерживать контрфактические условные высказывания, но для признания его законом требуется еще что-то. Что именно? Это сложный вопрос философии законов, но один распространенный ответ состоит в том, что законы должны говорить о естественных свойствах (natural properties): свойствах особого рода, которые обеспечивают подлинное сходство в природе вещей, ими обладающих. (Понятие естественного свойства тесно связано с понятием фундаментального свойства из цитированного во второй главе фрагмента Льюиса. Льюис рассматривал фундаментальные свойства как совершенно естественные и связывал их с законами в статье 1983 года.)

Если мы согласимся, что высказывание должно содержать естественные свойства, чтобы считаться законом, нетрудно примирить признание необходимого следования с отрицанием психофизических законов. При истинности физикализма высказывание «Все, что обладает свойством *Физ*, испытывает боль» необходимо истинно и поддерживает контрфактические условные высказывания. Но оно все равно не будет законом, если

Физ не является естественным свойством. А само утверждение о необходимом следовании вовсе не требует, чтобы *Физ* было естественным свойством. С точки зрения концепции необходимости вполне допустимо, что случаи инстанцирования *Физ* вообще не имеют между собой ничего общего. Если это так, отрицание Дэвидсоном психофизических законов вполне совместимо с признанием необходимого следования — или, в его собственных терминах, супервентности.

Разумеется, логическая непротиворечивость позиции Дэвидсона еще не означает ее истинности. Он обосновывает отрицание психофизических законов сложным рассуждением, которое мы не сможем здесь подробно разобрать. Для нас важно другое: между концепцией необходимости и отрицанием психофизических законов нет противоречия.

7.9. Априорный и апостериорный физикализм

Последний вопрос, который я хочу рассмотреть в этой главе, касается соотношения *модального* статуса физикализма — того, контингентен он или нет, — и его *эпистемического* статуса — того, является ли он апостериорным. В обычном понимании физикализм не только контингентное, но и апостериорное, то есть эмпирическое, учение. Мы уже видели, что контингентность не создает для него неразрешимой проблемы. Аналогичное можно сказать и об апостериорности. В частности, тезис о том, что каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется некоторым физическим свойством, является эмпирическим, апостериорным тезисом — в логическом отношении сходным с теорией эволюции или дрейфа континентов.

Однако, хотя апостериорный характер физикализма обычно не вызывает разногласий, рядом с этим вопросом находится другой, гораздо более спорный. Следует ли придерживаться того, что принято называть апостериорным физикализмом (a posteriori physicalism), или того, что называют априорным физикализмом (a priori physicalism)?

Ранее мы установили: если физикализм истинен, физикалистский кондиционал необходимо истинен. Но теперь спросим, является ли сам этот кондиционал априорным или апо-

стериорным. Наши прежние допущения не дают ответа на этот вопрос. Сам физикализм, несомненно, апостериорен. Однако отсюда еще не вытекает апостериорность физикалистского кондиционала. Ведь модальный статус физикализма может отличаться от модального статуса этого кондиционала. Почему же их эпистемические статусы непременно должны совпадать?

В то же время, хотя прежние допущения и не предрешают эпистемического статуса кондиционала, они обращают внимание на возможность того, что он является необходимой апостериорной истиной — сочетает модальные и эпистемические характеристики, присущие, например, высказыванию «Теплота — это движение молекул». Сторонников такого взгляда называют апостериорными физикалистами. Те же, кто его отвергает, утверждая, что физикалистский кондиционал априорен, называются априорными физикалистами.

К различию между априорным и апостериорным физикализмом мы еще вернемся. Пока достаточно отметить два обстоятельства. Во-первых, эти названия несколько вводят в заблуждение. Если априорный физикализм истинен, это не означает, что сам *физикализм* априорен. Все участники спора считают физикализм контингентным и апостериорным. Априорным при таком подходе оказывается именно физикалистский кондиционал — нечто совсем отличное от самого физикализма.

Во-вторых, установить, априорен ли физикалистский кондиционал, чрезвычайно трудно. Для этого требуется теория необходимости, теория априорного знания и теория отношения между ними. Подробно рассматривать эти теории в настоящей книге мы не будем.

Итоги

В этой главе мы исследовали вопрос о том, необходимо ли отношение необходимого следования для истинности физикализма. С одной стороны, без такого отношения трудно отличить физикализм от различных форм дуализма, поэтому оно, по-видимому, действительно необходимо. С другой стороны, это требование порождает ряд трудностей. Одни связаны с контингентностью физикализма, другие — с возможностью эпифеноменаль-

ной эктоплазмы и блокирующих факторов, отрицанием психофизических законов, а также с эмпирическим и апостериорным характером физикализма.

Рекомендуемая литература

Литература о контингентности и тождестве чрезвычайно обширна; начать, вероятно, лучше всего с Kripke 1980. По причинам, которые мне не вполне понятны, контингентность материализма обычно не сопоставляют с контингентностью высказываний о тождестве; краткое обсуждение этого вопроса см. в Stoljar 2006. О проблеме эпифеноменальной эктоплазмы см. Horgan 1983; Lewis 1983; Chalmers 1996; Jackson 1998; Chalmers and Jackson 2001. О блокирующих факторах — Hawthorne 2002 и Leuenberger 2008. О психофизических законах см. Davidson 1970, а также статьи из первой части сборника Heil and Mele 1995. В главе Дэвидсона из этого сборника (Davidson 1995) он, по-видимому, предлагает понимать супервентность так, чтобы из нее не вытекала метафизическая необходимость. Если это действительно так, перед нами изменение его прежней позиции. О спорах вокруг апостериорного физикализма см. Byrne 1999; Block and Stalnaker 1999; Chalmers and Jackson 2001; Soames 2007.

ГЛАВА 8

Достаточна ли необходимость?

8.1. Дуализм необходимого следования

В двух предыдущих главах мы главным образом испытывали на прочность позицию физикалиста, признающего необходимое следование, — того, кто принимает физикализм в формулировке концепции необходимости. Теперь пора ввести еще одного участника спора — дуалиста, признающего необходимое следование (necessitation dualist). Его позицию можно представить как сочетание двух утверждений.

Первое совпадает с тем, что говорит обычный дуалист. Согласно традиционному дуализму, психологические свойства в некотором существенном отношении отличаются от физических — примерно так же, как свойства формы отличаются от свойств цвета. Чтобы назвать это различие, пока не предрешая вопроса о его природе, скажем, что обычный дуалист считает психологическое и физическое *метафизически различными* (metaphysically distinct). Дуалист необходимого следования с этим согласен.

Но второе его утверждение резко расходится с обычным дуализмом. Он считает, что психологические и физические свойства, *несмотря на* их метафизическое различие, связаны необходимым образом: во всех возможных мирах инстанцирование определенных физических свойств сопровождается инстанцированием определенных психологических свойств (а согласно некоторым вариантам позиции, верно и обратное). Обычный же дуалист, как мы видели, признает метафизическое различие ментального и физического, но считает связь между ними лишь контингентной.

Разница не сводится к признанию или отрицанию необходимой связи. Эти два дуалиста по-разному понимают и само метафизическое различие. Для сторонника традиционного дуализма оно, по крайней мере отчасти, объясняется через модальные понятия: ментальные и физические свойства различны потому, что одни могут быть инстанцированы без других. Дуалист необходимого следования, напротив, допускает, что свойство F может быть метафизически отлично от свойства G, хотя они связаны необходимым образом. Ниже мы рассмотрим это различие подробнее.

8.2. Проблема

Но почему дуализм необходимого следования вообще должен нас занимать? Потому что он создает серьезную трудность для концепции необходимости. Напомним ее основную формулировку:

> (1) Физикализм истинен в мире w тогда и только тогда, когда для каждого свойства F, инстанцированного в w, существует некоторое физическое свойство G, инстанцированное в w, такое, что во всех возможных мирах w^*, если в w^* инстанцировано G, то в нем инстанцировано и F.

Предположим, что действительный мир устроен именно так, как представляет его дуалист необходимого следования: психологические свойства отличаются от физических столь же глубоко, как полагает традиционный дуалист, но при этом физические свойства с необходимостью определяют психологические. Тогда левая часть (1) ложна: если этот дуалист прав, физикализм не истинен. Однако правая часть (1) в таком мире вполне может быть истинной. Ведь дуалист необходимого следования как раз и утверждает, что психологические свойства с необходимостью *определяются* физическими. Значит, если описанный им мир возможен, левая часть (1) может оказаться ложной при истинной правой части. Но тогда неверна сама формула (1), а вместе с ней и концепция необходимости.

Чтобы правильно понять это возражение, сделаем несколько уточнений.

Во-первых, важно не то, *истинен* ли дуализм необходимого следования в действительности, а то, логически ли он *непротиворечив* или, если это не одно и то же, возможен ли. Можно считать его фактически ложным; для нашего рассуждения это ничего не меняет. Пока такая позиция непротиворечива, она позволяет построить возражение против (1).

Во-вторых, трудность не связана с определением физического свойства. Здесь дуалист необходимого следования, обычный дуалист и физикалист находятся в одинаковом положении: все трое различают физические и иные свойства, но по-разному понимают отношения между ними. Поэтому вопрос о том, что именно следует считать физическим, пока можно отложить.

В-третьих, проблема не зависит от уточнений, которые, как мы выяснили в предыдущей главе, могут понадобиться для ответа на проблему эпифеноменальной эктоплазмы и проблему блокирующих свойств. Эти вопросы тоже оставим в стороне. В седьмой главе нас интересовали возражения против направления импликации слева направо: необходимо ли необходимое следование для физикализма? Теперь речь идет об обратном направлении: достаточно ли необходимого следования для истинности физикализма?

Наконец, пока я представлял дуализм необходимого следования как прямой контрпример к (1). Но ту же трудность можно выразить иначе: если концепция необходимости верна, то чем физикализм отличается от дуализма необходимого следования? Согласно этой концепции, физикализм истинен, если каждое инстанцированное свойство с необходимостью определяется каким-либо физическим свойством. Однако при истинности дуализма необходимого следования это условие также выполняется. Почему же мы не считаем такую разновидность дуализма физикализмом, хотя она явно на него не похожа? Дальше я буду попеременно пользоваться обоими способами постановки вопроса: как проблемой различения двух учений и как проблемой контрпримера к определению.

8.3. Другие примеры той же проблемы

Дуализм необходимого следования — не *единственный* источник неприятностей для концепции необходимости. Та же трудность возникает всякий раз, когда некоторое учение признает свойства, существование которых интуитивно противоречит физикализму, но при этом считает эти свойства необходимо связанными с физическими.

Проще всего получить такие примеры, если взять теорию, обычно считающуюся несовместимой с физикализмом, и дополнить ее утверждением о необходимой связи постулируемых ею свойств с физическими. Возьмем витализм в биологии. Обычно виталист предполагает, что между élan vital и физическими свойствами существует контингентная связь. Но легко представить разновидность витализма, согласно которой связь необходима. Такая теория ставит перед концепцией необходимости ту же проблему, что и дуализм необходимого следования. Аналогичные примеры можно построить с помощью примитивных цветовых свойств или эмерджентных химических свойств.

Более спорный путь — обратиться к необходимо существующим сущностям (necessary beings), то есть к тому, что существует во всех возможных мирах, и рассмотреть принадлежащие им свойства. В философии предлагалось немало примеров таких сущностей; для нас особенно важны, с одной стороны, числа и другие математические объекты, а с другой — Бог. Можно считать, что и те и другие существуют и обладают свойствами, несовместимыми с физикализмом. Если это так, физикализм, по-видимому, ложен. Но в формулировке концепции необходимости он все равно окажется истинным: такие сущности и их свойства в некотором тривиальном смысле с необходимостью следуют из физического, поскольку существуют во всех возможных мирах.

Правда, математический и теологический примеры неодинаково убедительны. Числа и их свойства, несомненно, необходимо связаны с физическим. Но вовсе не ясно, что они несовместимы с физикализмом. Разумеется, числа нельзя назвать физическими, если пользоваться исходным пониманием физического: у них нет пространственного положения, они не бывают

твердыми и так далее. Однако в главах 3 и 4 мы убедились, что для истинности физикализма понятие физического придется существенно расширить. Не исключено, что при таком понимании числа окажутся физическими. Так, в книге «*Слово и объект*» Куайн защищает совместимость существования чисел с физикализмом именно на том основании, что физика, по-видимому, сама нуждается в числах (Quine 1960).

С теологическим примером так легко не справиться. Конечно, Бога можно понимать по-разному. Но согласно одному вполне разумному пониманию Бог в известном отношении подобен душам, существование которых предполагает субстанциальный дуализм, — с той разницей, что Бог, если существует, существует необходимо. В таком случае его существование и природа несовместимы с физикализмом (хотя другие представления о Боге, возможно, с ним совместимы). Между тем концепция необходимости никак не объясняет этой несовместимости. В ее рамках физикализм вполне мог бы оставаться истинным *даже* при существовании такого Бога. И здесь, как и в случае дуализма необходимого следования, существенна не истинность теологической позиции, а ее *логическая непротиворечивость*: если она непротиворечива, перед нами еще один контрпример к концепции необходимости.

Итак, даже если математический пример оставить в стороне, теологический по-прежнему создает проблему, сходную с проблемой дуализма необходимого следования. Тем не менее далее я сосредоточусь именно на дуализме, а не на существовании Бога, витализме и других упомянутых возможностях. Ответы на основное возражение можно без особого труда распространить и на эти случаи; каждый раз отдельно показывать это я не буду.

Как же ответить на возражение дуалиста необходимого следования? В двух следующих разделах мы подробно рассмотрим один ответ, который я назову ответом со ссылкой на логическую несостоятельность (incoherence reply), а затем кратко обсудим еще три.

8.4. Ответ со ссылкой на логическую несостоятельность

Согласно этому ответу, отличить дуализм необходимого следования от физикализма совсем не трудно: первый попросту логически несостоятелен, а значит, проблемы различения не возникает. Возражение предполагало существование возможного мира, где дуализм необходимого следования истинен и тем самым опровергает (1). Но если такого мира не существует, не существует и контрпримера.

Почему же считать эту разновидность дуализма логически несостоятельной? Главный довод опирается на положение, известное в современной философии как «принцип Юма» (Hume's dictum). Нас не будет занимать, принимал ли его сам шотландский философ XVIII века. Речь идет о тезисе, который под этим названием обсуждают и защищают современные авторы (см. Lewis 1986a; Armstrong 1999). Кратко он гласит: между метафизически различными существующими вещами нет необходимых связей. Под «существующим» здесь понимается все, что существует. Если свойства — существующие вещи, как мы условились считать во второй главе, то отсюда, в частности, следует отсутствие необходимых связей между метафизически различными свойствами. Для удобства ограничимся свойствами, не затрагивая другие онтологические категории.

На первый взгляд дуализм необходимого следования прямо противоречит принципу Юма. Он соединяет два утверждения: ментальные свойства метафизически отличны от физических и при этом необходимо связаны с ними, поскольку физические свойства определяют ментальные. Значит, он допускает необходимые связи между метафизически различными свойствами — именно то, что принцип Юма запрещает. Если принцип верен, такой дуализм ложен.

Можно возразить, что отсюда еще не вытекает логическая несостоятельность дуализма. На это есть два ответа. Во-первых, принцип Юма нередко считают не просто истинным, но аналитически истинным; тогда он задает границы осмысленного утверждения, а противоречие с ним означает логическую несостоятельность. Во-вторых, даже если мы не доказали логической несостоятельности дуализма, нам достаточно показать, что

он несовместим с необходимой истиной — принципом Юма. Уже это спасло бы концепцию необходимости.

Однако противоречие с принципом Юма будет иметь силу, лишь если сам принцип истинен. А его истинность зависит от того, что он означает, прежде всего — от смысла выражения «метафизически различный». *Возможны* разные толкования. Сторонник ответа со ссылкой на логическую несостоятельность понимает метафизическое различие как модальное различие (modal distinctness), определяемое следующим образом:

> Свойство *F* модально отлично от свойства *G* тогда и только тогда, когда возможно, что *F* инстанцировано, а *G* — нет, *и* возможно, что *G* инстанцировано, а *F* — нет.

Например, свойство быть красным модально отлично от свойства быть квадратным: что-то может быть красным, хотя ничто не является квадратным, и наоборот. Если метафизическое различие тождественно модальному, эти свойства метафизически различны.

При таком понимании ответ со ссылкой на логическую несостоятельность выглядит весьма убедительно. Утверждение принципа Юма об отсутствии необходимых связей между метафизически различными свойствами превращается в утверждение об отсутствии необходимых связей между *модально различными* свойствами. Но последнее верно не просто фактически, а аналитически: свойства, которые могут существовать независимо друг от друга, *разумеется*, не связаны необходимым образом. Точно так же, если дуалист необходимого следования утверждает, что ментальные и физические свойства модально различны, но необходимо связаны, он, *разумеется*, высказывает аналитически ложное суждение. Поэтому ответ кажется простым: если дуализм необходимого следования непротиворечив, он ставит концепцию необходимости в затруднительное положение; если же логически несостоятелен, трудность исчезает.

8.5. Разновидности различия

Что можно сказать об ответе от логической несостоятельности? С одной стороны, совершенно верно, что принцип Юма аналитически истинен, если под метафизическим различием понимается модальное. С другой — дуалист необходимого следования, как и сторонник рассматриваемого нами возражения, вправе заявить, что имел в виду не это. В таком случае ответ со ссылкой на логическую несостоятельность просто не достигает цели. Вопрос здесь достаточно важен, чтобы рассмотреть и другие значения слова «различие».

Согласно первому варианту, «метафизически различный» означает «численно различный» (numerically distinct), причем:

> *F* численно отлично от *G* тогда и только тогда, когда *F* не тождественно *G*.

Такое толкование кажется естественным: *обычно* именно это и означает слово «различный». Но оно не подходит ни дуалисту необходимого следования, ни стороннику принципа Юма. Дуалист хочет сказать не только то, что ментальные и физические свойства численно различны (с этим согласился бы и сторонник множественной реализации), но и то, что между ними есть более глубокое различие. Именно его и обозначают выражением «метафизическое различие». Если же принцип Юма запрещает необходимые связи между численно различными существующими вещами, он тривиально ложен. Быть красным — значит с необходимостью быть цветным; следовательно, эти свойства необходимо связаны. И все же они численно различны, поскольку многие вещи цветны, но не красны — например, лимоны.

Второй вариант предлагает понимать метафизическое различие как различие по сущности, или природе (distinctness in essence or nature):

> *F* отличается по сущности от *G* тогда и только тогда, когда сущность *F* полностью отлична от сущности *G*.

Под сущностью вещи я понимаю совокупность всех ее сущностных свойств. Поэтому сущность *x* полностью отличается от

сущности *y* тогда и только тогда, когда у *x* и *y* нет ни одного общего сущностного свойства. Применительно к самим свойствам это означает, что ни одно сущностное свойство первого не является сущностным свойством второго. Тогда принцип Юма утверждает отсутствие необходимых связей между свойствами, у которых нет общих сущностных свойств. Дуалист же необходимого следования считает, что такие связи, по крайней мере иногда, существуют.

Убедительность этого варианта, однако, зависит от понимания сущностного свойства. Согласно некоторым взглядам, сущностное свойство — это просто необходимое свойство, которым вещь обладает во всех мирах, где существует. Если принять такое определение, мы не продвинемся ни на шаг: дуализм необходимого следования останется логически несостоятельным. Но есть и другая позиция: *не* всякое необходимое свойство является сущностным.

Например, Кит Файн (Fine 1994) утверждает, что Сократ с необходимостью принадлежит своему синглетону — множеству, единственным элементом которого является сам Сократ, — но принадлежность этому множеству не составляет сущности Сократа. Точно так же Сократ необходимо обладает свойством быть таким, что 2 + 2 = 4, однако и это не часть его сущности. Если Файн прав, у нас появляется основание отличать сущностные свойства от свойств, которые всего лишь необходимы. А значит, можно сформулировать вариант принципа Юма, отрицание которого дуалистом необходимого следования не будет заведомо противоречивым.

Однако решить, действительно ли сущность отличается от необходимости, непросто. Можно возразить, что Файн лишь отделяет необходимые свойства, которые кажутся нам интересными, от тех, которые кажутся скучными. Например, свойство быть таким, что 2 + 2 = 4, довольно скучно: им обладает абсолютно все. Поэтому, рассказывая о сущности или природе Сократа, мы вряд ли его упомянем. Но из этого не следует, что оно не *входит* в его сущность. Если входит, различие между сущностью и необходимостью становится гораздо труднее про-

вести — а ведь именно на нем строилось это толкование принципа Юма.

Есть и третий подход. Согласно ему, метафизическое различие не следует объяснять через другое отношение — скажем, численное или модальное различие. Его можно принять как примитивное понятие, поясняя на примерах. (Здесь я обязан обсуждению с Джонатаном Шаффером.) Вспомним Сократа и его синглетон у Файна, ментальные и физические свойства в представлении дуалиста необходимого следования, Бога и физический мир. Можно предположить, что во всех этих случаях обнаруживается нечто общее, что мы способны уловить, просто размышляя над примерами. Это общее мы и называем отношением метафизического различия. Такой способ введения понятия сам по себе не требует его определения через иные понятия. Иными словами, метафизическое различие может оказаться примитивным отношением. Тогда отрицание принципа Юма и признание дуализма необходимого следования не обязательно содержат противоречие.

У этого предложения, впрочем, две трудности.

Первая состоит в том, что оно предполагает наличие одного и того же отношения во всех перечисленных случаях. Но так ли это? Отношение между Сократом и его синглетоном — действительно ли оно совпадает с отношением между ментальным и физическим, которое существовало бы при истинности дуализма необходимого следования? Неясно даже, относятся ли они к одному типу отношений. Если нет, то метод сторонников примитивности метафизического различия может не сработать.

Вторая трудность связана с первой. Признание метафизического различия примитивным понятием — слабый ход в споре с философом, считающим дуализм необходимого следования логически несостоятельным. Скорее всего, такой философ сочтет логически несостоятельным и само примитивное понятие метафизического различия! Его оппонент, конечно, возразит, что оснований для подобного вывода нет и что любое объяснение вынуждено на чем-то остановиться. Но спор, вероятно, сведется к разногласиям о стандартах ясности.

В сущности, опасность такого исхода возникла уже тогда, когда защитник концепции необходимости объявил дуализм необходимого следования логически несостоятельным. Если философ А обвиняет философа Б в логической несостоятельности, философ Б всегда может ответить, что философ А предъявляет неверные требования к ясности и непротиворечивости. И беда в том, что подобные споры чрезвычайно трудно разрешить.

8.6. Еще три ответа

К мысли о том, что метафизическое различие следует считать примитивным понятием, мы вернемся позже. А пока кратко рассмотрим еще три способа ответить на возражение дуалиста необходимого следования против концепции необходимости.

8.6.1. Ответ через реализацию

Согласно этому ответу, возражение действительно показывает ложность концепции необходимости. Правильный выход — отказаться от нее в пользу концепции реализации. Как мы видели в главе 6, ее можно приблизительно сформулировать так:

> (2) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда каждое свойство, инстанцированное в *w*, либо тождественно некоторому физическому свойству, инстанцированному в *w*, либо реализуется некоторым физическим свойством, инстанцированным в *w*.

Защитник этого ответа утверждает, что концепции реализации не приходится отличать себя от дуализма необходимого следования, потому что дуалист как раз отрицает реализацию ментальных свойств физическими.

Почему он это отрицает? Чтобы понять, насколько правдоподобен такой ответ, вспомним, что концепция реализации выросла из концепции тождества, согласно которой каждое инстанцированное свойство тождественно физическому. Очевидно, эта последняя концепция несовместима с дуализмом необходимого следования: дуалист отрицает тождество ментальных и физических свойств. Но у концепции тождества есть

собственные трудности, прежде всего возражение от множественной реализации. Поэтому то, что ей удается провести нужную границу между физикализмом и дуализмом, еще не повод ее принимать.

Здесь и появляется концепция реализации. С проблемой множественной реализации она справляется гораздо лучше, сохраняя при этом, как можно надеяться, достаточно от исходной концепции тождества, чтобы избежать и возражения от дуализма необходимого следования. Словом, она будто бы благополучно проходит между Сциллой и Харибдой: не разбивается ни о множественную реализацию, погубившую концепцию тождества, ни о дуализм необходимого следования, угрожающий концепции необходимости. Неудивительно, что немало философов предлагают определять физикализм именно через реализацию (ср. Melnyk 2003; Poland 1994).

Тем не менее у концепции реализации остаются серьезные проблемы. В конце главы 6 мы обнаружили, что ни в обычной формулировке, ни в варианте, вдохновленном работами Шумейкера, она не дает достаточного условия истинности физикализма. Проблема в том, что физикализм реализации допускает истинность некоторой разновидности дуализма. Более того, на фоне дуализма необходимого следования трудность выглядит даже острее. В версии, опирающейся на идеи Шумейкера, свойство F реализуется свойством G, если каузальная роль, связанная с F, входит в каузальную роль, связанную с G. Но это не исключает, что F и G метафизически различны, хотя и связаны необходимым образом. Как и прежде, проблему можно было бы попытаться снять с помощью каузальной теории свойств, однако сама эта теория весьма спорна.

8.6.2. Ответ через объяснение

Сторонник ответа через объяснение (explanation reply) признает, что возражение дуалиста необходимого следования опровергает рассматриваемую формулировку концепции необходимости. Но, по его мнению, достаточно дополнить (1) требованием объяснения. Физикалист, говорит он, не просто утверждает, что каждое инстанцированное свойство с необходимостью следует

из некоторого физического. Он предъявляет еще и определенное объяснительное или эпистемологическое условие к тому, каким образом осуществляется это следование. Если включить такое условие в определение физикализма, дуализм необходимого следования перестанет представлять угрозу. Ведь дуалист признает необходимое следование ментальных свойств из физических, но не считает эту связь объясненной — или способной объяснять — в нужном смысле.

Основная проблема состоит, однако, в том, что непонятно, каким именно должно быть дополнительное условие. Проще всего было бы потребовать, чтобы существовало объяснение самого отношения необходимого следования. Но это предложение сталкивается с двумя серьезными возражениями.

Во-первых, почему дуалист необходимого следования не может сам стремиться объяснить это отношение? В его позиции нет ничего, что исключало бы объяснение как таковое. Терренс Хорган (Horgan 1993), защищающий в известной статье близкий подход, отчасти отвечает на это так: пусть оба философа требуют объяснения необходимой связи, однако только физикалист потребует объяснения, адекватного *с точки зрения материализма* (materialistically adequate). Возможно, это верно, но почти ничего не проясняет. Разумеется, дуалист необходимого следования не ищет объяснения, удовлетворяющего материализму: если он вообще его ищет, то хочет объяснения, удовлетворяющего *собственному дуализму*. Но так мы не приблизимся к пониманию различия между двумя позициями.

Во-вторых, неясно, почему физикалист обязательно должен требовать объяснения самого факта необходимого следования. Представим физикалиста, который признает, что необходимая связь существует, но утверждает, что никакого дальнейшего объяснения у нее нет. Многих философов, в том числе физикалистов, это наверняка не удовлетворит. Однако почему такой взгляд должен противоречить самому физикализму?

Можно попробовать развить ответ через объяснение иначе, связав его с уже известными нам идеями. Например, предположить, что требование надлежащего объяснения отношения между ментальным и физическим на самом деле означает при-

нятие априорного физикализма, о котором говорилось в предыдущей главе. Тогда, как скажет сторонник ответа, дуализм необходимого следования легко отличить от априорного физикализма: дуалист признает необходимую связь ментальных и физических свойств, но не признает, что ментальные свойства априорно следуют из физических.

Однако здесь смешиваются два совершенно разных различия: между априорным и апостериорным физикализмом и между физикализмом и дуализмом необходимого следования. По сути, предлагаемое решение объявляет апостериорный физикализм неотличимым от этого дуализма. Но такое отождествление неправдоподобно. Апостериорный физикализм — содержательная версия физикализма, к которой можно обратиться, в частности, отвечая на известные аргументы против него. Тем не менее он остается версией физикализма, тогда как дуализм необходимого следования физикализмом быть не должен.

Еще один возможный ответ предложил Фрэнк Джексон (Jackson 2006). По его мнению, физикалисты утверждают не только то, что физические факты с необходимостью определяют ментальные, но и то, что они определяют их *априорно de re*. Трудность здесь в том, что само понятие априорности de re далеко не ясно. В обычном понимании суждение является априорным, если его истинность можно установить без эпистемически существенной опоры на опыт. Значит, априорность относится к суждениям, а не к объектам или свойствам: это характеристика de dicto, а не de re. Джексон же хочет распространить понятие априорного знания на объекты и свойства. Но допустимость такого переноса вызывает серьезные споры. Поэтому остается столь же спорным и то, позволит ли предложение Джексона провести границу между физикализмом и дуализмом необходимого следования.

8.6.3. Ответ через фундаментальные свойства

Согласно третьему ответу, возражение дуалиста необходимого следования опровергает концепцию необходимости, а верным решением становится концепция фундаментальных свойств

В главе 6 мы сформулировали ее
примерно так:

> (3) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда всякое фундаментальное свойство, инстанцированное в *w*, является физическим.

Защитник этого ответа полагает, что с помощью (3) удастся отличить физикализм от дуализма необходимого следования. Физикалист утверждает, что все фундаментальные свойства физические. Дуалист же допускает нефизические фундаментальные свойства, которые, однако, необходимо связаны с другими, физическими фундаментальными свойствами.

Одна трудность такого ответа уже отмечалась в главах 2 и 6: сама идея фундаментальных свойств содержит немало спорных предположений. Но есть и другая. В приведенном во второй главе отрывке из Льюиса (ср. Lewis 1994) естественно усмотреть тезис, что каждое фундаментальное свойство модально отлично от любого другого фундаментального свойства. Если Льюис прав, дуалиста необходимого следования нельзя представить как философа, признающего необходимо связанные, но при этом фундаментальные ментальные и физические свойства. Подход Льюиса исключает такую возможность.

Нельзя ли отделить понятие фундаментального свойства от модального различия? Некоторые современные философы предлагают именно это (например, Schaffer, готовится к печати; Rosen 2010). Полноценное обсуждение их предложений выходит за пределы книги. Однако мы можем изложить родственную мысль, используя уже введенные понятия.

Утверждение Льюиса, что все фундаментальные свойства модально различны, можно разложить на две части. Первая связывает фундаментальность с метафизическим различием: каждое фундаментальное свойство метафизически отличается от всякого другого. Вторая отождествляет метафизическое различие с модальным. Если принять обе части, получим вывод, что фундаментальные свойства модально отличны друг от друга.

Но представим, что мы понимаем метафизическое различие иначе — например, как примитивное отношение, о котором

говорилось выше. Тогда можно принять первую часть и отвергнуть вторую: согласиться, что все фундаментальные свойства метафизически различны, но отрицать, что отсюда следует их модальное различие.

Если такой подход удастся защитить, концепция фундаментальных свойств позволит отличить физикалиста от дуалиста необходимого следования. Первый считает всякое фундаментальное свойство физическим; второй допускает, что и ментальные, и физические свойства фундаментальны, хотя между ними существует необходимая связь. Более того, мы получили бы вескую причину заменить концепцию необходимости концепцией фундаментальных свойств: первая не позволяет разграничить физикализм и дуализм необходимого следования, а вторая позволяет.

Но *можно* ли защитить такую позицию? Все зависит от того, насколько убедительно понимание метафизического различия как примитивного. Мы уже видели, что стороннику ответа со ссылкой на логическую несостоятельность оно представляется неубедительным. Есть и еще два повода для сомнений.

Во-первых, неясно, продвинулись ли мы дальше исходной постановки проблемы. Мы начали с того, что дуалист необходимого следования признает ментальные и физические свойства метафизически различными, но необходимо связанными. Теперь нам предлагают определить ту же позицию через признание метафизически различных, но необходимо связанных ментальных и физических свойств. На первый взгляд это лишь повторяет, что дуалист необходимого следования — дуалист необходимого следования, а физикалист — нет.

Во-вторых, здесь под вопросом оказывается философское значение физикализма. Как мы выяснили в главе 1, физикализм интересен, в частности, потому, что, будучи истинным, он устанавливает необходимое условие существования факта: факт либо сам физический, либо находится в определенном отношении к физическим фактам. Именно это делает философски значимым вопрос о том, удовлетворяют ли предполагаемые ментальные и моральные факты указанному условию; если нет, возникает задача показать, что они ему все-таки удовлетворяют

или что невыполнение условия не имеет решающего значения. Пока условие выражено в логических или модальных терминах, мы можем понять, как осуществлять связанную с физикализмом философскую программу. Но если его формулировка опирается на примитивное отношение метафизического различия, смысл самого необходимого условия становится неясным. А вместе с ним оказывается под угрозой и философское значение физикализма.

8.7. Как выйти из тупика

Мы рассмотрели проблему, которую дуализм необходимого следования создает для физикалиста, принимающего концепцию необходимости, и несколько возможных ответов. Результат пока не слишком определен. Некоторые предложения — в частности, ответы через объяснение и реализацию — в рассмотренных вариантах выглядят явно недостаточными. Другие кажутся более перспективными или, по меньшей мере, труднее поддаются оценке. Но ни одно не принесло решающей победы.

Можно ли все-таки продвинуться вперед? Думаю, да. Если оставить в стороне ответы через реализацию и объяснение, наш спор в основном сводится к разногласию между двумя философами. Первый отождествляет метафизическое различие с модальным и потому объявляет дуализм необходимого следования логически несостоятельным. Второй считает метафизическое различие примитивным понятием, которое не объясняется через другие. Ни одна позиция не выглядит особенно привлекательной. Первого можно упрекнуть в том, что он без достаточных оснований навязывает определенный стандарт ясности; второго — в том, что он усматривает слишком много особых отношений там, где они, возможно, вовсе не существуют.

Однако нельзя ли найти компромисс? Обсуждая в предыдущем разделе фундаментальные свойства, мы затронули мысль, которую можно выразить и без обращения к фундаментальности. Мы хотели воспользоваться понятием метафизического различия, чтобы определить физикализм так, чтобы он не совпадал с дуализмом необходимого следования. Но для этого необя-

зательно отказываться от общей структуры концепции необходимости. Рассмотрим ее следующую модификацию:

> (4) Физикализм истинен в мире *w* тогда и только тогда, когда для каждого свойства *F*, инстанцированного в *w*, существует некоторое физическое свойство *G*, инстанцированное в *w*, такое, что:
>
> (a) во всех возможных мирах *w** из инстанцирования *G* в *w** следует инстанцирование *F* в *w**;
>
> (b) *F* не является метафизически отличным от *G*.

По форме (4) отличается от концепции необходимости: к ней добавлено новое условие. Но меняет ли оно содержание? Для философа, отождествляющего метафизическое и модальное различие, пункт (b) избыточен. Пункт (a) уже влечет пункт (b), поэтому дополнительная оговорка ничего не прибавляет. Иное дело философ, считающий метафизическое различие примитивным отношением, не тождественным модальному. Для него пункт (b) не избыточен, и формула (4) существенно расходится с прежней концепцией необходимости. Следовательно, насколько сильно (4) отличается от исходного определения, зависит от принимаемого нами понимания метафизического различия.

При этом оба философа согласятся, что (4) позволяет ответить на возражение дуалиста необходимого следования. Тот, кто отождествляет метафизическое различие с модальным, и так считает дуализм необходимого следования логически несостоятельным. С его точки зрения, концепции необходимости нечего опасаться, а формула (4) выражает то же самое, что и она. Следовательно, (4) также защищена от возражения.

Напротив, тот, кто различает метафизическое и модальное различие, не объявляет дуализм необходимого следования логически несостоятельным и потому считает исходную концепцию необходимости опровергнутой. Но для него (4) уже существенно отличается от нее — причем именно дополнительным условием, которое нужно для ответа на возражение. Поэтому он тоже признает (4) приемлемой. Итак, в отношении проблемы

дуализма необходимого следования обе стороны могут принять формулу (4), хотя каждая будет понимать ее по-своему.

8.8. Редукционизм и нередукционизм

Я вовсе не хочу выдавать этот дипломатический выход из тупика за окончательное решение. Очевидно, что он оставляет основные разногласия вокруг концепции необходимости неразрешенными. Вместо того чтобы продолжать спор, я завершу главу — а вместе с ней и начатое три главы назад обсуждение концепции необходимости и ее альтернатив — кратким рассмотрением вопроса, который наши выводы помогают прояснить: возможен ли нередуктивный физикализм?

В главе 6 мы видели, чем привлекает физикализм необходимого следования: он не обязывает физикалиста утверждать ни семантическую эквивалентность ментального физическому, ни их тождество. Но многим эта концепция кажется привлекательной еще и потому, что допускает так называемый нередуктивный физикализм (non-reductive physicalism). Действительно, когда в 1970-х годах начали появляться определения физикализма через супервентность и необходимое следование, главным их достоинством нередко считалась именно возможность построить нередуктивную версию физикализма. В 1990-х годах последовала заметная реакция: многие философы объявили приверженность нередуктивному физикализму своего рода интеллектуальной непоследовательностью. Слово «нередуктивный», по их мнению, свидетельствует о склонности к некоторой форме дуализма, а слово «физикализм» — о приверженности физикализму. Поскольку эти обязательства несовместимы, нередуктивный физикализм оказывается мифом.

Мне, однако, кажется, что миф здесь скорее не сам нередуктивный физикализм, а представление, будто вопрос о его мифичности имеет одно определенное значение. В споре о нередуктивном физикализме под «редуктивным», а следовательно, и под «нередуктивным» понимают слишком разные вещи. Если их разграничить, выяснится, что почти во всех случаях вопрос о возможности нередуктивного физикализма решается без особых затруднений: при одних значениях ответ одно-

значно положителен, при других — отрицателен. Лишь одно значение составляет исключение.

Чтобы это показать, перечислим значения выражения «нередуктивный физикализм», которые естественно выделить из нашего обсуждения последних трех глав.

- Под ним можно понимать физикализм, отвергающий синонимию или аналитическую эквивалентность физических высказываний всем остальным высказываниям. В этом смысле нередуктивный физикализм возможен, поскольку физикализм не является семантическим тезисом.
- Можно понимать под ним физикализм, отрицающий, что каждое инстанцированное свойство тождественно некоторому физическому свойству. В этом смысле он тоже возможен, поскольку физикализм необходимого следования не предполагает тождества свойств.
- Можно иметь в виду разновидность физикализма, которая не признает психофизических законов, связывающих, например, психологическое с физическим. И в этом смысле нередуктивный физикализм возможен: физикализм необходимого следования совместим с отрицанием таких законов.
- Еще один вариант касается метафизического различия ментальных и физических свойств. Если нередуктивный физикализм предполагает такое различие, он невозможен, поскольку при метафизическом различии ментального и физического истинен дуализм — даже если это дуализм необходимого следования.
- Наконец, под нередуктивным физикализмом можно понимать позицию, отрицающую априорность физикалистского кондиционала, введенного в главе 7. В этом случае ответ не вполне ясен: он зависит от нерешенных вопросов философии языка и эпистемологии, касающихся связи априорного с необходимым. Именно этот вариант я назвал исключением.

Насколько мне известно, других значений слова «редукционизм» здесь нет. Следовательно, за возможным исключением спора об априорном и апостериорном физикализме, разногла-

сия о редуктивном физикализме основаны на неверной постановке вопроса.

Итоги

В этой главе мы спрашивали, является ли необходимое следование достаточным условием физикализма. Как мы выяснили, против такого утверждения можно выдвинуть контрпримеры. Главный из рассмотренных нами связан с дуализмом необходимого следования. Ответить на него можно несколькими способами, но особенно подробно мы обсуждали два: первый отрицает логическую непротиворечивость предполагаемых контрпримеров, второй дополняет концепцию необходимости условием метафизической неразличности, понимаемой как примитивное, немодальное отношение. Мы не отдали предпочтения ни одному из этих решений, а вместо этого нашли формулировку, приемлемую для обеих сторон. Наконец, мы кратко рассмотрели широко обсуждаемый вопрос о возможности нередуктивного физикализма.

Рекомендуемая литература

Позицию дуализма необходимого следования нередко приписывают Броуду (Broad 1925); обсуждение см. в McLaughlin 1992. О теологическом возражении см. Jackson 1998. Различные понятия различия разбираются в Stoljar 2008 и Wilson (готовится к печати). Ответ через реализацию рассматривается в Melnyk 2003, ответ через объяснение — в Horgan 1993. Классические варианты нередуктивного физикализма представлены в Davidson 1970 и Fodor 1974. Пример влиятельной критики нередуктивного физикализма как мифа — Kim 1993. Раннее содержательное обсуждение этой позиции см. в Boyd 1980.

ГЛАВА 9

Скептики и убежденные сторонники

9.1. Подведем итоги

На каком этапе мы находимся? Во введении я предложил сосредоточиться на трех вопросах: как понимать физикализм, истинен ли он и в чем состоит его философское значение. В первой главе мы увидели, что значение физикализма лучше всего объясняется той ролью, какую он играет в названной нами стандартной картине. Эту картину можно представить как соединение пяти тезисов:

1. Физикализм истинен — *основной тезис*.
2. Физикализм выражает представление о мире, лежащее в основе естественных наук, — *интерпретационный тезис*.
3. Разумнее всего принимать то представление о мире, на котором основываются естественные науки, каким бы оно ни оказалось, — *эпистемологический тезис*.
4. На первый взгляд физикализм противоречит многим предпосылкам повседневной жизни — *тезис о конфликте*.
5. Разрешить подобные конфликты можно, предложив такое понимание предпосылок повседневной жизни, при котором они окажутся совместимыми с физикализмом, — *тезис о разрешении конфликта*.

Мы отметили, что для оценки этих положений необходимо гораздо точнее понять, что такое физикализм. Иначе говоря, прежде следовало заняться вопросом о его интерпретации. Именно этому были посвящены главы 2–8, где мы разделили проблему на две части. Во-первых, что значит для свойства быть

физическим? Во-вторых, что означает утверждение, что одно свойство с необходимостью обусловливает другое?

Относительно первого вопроса мы выяснили в главах 3–5, что хотя существуют разные вполне допустимые способы объяснить, какие свойства следует считать физическими, ни один из них не позволяет без труда сформулировать истинный физикализм. В конце главы 4 мы представили аргумент в пользу метатезиса: не существует такой версии физикализма, которая была бы (а) истинной и (б) действительно заслуживала бы названия «физикализм». Напомню этот аргумент:

> P1. Формулируя физикализм, мы должны исходить либо из исходной концепции, либо из некоторой ее расширенной версии.
>
> P2. Если исходить из исходной концепции, можно сформулировать физикализм, который заслуживает своего названия, но окажется ложным.
>
> P3. Если же исходить из расширенной версии исходной концепции, можно получить истинный тезис, но он не будет заслуживать названия «физикализм», поскольку либо (а) окажется истинным в таких возможных мирах, где ни одна версия физикализма не должна быть истинной, либо (б) окажется ложным в таких возможных мирах, где ни одна его версия не должна быть ложной.
>
> *С*. Следовательно, не существует версии физикализма, которая одновременно истинна и заслуживает этого названия.

В главах 3 и 4 мы убедились в правдоподобии посылок этого аргумента, а в главе 5 отличили его от более известного, но и более спорного рассуждения — дилеммы Гемпеля. Наш аргумент тоже представляет собой дилемму, связанную с формулировкой физикализма, однако, в отличие от дилеммы Гемпеля (во всяком случае, в ее обычном понимании), он рассматривает проблему в модальном или концептуальном, а не во временном или историческом контексте.

Что касается второго вопроса, в главах 6–8 мы увидели: под необходимым следованием физикалист понимает *по меньшей*

мере метафизическое следование в смысле Крипке. Но мы также выяснили, что адекватная формулировка физикализма вынуждает обращаться к метафизическим понятиям — причем не только к самой метафизической необходимости, но и к менее ясным отношениям, например к метафизическому различию и его отсутствию.

В двух последних главах (10 и 11) я перейду от интерпретации и значения физикализма к вопросу о его истинности. Однако прежде нам следует вернуться к стандартной картине и выяснить, какие последствия для нее имеет аргумент в пользу метатезиса, сформулированный в главе 4.

9.2. Метатезис и стандартная картина

На первый взгляд метатезис вступает в серьезное противоречие со стандартной картиной. Предположим, что он истинен и не существует ни одной версии физикализма, которая была бы одновременно истинной и подлинной. Тогда первый же элемент стандартной картины — основной тезис — ложен. Ведь он утверждает истинность физикализма, а метатезис отрицает, что существует истинный тезис, заслуживающий такого названия.

Рассмотрим теперь интерпретационный и эпистемологический тезисы. Примечательно, что вместе они образуют посылки аргумента в пользу основного тезиса. Но если метатезис истинен, заключение этого аргумента ложно, а значит, и сам аргумент несостоятелен. Иными словами, если метатезис верен, то либо физикализм не выражает картину мира, принятую в естественных науках, либо принимать эту картину мира — не самое рациональное решение. В этой книге я оставляю в стороне вопрос о том, насколько рационально доверять научному представлению о мире. Поэтому из сказанного я заключаю, что ложен именно интерпретационный тезис. Каким бы ни было мировоззрение современной науки, оно не может быть физикализмом, если не существует истинной и подлинной версии последнего.

Наконец, обратимся к тезисам о конфликте и его разрешении. Их особенность состоит в том, что они не только объясняют природу целого класса философских проблем, но и намечают

способ их решения. Согласно стандартной картине, многие проблемы возникают из-за несовместимости предпосылок повседневной жизни с физикализмом; решить их следует, истолковав эти предпосылки так, чтобы они согласовывались с физикализмом. Но если подлинного и истинного физикализма не существует, то даже если, например, существование цвета действительно несовместимо с физикализмом, непонятно, почему это должно считаться удачной постановкой философской проблемы цвета. И уж тем более непонятно, ради чего переосмыслять цвет так, чтобы он согласовывался с физикализмом. Если физикализм ложен, то исчезает всякое побуждение следовать тезису о разрешении конфликта: нет причин пересматривать наши представления о цвете только потому, что они противоречат ложному учению.

Метатезис, следовательно, угрожает не только стандартной картине, но и философии в целом. В первой главе мы отмечали, что стандартная картина привлекательна по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, она отводит философии ясную роль и позволяет избежать дилеммы, о которой Рорти говорил в процитированном нами отрывке (см. § 1.4). Во-вторых, она представляет широкий круг философских проблем как глубоко взаимосвязанный. Для того, кто хочет заниматься философией, опирающейся на науку, но не растворяющейся в ней, содержащаяся в стандартной картине философия философии выглядит не просто привлекательной, а почти обязательной. Поэтому метатезис ставит под сомнение само философское предприятие.

Итак, мы подошли к важной развилке. Размышление о том, что такое физикализм, приводит к выводу: он не способен выполнять роль, которую ему отводит стандартная картина. Коротко говоря, размышление о смысле физикализма подрывает его истинность: если никакое из его возможных значений не дает истинного тезиса, физикализм неистинен.

Как следует на это реагировать? Насколько я могу судить, в литературе преобладают два резко различающихся ответа — позиция скептика и позиция убежденного сторонника. В двух следующих разделах я представлю обе позиции, не приписывая

их конкретным философам, а формулируя собственными словами.

9.3. Скептик

Скептик принимает аргумент в пользу метатезиса и соглашается с его заключением: нет версии физикализма, которая одновременно истинна и действительно заслуживает этого названия. Затем он делает из этого выводы относительно самой философии. Как мы видели, метатезис несовместим со стандартной картиной. Поэтому скептик в отношении физикализма становится также скептиком в отношении стандартной картины. А если стандартная картина занимает центральное место в значительной части философии, он начинает сомневаться и в значительной части философской деятельности.

Но скептик не ограничивается принятием метатезиса и его следствий. Он предлагает объяснение того, почему аргумент оказался успешным. По его мнению, современные физикалисты пытаются соединить две вещи, которые нельзя соединять. С одной стороны, они не хотят, говоря словами Льюиса из цитаты в конце введения (см. раздел «О терминологии»), отрекаться от своих интеллектуальных предшественников. Они настаивают, что их представление о мире глубоко связано с традиционным физикализмом — с тем, что я называл физикализмом исходной концепции. С другой стороны, они хотят быть современными материалистами в полном смысле этого выражения, если воспользоваться подзаголовком книги Мельника (Melnyk 2003), который, в свою очередь, заимствует эту формулировку у Джерри Фодора. То есть они хотят, чтобы их теория мира, пусть и весьма абстрактная, составляла часть современной науки. Однако, возражает скептик, совместить эти требования невозможно. Физикализм исходной концепции в существенном отношении представляет собой картину мира здравого смысла. Он утверждает, что все с необходимостью обусловлено чем-то таким, что доступно обыденному пониманию, ведь обычные физические предметы и их характерные свойства принадлежат именно миру здравого смысла. Между тем отличительная черта современной науки — ее разрыв со здра-

вым смыслом. Если за ней и стоит определенная картина мира, естественнее было бы сказать, что, согласно ей, все с необходимостью обусловлено чем-то не относящимся к обыденному миру. Современный физикализм поэтому оказался в невозможном положении: он пытается соединить обыденную картину реальности с научной, не являющейся обыденной. Неудивительно, заключает скептик, что сформулировать такое учение никак не удается.

Допустим, скептик прав: не существует вообще никакого потенциально истинного тезиса физикализма — во всяком случае, в том смысле, какой философы традиционно вкладывали в это слово. Тогда возникает интересный вопрос: почему философы столь упорно держатся за него? Чем объяснить живучесть тезиса, которую трудно было бы ожидать при таком положении дел? Скептик ищет ответ прежде всего в самой философии. Из-за того, как философы ставят метафизические вопросы о предпосылках повседневной жизни, им необходимо иметь в распоряжении некоторую совокупность фактов, которые можно, так сказать, положить в основание рассуждения: фактов, не вызывающих философских возражений и потому принимаемых как данность. Понятие физического нередко, хотя и довольно неясным образом, служит обозначением именно этой совокупности. Этим и объясняется его употребление. Но, утверждает скептик, такая роль понятия никак не доказывает, что оно действительно выделяет нечто единое в самом мире. Это весьма отрицательная оценка: привлекательность понятия объясняется не внутренним единством охватываемых им вещей и даже не единством самого понятия, а случайным стечением обстоятельств — прежде всего особенностями культурной истории философии.

Позицию скептика в отношении физического и физикализма полезно сравнить с более привычными видами скептицизма. Возьмем, например, понятие расы (ср. Appiah 1991). Оно, по-видимому, отчасти опирается на эмпирическое утверждение, которое могло оказаться истинным: среди людей могли существовать устойчивые подразделения, объясняющие определенные культурные и социальные явления. Разумеется, даже в

этом случае моральные или этические выводы, которые делали на основании подобных «фактов», оставались бы неоправданными. Но скептик в отношении понятия расы считает соответствующие эмпирические утверждения ошибочными; поэтому понятию расы больше не находится места в нашем понимании биологической или социальной действительности. Подобным образом скептик в отношении физикализма допускает, что связанные с ним эмпирические утверждения могли быть истинными, но в действительности оказались ложными.

Еще более близкую аналогию дает скептическое отношение к философскому понятию данного, особенно выраженное Уилфридом Селларсом в знаменитой статье «Эмпиризм и философия сознания» (1956). Грубо говоря, но достаточно точно для наших целей, Селларс утверждал, что «данное» — понятие гибридное, или смешанное: оно соединяет две почти не связанные между собой идеи — то, на чем обосновывается убеждение, и ощущение. По мнению Селларса, философы, формулировавшие проблемы с помощью понятия данного, находились в заблуждении; следовало отказаться и от самого понятия, и от возведенной на нем философской конструкции. Положение скептика в отношении физического и физикализма очень похоже. Подобно тому как Селларс намеревался отвергнуть всю «структуру данного», скептик в отношении физикализма предлагает отказаться от всей концептуальной структуры, построенной вокруг физического.

Хотя эта позиция напоминает скептицизм в других областях, из нее логически вовсе не следуют некоторые другие взгляды, которые легко было бы с ней связать. В том виде, в каком я ее представляю:

- Скептику необязательно сомневаться в физике. Физика — развивающаяся теория мира. Скептик вовсе не должен отрицать, что физика в ее нынешнем или будущем идеальном виде может быть полным и буквальным описанием действительности.
- Скептик необязательно считает проблематичным обыденное понятие физического. Он может вполне признавать

существование физических предметов в обычном смысле слова.

- Скептик необязательно является когерентистом. Как мы видели во второй главе, когерентист часто придерживается когерентной теории истины. Но между скептицизмом в отношении физикализма и такой теорией истины нет никакой связи.
- Скептик необязательно является дуалистом. Дуалист, по крайней мере в стандартном понимании, полагает, что физикализм истинен относительно большей части мира, но не всего мира. Следовательно, он в той же мере, что и физикалист, предполагает осмысленность физикализма.
- Скептик необязательно является идеалистом. Он вполне может придерживаться позиции, названной нами во второй главе натуралистическим платонизмом, которая несовместима и с идеализмом, и, кстати, с дуализмом.

Если скептик не обязан быть ни одним из перечисленных философов, то к чему все-таки обязывает его скептицизм? Как мы уже видели, главное его следствие — или, по крайней мере, кажущееся следствие — сомнение в философской программе, выраженной стандартной картиной, например в той программе, которую Прайс описывает в процитированном нами в первой главе отрывке. Вот почему скептицизм по отношению к физическому обычно распространяется и на значительную часть философии.

9.4. Убежденный сторонник

Такова скептическая реакция на тезис физикализма. Но как выглядит другая крайняя реакция — позиция убежденного сторонника?

Он начинает с противоположного конца рассуждения и прежде всего отвергает метатезис, согласно которому нет истинного и подлинного физикализма. Почему? Причина связана с самой практикой философии. Всякий, кто всерьез обсуждал важнейшие аргументы философии сознания, философии языка, свободы воли или этики, знает, насколько они могут

увлекать. Эти аргументы действительно обладают огромной интуитивной убедительностью. Более того, вокруг них сложилась развитая практика подробного обсуждения; существует немалое согласие относительно того, что вообще считается вкладом в такие споры и что считается хорошим или плохим вкладом. Учитывая все это, говорит убежденный сторонник, невозможно — или по крайней мере крайне неправдоподобно — считать, будто за подобными дискуссиями вообще ничего не стоит. Если практика обсуждения физикализма оправданна, она предполагает наличие тезиса, который обсуждают. А эта практика, несомненно, оправданна. Следовательно, вопреки метатезису, такой тезис существует.

Если отвергнуть метатезис как несовместимый с философской практикой, придется выяснить, где ошибка в аргументе, изложенном в конце главы 4 и повторенном в начале этой главы. Поскольку аргумент логически правилен, убежденный сторонник должен отвергнуть хотя бы одну его посылку: невозможно отрицать вывод правильного аргумента и при этом принимать все его посылки.

Есть несколько возможностей, но вероятнее всего он станет оспаривать третью посылку:

> Р3. Если исходить из расширенной версии исходной концепции, можно сформулировать истинный физикализм, но он не будет заслуживать этого названия, поскольку либо (а) окажется истинным в возможных мирах, где физикализм не должен быть истинным, либо (б) окажется ложным в мирах, где физикализм не должен быть ложным.

Убежденный сторонник ответит, что достойное своего названия определение все-таки существует. Это то, что в главе 4 я называл актуалистским физикализмом: физическими считаются свойства, описываемые истинной физической теорией действительного мира, какой бы она ни оказалась. Он добавит, что актуалистский физикализм на деле весьма близок к физикализму современной теории, хотя последняя, по замечанию Дэвида Льюиса (1983: 33–34), «предположительно несколько усовершенствована». Убежденный сторонник согласится, что великие материалисты прошлого такого тезиса не придержи-

вались. Вероятно, он согласится и с тем, что его не приняли бы философы из мира физики мира-двойника. Но что из этого? Если нынешний физикализм не вполне совпадает с традиционным, это еще не значит, что он не заслуживает своего названия. Пусть это физикализм не в традиционном смысле: важно, что с его помощью можно формулировать те философские вопросы, которые нас интересуют.

Скептика такой ответ не убедит. «Разумеется, — скажет он, — вы вправе определить какой угодно тезис и назвать его физикализмом. Но тогда вы неверно описываете собственную философскую практику: проблемы, обычно формулируемые в терминах физикализма, не касаются ничего *столь* специфического». Убежденный сторонник тоже останется при своем: «Да, философский контекст современного физикализма отличается от контекста традиционного материализма, но сходство все-таки достаточно велико, чтобы сохранить название».

— Нет, недостаточно! — скажет скептик.

— Нет, достаточно! — ответит убежденный сторонник.

9.5. Ложная предпосылка?

В том или ином виде этот спор продолжается давно. Скептики стоят на своем, сторонники — на своем, и никто не намерен уступать. Возникает соблазн махнуть рукой: не очередной ли это философский тупик?

Похоже, что так. Однако присмотримся внимательнее. В обеих позициях немало правдоподобного. Убежденные сторонники, по-видимому, правы относительно философской практики. Когда уже погружен в философские проблемы, трудно уверять себя, что в них нет никакого содержания или что все они ошибочно поставлены. Какая теория могла бы обосновать такой вывод? Скептику как минимум предстоит объяснить, что же происходит в этих дискуссиях и почему они кажутся правомерными, если на деле это не так. С другой стороны, скептик, по-видимому, прав в отношении самого физикализма. Стоит оторвать понятие физического от обычных способов мыслить о физических вещах, и становится крайне трудно добиться разум-

ных суждений о тех случаях, к которым оно должно применяться.

Если в каждой позиции есть доля истины, естественно спросить, нельзя ли их примирить. Ключ к такому примирению — обнаружить ложную предпосылку, которую разделяют и скептик, и убежденный сторонник. Если оба исходят из одного ошибочного допущения, возможно, нам удастся предложить позицию, объединяющую сильные стороны обеих.

В оставшейся части главы я рассмотрю три пути к такому синтезу. Согласно первому, обе стороны разделяют ошибочную философскую методологию. Согласно второму, они ошибочно принимают физикализм за тезис, хотя в действительности он представляет собой определенную установку. Согласно третьему, они принимают ложное условное утверждение о природе философских проблем, связанных со стандартной картиной. Именно третий путь, как мы увидим, кажется мне наиболее многообещающим.

9.6. Следует ли отказаться от концептуального анализа?

Как мы видели в главе 3, за аргументом в пользу метатезиса стоят две методологические идеи. Первая: понятие физического свойства — кластерное понятие. Вторая: чтобы выяснить, какие элементы этого кластера следует включить в определение физического свойства, можно обращаться к методу случаев. Многие философы, однако, связывают эти идеи с дискредитированным представлением о философии, подорванным, в частности, критикой позитивизма у Куайна, Смарта и других авторов, упомянутых в главе 1. Обычно такие идеи объединяют под названием концептуального анализа — попытки сформулировать необходимые и достаточные условия применения таких понятий, как знание, причинность или тождество личности. Поэтому возражение можно выразить кратко: аргумент в пользу метатезиса ошибочно предполагает необходимость концептуального анализа.

Чтобы разобраться подробнее, вернемся к первой посылке аргумента:

> P1. Формулируя физикализм, мы должны исходить либо из исходной концепции, либо из некоторой ее расширенной версии.

И скептик, и убежденный сторонник, в представленном мною виде, принимают эту посылку. Скептик принимает ее как часть правильного, на его взгляд, аргумента. Убежденный сторонник отвергает аргумент, но, как мы выяснили, оспаривает именно P3, а не P1.

Между тем можно заподозрить, что P1 кажется убедительной лишь благодаря приверженности концептуальному анализу. Что вообще означает «сформулировать физикализм», если не установить логически необходимые и достаточные условия его истинности? Но в таком случае требование «исходить» из одной из двух концепций по существу означает требование определять физикализм одним из двух указанных способов.

Если правдоподобие P1 держится на концептуальном анализе, а сам концептуальный анализ — несостоятельный философский метод, можно сделать два связанных вывода. Во-первых, аргумент в пользу метатезиса следует отвергнуть из-за ложности первой посылки, предполагающей концептуальный анализ. Во-вторых, надо отказаться и от спора между скептиком и убежденным сторонником: оба согласны, что концептуальный анализ — подходящий способ выяснить, что такое физикализм. Они расходятся лишь во мнении, позволяет ли этот метод получить приемлемую формулировку физикализма. Но если сама предпосылка о пригодности концептуального анализа неверна, отпадает и этот спор.

9.7. Оценка отказа от концептуального анализа

Насколько удачна такая попытка преодолеть разногласие между скептиком и убежденным сторонником? Вопрос о том, ошибочен ли концептуальный анализ и в каком смысле, чрезвычайно широк; подробно обсуждать его здесь невозможно. Однако, думаю, можно показать и без такого обсуждения, что отказ от концептуального анализа в рассматриваемом смысле почти не затрагивает наши аргументы. Здесь важны два соображения.

Во-первых, выступая против формулирования необходимых и достаточных условий философски значимых понятий, критики чаще всего отвергают не саму эту задачу, а попытку решить ее *определенным способом*. Например, в эпистемологии 1970-х годов многие философы стремились найти необходимые и достаточные условия знания, то есть завершить формулу «Субъект *S* знает, что *p*, тогда и только тогда, когда…». Противники концептуального *анализа* нередко оценивают этот период как бесплодный и бессмысленный. Но если затея и была бесплодной, то не потому, что философы искали необходимые и достаточные условия знания *как таковые*. Неудачной была попытка дать *редуктивные и весьма общие* условия, выраженные через понятия, существенно отличающиеся от самого понятия знания. Иначе говоря, спорным остается традиционный проект анализа знания, а не всякая попытка найти условия, способные прояснить это понятие.

Пусть попытки анализировать важные философские понятия действительно бесплодны — сейчас нам необязательно решать этот вопрос. На аргумент в пользу метатезиса и связанный с ним спор о стандартной картине это не влияет. Дело в том, что аргумент нигде не требует анализа понятия физического свойства или физикализма в указанном редуктивном смысле. Излагая его, мы ни разу не выдвигали подобного условия. Правда, я возражал против определений, образующих слишком тесный логический круг. Например, в главе 3 мы отвергли определение физического свойства через понятие чисто физического объекта, потому что получался именно такой круг. Но это возражение против непроясняющего определения, а не против всякого кругового определения.

Таким образом, спор скептика с убежденным сторонником не предполагает концептуального анализа — по крайней мере в философски сомнительной его форме. Мое второе соображение касается метода случаев. Критики концептуального анализа отвергают обычно не размышление о случаях *вообще*, а размышление об *исключительно необычных* случаях. Например, при обсуждении тождества личности — того, что делает человека тем же самым человеком, несмотря на происходящие с ним

изменения, — часто обращаются к весьма причудливым примерам: обмену мозгами, телепортации и тому подобному. Противники концептуального анализа возражают, что способность находчивого философа вообразить столь экзотические ситуации еще не означает, что их рассмотрение способно что-то прояснить в нашем понятии или в том, на что оно указывает. Обыденное понятие тождества личности существовало задолго до появления этих примеров и, по-видимому, не предназначалось для их оценки. Даже если бы мы пришли к согласию о том, как судить об этих случаях, — что само по себе маловероятно, — наши ответы едва ли пролили бы свет на понятие. Поэтому спорна не сама практика рассмотрения случаев, а практика *ничем не ограниченного* их подбора вместо обращения к ситуациям, в некотором (правда, трудно определимом) смысле подходящим к изучаемому понятию.

Но даже если неограниченное рассмотрение случаев ошибочно — и это мы тоже можем оставить открытым, — аргумент в пользу метатезиса от этого почти ничего не теряет. У его сторонника нет причин требовать, чтобы метод распространялся на абсолютно любые вообразимые ситуации. Напротив, случаи, рассмотренные в главах 3 и 4, нельзя считать надуманными в контексте споров о физикализме: их подробно обсуждают сами физикалисты. Для человека *вне* философии некоторые из них, конечно, покажутся необычными: миры, где истинен дуализм, витализм или примитивизм цвета, а тем более мир физики мира-двойника. Но относительно фактического философского употребления понятия они вовсе не столь экзотичны. Понятия физического свойства и физикализма, как мы их рассматриваем, — специальные философские понятия. Перед нами не обычное слово, а философское изобретение, пусть и с долгой историей. Поэтому вовсе не очевидно, что наши примеры к нему неприменимы.

По этим двум причинам я сомневаюсь, что отказ от концептуального анализа позволит уладить разногласие между скептиком и убежденным сторонником. Следующий вариант решения обращается к совсем иной стороне их спора.

9.8. Ван Фраассен об эмпиризме и физикализме

Трудность с формулировкой физикализма не единственная в своем роде: похожие проблемы возникают и с другими философскими учениями. Многих мыслителей называли — и они сами себя называли — «эмпиристами», «рационалистами», «реалистами» и так далее. Иногда нам кажется, что мы и без определения прекрасно чувствуем, что значит быть представителем каждого направления. Но опора на подобное чувство — плохой способ философствовать. Поэтому приходится спрашивать: кто *именно* такой эмпирист (или рационалист, или реалист)?

В случае эмпиризма этот вопрос прямо поставил Бас ван Фраассен. В книге *The Empirical Stance* («*Эмпирическая установка*», 2002) он подробно рассматривает предположение, что эмпиризм — это некоторое убеждение, суждение или тезис, которого придерживаются философы-эмпиристы, например требование, чтобы всякое философски оправданное убеждение определенным образом соотносилось с опытом. Согласно такому пониманию Локк и Куайн — оба обычно фигурируют в учебниках как эмпиристы — относятся к одному направлению потому, что признают указанную связь между оправданными убеждениями и чувственным опытом.

Однако, отмечает ван Фраассен, всякая серьезная попытка уточнить этот тезис наталкивается на крупное препятствие: распространяется ли он на самого себя? Ведь он говорит обо *всех* убеждениях — каждое из них должно находиться в определенном отношении к чувственному опыту. Но если эмпиризм сам по себе обоснован, как, несомненно, думают эмпиристы, он *сам* должен удовлетворять этому требованию. В чем же тогда его связь с опытом? На первый взгляд тезис эмпиризма, в отличие, скажем, от утверждения о существовании тыкв, слишком далек от какого-либо опыта, который мог бы его подтвердить.

Можно попытаться решить проблему, истолковав требуемую связь с опытом весьма свободно. Но тогда мы рискуем допустить многочисленные представления о мире, которые эмпирист как раз собирался исключить. Как подчеркивает ван Фраассен, эмпиристы обычно выступали против того, что они назы-

вали метафизикой (что именно имеется в виду, для нас сейчас несущественно). Если понимать связь с опытом достаточно широко, допустимыми окажутся и эмпиризм, и метафизика; если же понимать ее строго, то вместе с метафизикой будет исключен сам эмпиризм. Итак, эмпиризм либо слишком строг и объявляет себя самого неправомерным, либо слишком снисходителен и теряет философский смысл.

Чтобы выйти из затруднения, ван Фраассен предлагает считать эмпиризм не убеждением и не тезисом, а особой установкой (stance):

> Философская позиция может состоять не только в убеждении относительно устройства мира. Например, наиболее существенной чертой эмпириста можно считать его отношение к науке, а не его представления о ней. Тогда возникает следующее предположение… Философская позиция может состоять в некоторой установке (отношении, приверженности, подходе или их сочетании, возможно включающем и пропозициональные установки — такие как убеждение). Конечно, такая установка может быть выражена словами, а также включать или предполагать определенные убеждения, но ее нельзя попросту отождествить с обладанием убеждениями или с высказыванием утверждений о существующем. (2002: 47–48)

Если приверженность эмпиризму — установка в смысле ван Фраассена, то проблемы его формулировки могут исчезнуть. По крайней мере, опасность самоприменения в прежнем виде отпадает: если эмпиризм касается суждений, но сам не является суждением, ему незачем применять собственное требование к себе.

Физикализм не сталкивается с проблемой самоприменения точно в той же форме, что эмпиризм. И все же мысль о том, что философские позиции следует понимать как установки или способы отношения к предмету, а не как убеждения, может быть полезна и нам. Можно ли таким образом разрешить проблему формулировки физикализма? Ван Фраассен прямо отвечает утвердительно. Физикализм, по его словам,

> отождествим не с теорией о том, что существует, а лишь с определенным отношением или совокупностью отношений. Сюда входит сильная склонность полагаться на современную науку при формировании представлений о том, что существует. Сюда же относится готовность (а возможно, и обязательство или по крайней мере намерение) принимать утверждения о (приблизительной) полноте науки в том виде, какой она имеет в данное время. (2002: 59)

Если перевести это предложение на язык нашего обсуждения, окажется, что, согласно ван Фраассену, и скептик, и убежденный сторонник неправы. Первый утверждает, что нет истинного и подлинного тезиса физикализма; второй — что такой тезис есть. Но обе стороны ошибаются, поскольку исходят из предположения, будто физикализм непременно должен быть тезисом. Ван Фраассен отвергает именно это предположение. Неудивительно, что скептик не может отыскать правильную формулировку того, чего вообще нет. Столь же неудивительно, что убежденный сторонник чувствует себя неуверенно, объявляя такую формулировку найденной.

Почему ван Фраассен считает приверженность физикализму — а может быть, и сам физикализм — установкой? Его главное наблюдение состоит в том, что физикалисты способны постоянно пересматривать свои взгляды вслед за открытиями науки. По его мнению, такая способность показывает, что приверженность физикализму не сводится к одному определенному убеждению:

> Как установить, что действительно составляет содержание материализма? Наш главный ключ — очевидная способность материалистов менять содержание своего основного тезиса по мере изменения науки. Если понимать буквально утверждение материалиста о том, что его позиция — простое убеждение, возникает неразрешимая загадка: ведь этим убеждением было бы, что все состоит из материи в ее нынешнем понимании. Но если дело только в этом, откуда материалисту знать, как отступать, когда его любимые научные гипотезы терпят неудачу? (2002: 58)

Отрицательные суждения ван Фраассена о тезисе физикализма во многом напоминают позицию скептика. Однако его положительное предложение существенно отличается от скептического. Скептик, как мы видели, обычно считает, что нет вообще никакой близкой по смыслу непротиворечивой позиции. Ван Фраассен же полагает, что непротиворечивая позиция есть — просто придерживаться ее значит придерживаться определенной установки, а не верить в отдельный тезис.

9.9. Оценка идеи установки

Как оценить предложение ван Фраассена? Как и отказ от концептуального анализа, оно привлекательно тем, что обещает вывести нас за пределы спора скептика с убежденным сторонником. Но я сомневаюсь, что примирение удастся найти именно таким путем. Проблема здесь в том, что вовсе не ясно, помогает ли истолкование физикализма как установки понять, что значит быть физикалистом. Снова приведу два соображения.

Во-первых, установка, описанная ван Фраассеном, не может быть обязательной для физикалиста: можно придерживаться физикализма, не разделяя этой установки. Описывая соответствующую установку, ван Фраассен прямо ссылается на физику и физическую теорию. Однако вполне возможно быть физикалистом, не имея никаких представлений о физике. Вспомним древнегреческого философа Демокрита. Было бы нелепо утверждать, что он занимал определенную позицию по отношению к физике своего времени: института науки, а значит и физики в этом смысле, тогда просто не *существовало*. Следовательно, Демокрит никак не мог обладать описанной ван Фраассеном установкой; но Демокрит *был* материалистом — одним из первых.

Можно возразить, что такое рассуждение доказывает слишком много. Ведь, как мы увидели в главах 3–5, почти любая разумная версия физикализма так или иначе обращается к физической теории. Разве тогда проблема Демокрита не затрагивает все эти версии? Нет, потому что здесь следует различать физическую теорию и физику как общественный институт. В других определениях физикализма физическая теория понима-

ется абстрактно — как описание природы, поведения и строения обычных физических предметов. В столь широком смысле собственная физика была и у Демокрита. Чего у него не было, так это институционально сложившейся науки, в частности физики.

Теперь можно ответить: что годится для других определений, должно подойти и ван Фраассену. Если они используют абстрактное понятие физической теории, почему и ему не поступить так же? Его предложение, несомненно, можно развить в этом направлении, но неясно, сохранится ли тогда что-либо от первоначальной идеи. Ведь теперь речь пойдет об установке по отношению к определенной теории, то есть к чему-то, что может быть истинным или ложным. А в таком случае трудно понять, чем установка отличается от убеждения в истинности некоторого суждения.

Итак, установка по отношению к физике не необходима для физикализма. Второе мое соображение состоит в том, что она также недостаточна. Предположим для определенности, что «придерживаться установки» означает быть склонным верить в некоторые утверждения — например в то, что современная физика раскрывает всю истину о мире. Можно понимать это как интеллектуальную привычку, предрасположенность или правило формирования убеждений. В первом приближении у Гоббса и Смарта такая склонность действительно имелась. Это приятно: мы нашли нечто общее между людьми, которые называли себя «материалистами», несмотря на три столетия развития науки между ними. Кроме того, это общее нельзя оценивать как истинное или ложное: в отличие от самих убеждений, склонности иметь убеждения не обладают истинностным значением. О чьей-то интеллектуальной привычке нельзя спросить: «Правда ли это?» — хотя относительно его убеждения такой вопрос вполне уместен. Казалось бы, предложение ван Фраассена приносит плоды.

Однако первое впечатление обманчиво. Как только мы признаем, что Гоббса и Смарта объединяет такая предрасположенность, становится ясно: ею могут обладать и люди, которые вовсе не являются физикалистами в обычном смысле. Снова вспомним двойника Смарта из дуалистического мира — дуа-

листического Смарта. (С тем же успехом можно было бы взять двойника Гоббса.) Он тоже может быть склонен считать, что современная или, во всяком случае, действительная физика сообщает полную истину о мире. Но дуалистический Смарт не является физикалистом. Следовательно, выделенная ван Фраассеном установка недостаточна для физикализма.

9.10. Физикализм необязателен в дискуссиях о нем

Мы обратились к предложению ван Фраассена понимать физикализм как установку и к критике концептуального анализа ради одной цели: выйти из спора между скептиком и убежденным сторонником. Если хотя бы одно из предложений верно, значит, обе стороны исходят из ложной общей предпосылки. Но предложение ван Фраассена не выдерживает проверки, а отказ от концептуального анализа, верен он или нет, почти не затрагивает наших проблем.

Остается третий путь. Помимо того что обе стороны принимают физикализм за тезис, они разделяют еще одно допущение: если физикализм по своей природе таков, как утверждает скептик, то его использование в философии неправомерно. Скептик применяет это условное утверждение совершенно открыто: *от* сомнений в самом тезисе он переходит к выводу о неправомерности его философского употребления. Убежденный сторонник использует ту же предпосылку, но рассуждает в обратном направлении: *поскольку* употребление физикализма в философии оправданно, сам тезис должен обладать надлежащим содержанием.

Чтобы яснее это увидеть, еще раз воспроизведем аргумент, вокруг которого идет спор:

> P1. Формулируя физикализм, мы должны исходить либо из исходной концепции, либо из некоторой ее расширенной версии.
>
> P2. Исходная концепция позволяет сформулировать тезис, заслуживающий названия «физикализм», но этот тезис ложен.

> Р3. Расширенная версия исходной концепции позволяет сформулировать истинный тезис, но он не заслуживает названия «физикализм»: он либо истинен в возможных мирах, где физикализм не должен быть истинным, либо ложен там, где физикализм не должен быть ложным.
>
> *С*. Не существует версии физикализма, одновременно истинной и заслуживающей своего названия.

Обе стороны, по существу, добавляют к аргументу еще одну посылку:

> Р4. Если не существует версии физикализма, одновременно истинной и заслуживающей своего названия, то философские проблемы и аргументы, сформулированные в терминах физикализма, разумнее отвергнуть, а не принимать всерьез и обсуждать; иными словами, разумнее отказаться от стандартной картины.

Из Р4 и *С* следует новое заключение:

> *С#*. Философские проблемы и аргументы, сформулированные в терминах физикализма, разумнее отвергнуть, а не принимать всерьез и обсуждать.

Скептик принимает *С#*; именно оно придает его позиции большую часть ее интереса. Убежденный сторонник отрицает *С#*: его ссылка на философскую практику как раз и предназначена для этого. Однако обе стороны считают Р4 истинной. Скептику она нужна, чтобы перейти от метатезиса *С* к заключению *С#*. Убежденному стороннику — чтобы от *ложности С#* заключить к ложности *С*, а затем отвергнуть Р3. (Напомню, ранее мы установили, что он отрицает именно Р3.)

Но как только мы заметили согласие обеих сторон относительно Р4, обнаружился способ преодолеть их разногласие: отвергнуть Р4. Она гласит, что скептицизм относительно самого тезиса физикализма влечет скептицизм относительно его философского употребления. Между тем это вовсе не очевидно. Возможно, некоторый философский тезис играет лишь несущественную роль в формулировке философской проблемы. Так, физикализм может занимать несущественное место в рассужде-

ниях, в которых фигурирует: в аргументах, якобы направленных за него или против него, принципиальное значение может иметь не физикализм, а нечто другое. Если это так, можно отчасти согласиться с обеими сторонами. Убежденный сторонник (по большей части) прав, что философское использование тезиса оправданно; скептик (по большей части) прав, что сам тезис неприемлем.

Разумеется, пока это только предположение. Действительно ли физикализм играет несущественную роль в тех рассуждениях, где он появляется? Чтобы ответить, нам предстоит обратиться к третьему вопросу, обозначенному во введении: вопросу об истинности и ложности физикализма, в особенности — к аргументам за и против него. Им и будут посвящены две последние главы.

Итоги

В этой главе мы вернулись к дилемме, с которой столкнулись в главе 4 при попытке сформулировать физикализм. Мы рассмотрели две крайние реакции — скептика и убежденного сторонника — и убедились, что обе неудовлетворительны, но обе содержат долю истины. Затем мы обсудили три пути выхода из их спора: отказ от концептуального анализа, отказ от представления о физикализме как о тезисе и различение самого тезиса физикализма и разнообразных способов его философского употребления. Наиболее перспективным оказался третий путь.

Рекомендуемая литература

Скептические взгляды, пусть и не вполне прямо, выражены у Чомски (Chomsky 2000) и ван Фраассена (van Fraassen 2002); см. также Mellor 1973 и Crane and Mellor 1990. Позицию убежденного сторонника можно найти у Джексона (Jackson 1998) и Папино (Papineau 2001). При внимательном чтении выяснится, что оба, отвечая на рассматриваемые трудности, пользуются одной фразой: «Проблема скорее кажущаяся, чем реальная». Но какая именно проблема оказывается кажущейся? О современном обсуждении концептуального анализа см. Williamson 2008; об экспрессивистском подходе ван Фраассена — van Fraassen 2002. Несколько более подробное изложение идеи о несущественной роли физикализма в рассуждениях о физикализме см. Stoljar 2006.

ГЛАВА 10

Аргументы против физикализма

10.1. Супердегустаторы

Представим себе особый вид существ — супердегустаторов. Во всех физических отношениях они в точности такие же, как мы. Мир, в котором они живут, физически ничем не отличается от нашего. Подобно тому как устройство нашего мира описывается грандиозной научной историей — Большой взрыв, дрейф континентов, эволюция посредством естественного отбора и так далее, — устройство мира супердегустаторов описывает такая же история; точнее, та же самая история. Их мир совпадает с нашим до последнего атома — или до того, что современная физика признает фундаментальным вместо атомов. Значит ли это, что оба мира *во всем* тождественны? Нет. Есть одно небольшое различие: для супердегустаторов горькое кажется более горьким, а сладкое — более сладким.

Например, чай с женьшенем для нас слаще зеленого чая; то же верно и для супердегустаторов. Но когда супердегустатор пробует чай с женьшенем — физически точно такой же, как наш, — он ощущает большую сладость. Иначе говоря, вкус кажется ему в некоторой степени слаще, чем кажется нам в тех же обстоятельствах. Если бы вы пережили в точности такое же феноменальное ощущение, какое испытывает ваш двойник-супердегустатор, пробуя этот чай, вы сочли бы его вкус более сладким по сравнению со своим обычным ощущением. И наоборот: если бы супердегустатор испытал такое же ощущение, какое испытываете вы, этот вкус показался бы ему менее сладким, чем обычно.

Разумеется, различие между нами и супердегустаторами никак не отражается ни на внешнем поведении, ни на обработке информации. Ведь их мир физически точно повторяет наш, а значит, их когнитивные и неврологические системы физически тождественны нашим. В частности, они ведут себя и склонны вести себя точно так же, как мы. Если бы мы попробовали чай с женьшенем и обнаружили, что он слаще ожидаемого, мы бы об этом сказали; супердегустаторы поступили бы так же. Тем не менее сам вкус для них более сладок, пусть даже лишь немного. Словом, мир супердегустаторов совпадает с нашим во всех деталях, кроме того, что некоторые их переживания как бы усилены по определенному феноменологическому измерению.

Возможны ли супердегустаторы? На первый взгляд — да. Ведь мы можем их вообразить, или помыслить. (По крайней мере, кажется, что можем: разве мы только что этого не сделали?) А мы часто полагаем, что мыслимое тем самым возможно. Но если супердегустаторы действительно возможны, физикализм ложен. Согласно физикализму, каждое свойство, инстанцированное в действительном мире, с необходимостью обусловлено некоторым физическим свойством. Мир супердегустаторов служит контрпримером к этому утверждению. С одной стороны, физические свойства обоих миров ничем не различаются: в них истинна одна и та же научная история. С другой стороны, между ними имеется различие в инстанцированных свойствах — в частности, в свойствах, связанных со вкусом чая с женьшенем. Значит, возможность супердегустаторов несовместима с физикализмом. А поскольку они, по-видимому, возможны, физикализм ложен.

10.2. Аргумент мыслимости

Только что изложенное рассуждение — один из вариантов так называемого аргумента мыслимости (conceivability argument), или модального аргумента против физикализма. В дальнейшем я буду пользоваться первым названием. Как оценить этот аргумент? В этой главе мы рассмотрим его и некоторые другие возражения против физикализма. Нас, конечно, будет интересовать, являются ли эти аргументы убедительными. Но другой

вопрос, для нас даже более важный, — какую роль в них играет сам физикализм. В конце предыдущей главы мы высказали предположение, что физикализм не играет существенной роли ни в одном разумном рассуждении, в котором он фигурирует. Теперь нам предстоит проверить это предположение применительно к аргументу мыслимости и другим аргументам против физикализма.

Начнем с нескольких замечаний о структуре и правдоподобии аргумента.

10.2.1. Формулировка

Аргумент мыслимости (АМ) можно сформулировать по-разному. Мы будем использовать следующий, сравнительно ясный вариант:

> С1. Мыслимо, что существует существо, которое совпадает со мной относительно всех физических истин, но отличается от меня относительно некоторой психологической истины. (Например, мыслимо, что существует супердегустатор, физически точно такой же, как я, но воспринимающий чай с женьшенем как более сладкий.)
>
> С2. Если мыслимо существо, совпадающее со мной относительно всех физических истин, но отличающееся относительно некоторой психологической истины, то существование такого существа возможно.
>
> С3. Следовательно, возможно существование существа, совпадающего со мной относительно всех физических истин, но отличающегося относительно некоторой психологической истины.
>
> С4. Если существование такого существа возможно, физикализм ложен.
>
> С5. Следовательно, физикализм ложен.

В таком виде АМ логически правилен и направлен на опровержение физикализма. Он естественным образом распадается на две части. Первая (С1–С3), если ее посылки истинны, устанавливает существование некоторой возможности на основании

воображения или мыслимости; отсюда и название аргумента. Вторая (C4–C5) связывает установленную возможность с ложностью физикализма.

10.2.2. Модальная эпистемология, лежащая в основе аргумента

В АМ, как и в аргументах мыслимости вообще, есть несколько спорных моментов. Первый круг вопросов касается модальной эпистемологии (modal epistemology), лежащей в основе рассуждения: что такое возможность, что такое мыслимость и какая эпистемическая связь существует между ними — или, во всяком случае, какую связь должен предполагать защитник аргумента. На первый взгляд он исходит из того, что мыслимость свидетельствует о возможности, примерно так же, как восприятие может свидетельствовать об актуальном положении дел.

Предположим, я знаю, что на столе стоит чашка чая с женьшенем. Откуда я это знаю? Естественно ответить: я вижу чашку или вижу, что она там стоит. Теперь предположим, я знаю, что чашки зеленого чая на столе сейчас нет, но она *могла бы* там стоять, — иными словами, мне известно, что такая ситуация *возможна*. Откуда это знание? Очевидно, я не могу просто увидеть такую чашку: по условию ее там нет. Но напрашивается другой ответ: я знаю, что чашка зеленого чая могла бы стоять на столе, потому что могу это вообразить или помыслить. В этом и состоит простая идея, согласно которой мыслимость позволяет судить о возможности.

При всей своей простоте эта идея вызывает возражения (см., например, сборник Gendler and Hawthorne 2004). Одни сомневаются, что вообще существует особое состояние мыслимости или воображения — во всяком случае, если считать, что за ним стоит специальная способность (например, Williamson 2008). Другие указывают, что способов понимать воображение и мыслимость слишком много и что утверждение о связи мыслимости с возможностью кажется правдоподобным лишь из-за смешения этих значений. Третьи считают, что аргумент ошибочно предполагает большую надежность суждений о мыслимости, чем суждений о возможности: утверждать, что нечто мыслимо, ничуть не надежнее, чем утверждать, что оно возможно, — а

возможно, это просто одна и та же мысль, выраженная двумя способами.

Эти трудности интересны и совсем не просты. Но за небольшим исключением, к которому мы вернемся ниже, обсуждать их здесь не потребуется. Они ставят под сомнение не то, что аргументы мыслимости вообще имеют какое-то содержание, а отдельные *теории* о том, как устроены такие аргументы. Между тем наша тема — не общая теория аргументов мыслимости.

10.2.3. Область действия кванторов и контингентность

АМ *может* допускать неоднозначность не только из-за разных толкований «мыслимости», но и из-за того, что философы называют областью действия (scope). Возьмем, например, третье положение, С3. Если сделать его кванторную структуру явной, обнаружатся как минимум два прочтения. При первом, которое мы назовем *прочтением с широкой областью действия*, получится:

> С3w. Для всех физических истин t и некоторых психологических истин t^* возможно существование существа, совпадающего со мной относительно t, но отличающегося относительно t^*.

Здесь кванторы «все физические истины» и «некоторые психологические истины» имеют широкую область действия по отношению к оператору «возможно, что». При втором, *узком прочтении* мы получим:

> С3n. Возможно, что для всех физических истин t и некоторых психологических истин t^* существует существо, совпадающее со мной относительно t, но отличающееся относительно t^*.

В этом случае кванторы находятся в области действия оператора возможности.

Различие тесно связано с еще одной спорной особенностью АМ — его отношением к контингентности физикализма. Допустим, С3 истинно: возможно существо, физически точно такое же, как я, но с некоторыми иными психологическими свойствами. Почему это должно угрожать физикализму? Разве физи-

кализм не представляет собой контингентную истину? Если так, почему супердегустаторы не могут существовать — пусть и не в действительном мире? Физикалистов интересует то, что происходит в нашем мире; почему же они должны беспокоиться о других возможных мирах?

С этим возражением — что физикалистам незачем обращать внимание на неактуальные возможные миры — мы уже встречались в главе 7. Оно очень распространено. Физикалисты нередко говорят, едва ли не ударяя кулаком по столу: «Послушайте, меня интересует действительный мир. Какое мне дело до этих возможных случаев!» Но эта распространенная мысль ошибочна. Как мы видели, если физикализм истинен, каждое инстанцированное свойство с необходимостью обусловлено некоторым физическим свойством. Сам этот тезис контингентен, поскольку контингентно, какие именно свойства, включая физические, оказываются инстанцированы. Однако из истинности физикализма все же следует необходимость физикалистского кондиционала: полного физического описания мира должно быть достаточно для полного описания мира. В главе 7 мы выражали эту мысль с помощью предложений, описывающих совокупность физических и всех остальных инстанцированных свойств.

Если же С3 истинно в широком прочтении, то есть истинно С3w, соответствующий психофизический кондиционал контингентен: С3w как раз утверждает существование ситуации, в которой полное физическое описание остается истинным, но некоторое психологическое положение дел отличается от действительного.

То же можно показать, обратившись не к С3, а к С4. Поскольку антецедент С4 совпадает с С3, это положение тоже допускает широкое и узкое прочтения. В широком — именно его предполагает защитник аргумента — оно имеет вид:

> С4w. Если для всех физических истин t и некоторой психологической истины t^* возможно существо, совпадающее со мной относительно t, но отличающееся относительно t^*, то физикализм ложен.

С учетом сказанного очевидно, что C4w, а значит, и C4 истинно. Если антецедент C4w истинен, физикалистский кондиционал не необходим; если же он не необходим, истинен и консеквент C4w. Как я отмечал в главе 7, именно физикалистский кондиционал позволяет связать аргумент мыслимости с контингентным характером физикализма.

10.2.4. Насколько убедительны примеры?

До сих пор спорные вопросы касались самых общих особенностей АМ. Но есть и более конкретные разногласия. В действительности речь идет не об одном аргументе, а о нескольких: все зависит от примера. Я воспользовался супердегустаторами. Другие авторы предлагают мир зомби, населенный существами, физически тождественными нам, но полностью лишенными переживаний и феноменального сознания (например, Chalmers 1996). Еще один пример — инвертированный спектр, когда переживания двух людей «обращены»: один, глядя на траву, испытывает такое же цветовое переживание, какое другой испытывает, глядя на кровь (ср., например, Shoemaker 1982).

Структура аргумента во всех случаях одинакова; различаются лишь возможные миры, мыслимость — а следовательно, и возможность — которых утверждается. Я выбрал супердегустаторов отчасти потому, что этот пример вызывает меньше споров. Действительно, сомнительно, чтобы физически точный мой двойник мог вообще не иметь переживаний. Не менее спорно, чтобы физически тождественный мне человек переживал красный цвет там, где я переживаю зеленый: асимметрии системы цветовых восприятий делают такую замену труднопредставимой (ср., например, Byrne 2004). Пример супердегустаторов выглядит менее проблематичным, поскольку предполагает лишь небольшое усиление переживания по одной феноменологической шкале.

10.2.5. Аргумент мыслимости и аргумент знания

Наконец, следует особо упомянуть близкий к АМ аргумент знания (knowledge argument, АЗ) против физикализма. Обычно его формулируют так: возможно знать все физические факты, не

зная при этом всех психологических фактов, и поэтому физикализм ложен. АЗ тоже можно рассматривать как аргумент мыслимости или модальный аргумент. Только в нем нас интересует не возможность существа, физически тождественного мне, но психологически отличающегося от меня, а возможность для некоторого человека знать все физические факты, не зная всех фактов вообще. Например, можно представить человека, которому известны все физические факты обо мне, но который не знает, ощущаю ли я сладость чая с женьшенем ровно в степени n или же ровно в степени m.

Между АЗ и АМ есть несколько различий. В одном отношении АЗ менее спорен, а в другом — более. Менее спорен он потому, что сама лежащая в его основе возможность не вызывает особых сомнений: в том или ином смысле человек действительно может *знать* все физические истины, не зная всех психологических истин. Но АЗ более спорен в другом отношении: сомнителен переход от этой возможности к ложности физикализма. Несмотря на эти различия, далее я сосредоточусь на АМ. Сказанное о нем можно будет распространить и на АЗ, но специально делать это я не стану.

10.3. Как отвечают на аргумент

Таков один из стандартных вариантов аргумента мыслимости против физикализма. Как можно на него ответить? В первой главе я выделил две общие стратегии. Первая — предложить такое объяснение вкусовых ощущений и других переживаний, при котором их существование совместимо с физикализмом, например бихевиористское или функционалистское. Вторая, преобладающая в новейших дискуссиях, — попытаться показать, что АМ ошибочен, *даже если* у нас пока нет подобного объяснения. Подробно рассмотреть эти стратегии здесь невозможно: сегодня они составляют одну из самых обсуждаемых тем философии сознания. Поэтому я лишь кратко изложу три ответа, принадлежащих второй стратегии. Моя цель — не разобрать все детали, а показать, какими возможностями располагает физикалист.

10.3.1. Апостериорный физикализм

Первый ответ — пожалуй, самый распространенный в недавней литературе — обращается к одной из версий того, что в главе 7 мы назвали апостериорным физикализмом. Как мы не раз отмечали, если физикализм истинен, то существует необходимо истинное условное утверждение — физикалистский кондиционал. Согласно апостериорному физикализму, этот кондиционал необходим, но познается a posteriori. Защитники такого ответа утверждают, что тем самым АМ рушится.

Почему необходимая апостериорная истинность физикалистского кондиционала должна разрушить АМ? Существует несколько способов связать идею необходимого a posteriori с аргументом. Пожалуй, самый прямой опирается на определенное понимание мыслимости. В этой трактовке выражение «мыслимо, что *p*» означает «не является априорным, что не-*p*». Так, сказать «мыслимо, что вода не есть H_2O» означает сказать «не является априорным, что вода есть H_2O». Но в нашем аргументе речь и так фактически идет об отрицании того положения, которое принимает физикалист. *При таком понимании* С1 и С2 можно представить в следующем виде:

> С1*. Не является априорным, что не существует существа, совпадающего со мной относительно всех физических истин, но отличающегося относительно некоторой психологической истины.
>
> С2*. Если не является априорным, что такого существа не существует, то его существование возможно.

Когда аргумент представлен так, защитник необходимого a posteriori объявит его несостоятельным, поскольку С2* ложно. Нам известны необходимые апостериорные истины, опровергающие С2*. Почему физикализм не может оказаться как раз одной из них?

Однако у этого ответа есть две главные трудности. Первая: не очевидно, что в контексте аргумента «мыслимо, что *p*» *действительно* означает «не является априорным, что не-*p*». (Это и есть то место, где, как я предупреждал выше, нам все-таки

придется немного затронуть вопрос о природе мыслимости.) Такое толкование возможно, но не единственно. Можно, например, понимать «мыслимо, что *p*» как «можно вообразить, что *p*» или «кажется возможным, что *p*». Тогда даже если в одном значении мыслимости вторая посылка ложна, из этого не следует, что она ложна при другом понимании.

Вторая трудность: не очевидно, что C2* ложно, даже если истолковать мыслимость через отсутствие априорного знания отрицания. Все зависит от того, как понимать соотношение необходимого и априорного. По мнению некоторых философов, переход от «не является априорным, что не-*p*» к «возможно, что *p*» допустим не всегда, но правомерен в определенных случаях, и АМ относится именно к ним (ср. Chalmers and Jackson 2001). Разумеется, такие утверждения весьма спорны и подвергаются серьезной критике; как уже говорилось в главе 7, подробно разбирать их мы здесь не будем. Однако само существование этих позиций показывает, что одного лишь факта наличия необходимых апостериорных истин еще недостаточно для опровержения АМ.

10.3.2. Стратегия феноменальных понятий

Второй ответ — стратегия феноменальных понятий (phenomenal concept strategy; так я называю ее в Stoljar 2005). Ее общая идея состоит в том, что вместо самих переживаний следует обратить внимание на способы, которыми мы представляем их в мышлении и речи. Точнее, стратегия начинается с наблюдения: всякое изложение АМ предполагает использование феноменальных понятий — например, понятий боли, зуда и тому подобных. Но, утверждается далее, такие понятия обладают особыми чертами. Если должным образом учесть эти черты, станет ясно, что аргумент не работает.

Разные защитники стратегии называют разные действительные или предполагаемые особенности феноменальных понятий. Одни выделяют их эпистемологические свойства; другие рассматривают их как особый вид индексикалов; третьи утверждают, что обладание такими понятиями подчиняется специальному условию — например, конститутивно предпола-

гает наличие соответствующего переживания. Поэтому стратегия феноменальных понятий порождает целый круг вопросов (дополнительные обсуждения и ссылки см. Stoljar 2005 и статьи в Alter and Walter 2007).

Несмотря на многообразие версий стратегии, главные возражения против нее обычно не зависят от деталей ее реализации. Таких возражений по меньшей мере три. Во-первых, утверждается, что стратегия одновременно исключает слишком много и слишком мало. Если бы она была успешной, то опровергала бы и такие аргументы мыслимости, которые, насколько нам известно — или по крайней мере имеются веские основания полагать, — вполне состоятельны. Один из примеров — аргумент идеального актера против бихевиоризма (см. Stoljar 2005). Во-вторых, оспаривается само существование феноменальных понятий, обладающих необходимыми для стратегии особенностями (например, Tye 2009; Stalnaker 2008). В-третьих, наличие феноменального понятия, как утверждают критики, находится в том же отношении к физическим фактам, что и факты об ощущениях. Если это так, стратегия отвечает на первоначальный АМ лишь ценой появления нового, столь же трудного аргумента (см., например, Chalmers 2007 и Levine 2007).

10.3.3. Эпистемическая концепция

Третий и последний ответ, который я рассмотрю, иногда называют эпистемической концепцией (epistemic view) или концепцией неполного знания (incomplete knowledge view). Согласно ей, наиболее разумно предположить, что нам неизвестны некоторые физические или не связанные с переживанием истины. Это предположение позволяет объяснить сразу две вещи: (а) почему АМ и подобные рассуждения настолько убедительны для нашего воображения и (б) почему следовать за ними до их заключения все-таки ошибочно.

Как незнание может служить ответом на АМ? Есть разные способы раскрыть эту связь, но самый простой обращается к первой посылке аргумента:

> С1. Мыслимо существование существа, совпадающего со мной относительно всех физических истин, но отличаю-

щегося относительно некоторой психологической истины (например, мыслим физически тождественный мне супердегустатор, для которого чай с женьшенем слаще, чем для меня).

Согласно эпистемической концепции, мы не вправе принимать эту посылку. Все, на что мы имеем право, — более слабое утверждение, обозначим его C1^:

C1^. Мыслимо существование существа, совпадающего со мной относительно всех *известных* физических истин, но отличающегося относительно некоторой психологической истины (например, мыслим супердегустатор, совпадающий со мной по всем известным физическим фактам, но воспринимающий чай с женьшенем как более сладкий).

Различие между C1 и C1^ состоит в том, что C1^ охватывает квантором лишь известные физические истины, тогда как C1 — все физические истины. Если существуют неизвестные физические истины, имеющие значение для вопроса, — а именно это сторонник эпистемической концепции считает разумным предполагать, — две посылки весьма различны. Одно дело — представить, что феноменальные истины отделимы от известных физических истин; совсем другое — что они отделимы от всех физических истин.

Предположим, различие действительно существенно. Что из этого следует? Если вместо C1 подставить в аргумент C1^, мы неизбежно получим не вывод о контингентной связи феноменальных истин со всеми физическими истинами, а лишь вывод об их контингентной связи с физическими истинами, доступными нашему познанию. Но такой вывод показывает только неполноту наших знаний, с которой физикалист вполне может согласиться.

Привлекательность эпистемической концепции нетрудно понять. То, что мы не знаем многого о природе феноменального сознания, — общепризнанный научный факт, хотя рассуждения о нашем собственном незнании сопряжены с трудностями: в частности, невозможно подробно описать факты, которых мы не знаем. Столь же убедительно на первый взгляд, что недо-

статок знаний сказывается на рассуждениях, основанных на воображаемых случаях, к числу которых относится АМ. Ведь границы нашего воображения, несомненно, зависят от того, что нам известно и чего мы не знаем.

Тем не менее эпистемическая концепция вызывает споры. Многие философы исходят из мысли, которую Витгенштейн выразил знаменитой фразой: по крайней мере для философских целей «все факты … лежат перед нами». Такая установка исключает эпистемическую концепцию, поскольку предполагает, что все существенные для философии факты уже известны. Да и ее защитники нередко придают ей форму, вряд ли привлекательную для новых сторонников. Например, Колин Макгинн (McGinn 1989) отстаивает близкую позицию, но делает главный акцент на том, что мы когнитивно закрыты (cognitively closed) для определенных физических истин: познать их нам не позволяет сама биологическая природа. Подробно разбирать достоинства и недостатки эпистемической концепции здесь я не смогу. (Но отмечу, что лично считаю ее наиболее предпочтительным решением проблемы; см. Stoljar 2006.)

10.4. Роль физикализма в аргументе мыслимости

До сих пор мы излагали АМ и выясняли, верен ли он. Теперь перейдем ко второму вопросу: какую роль играет в нем физикализм?

Прежде всего ясно, что АМ в приведенной формулировке прямо *касается* физикализма: его заключение утверждает ложность этой позиции. А если так, метатезис, который мы обсуждали в главах 4 и 9, кажется для АМ губительным. Метатезис гласит, что нет версии физикализма, которая одновременно (а) истинна и (б) заслуживает этого названия. На первый взгляд он лишает аргумент интереса. Ведь если истинного подлинного физикализма в принципе не существует, какой смысл специально разрабатывать аргумент против него?

Однако следует вспомнить способ избежать этого столкновения, намеченный в конце главы 9. Мы предложили выяснять, какую роль физикализм играет в рассуждениях, где он встречается. Если эта роль несущественна, то смысл и убедительность

рассуждений не должны зависеть от того — если это действительно так, — что нет одновременно подлинного и правдоподобно истинного физикализма.

Применим эту стратегию к АМ. Окажется, что физикализм действительно не играет в нем существенной роли, поэтому трудности интерпретации физикализма не должны затрагивать сам аргумент. Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, если АМ (или аналогичные аргументы) состоятелен, он опровергает не только все версии физикализма, которые мы рассмотрели, но и многие другие тезисы. Во-вторых, все эти тезисы обладают общей чертой: они предполагают, что отличительные свойства переживаний с необходимостью обусловлены какими-то другими свойствами и не отличаются от них метафизически в соответствующем фундаментальном отношении. Иными словами, сам физикализм как учение об устройстве мира отступает на задний план. Для АМ важно не то, что сознание якобы не физично, а то, что оно отлично от всего остального. Рассмотрим оба обстоятельства подробнее.

10.4.1. Если аргумент мыслимости верен, он опровергает не только физикализм

Предположим, мы беседуем с человеком, который — возможно, по веским основаниям — считает физикализм исходной концепции истинным описанием мира. Переубедить его можно было бы, например, обсудив развитие естествознания. Но отложим историю науки. Другой путь — предложить некоторый вариант АМ. Очевидно, что, будь этот аргумент успешным, он опровергал бы физикализм исходной концепции.

Однако им дело не ограничивается. Если АМ верен, он опровергает и другие рассмотренные нами версии физикализма: актуалистский физикализм, физикализм современной теории, двойниковый физикализм и так далее. Возьмем физикализм современной теории. Человек, считающий нынешнюю физику полным описанием мира, придерживается философии природы, весьма далекой от физикализма исходной концепции. Тем не менее АМ направлен и против его позиции. *Mutatis mutandis*, то же справедливо об остальных версиях.

В этом нет ничего неожиданного. Можно даже предположить, что уязвимость перед АМ входит в число признаков, по которым мы узнаем разновидности физикализма. Но круг возможных мишеней аргумента шире. Представим человека, который — опять-таки, возможно, не без оснований — считает, что физика вместе с виталистической биологией дают полное описание мира. Такой человек не физикалист ни в одном привычном смысле. И все же, по крайней мере на первый взгляд, АМ или его соответствующий аналог можно применить и для опровержения такого сочетания витализма с физикализмом. Получается, что аргумент может опровергать и позиции, которые обычно вообще не относят к физикализму.

Более того, неясно, ограничивается ли этот вывод лишь определенным видом антифизикализма. Возьмем человека, придерживающегося традиционной формы дуализма. Он может считать каждого человека сложным целым из тела и души, свойства которой необходимо учитывать при объяснении природы и поведения людей. Вполне возможно, что соответствующим образом измененный АМ подрывал бы и такую позицию. Ведь не очевидно, что мы не можем вообразить существо, полностью совпадающее с нами и по физическим, и по душевным состояниям, но испытывающее переживания, немного усиленные по некоторой феноменологической шкале. Если это возможно, традиционный дуализм становится мишенью АМ наравне с перечисленными теориями.

10.4.2. Аргумент мыслимости и фундаментальные свойства

Итак, успешный АМ опровергал бы не только формы физикализма, но и многочисленные традиционные версии нефизикализма. Возникает вопрос: нет ли чего-то общего у всех учений, на которые направлен аргумент? На первый взгляд общее состоит в том, что, согласно каждому из них, переживания должны с необходимостью обусловливаться чем-то другим. Это очевидно для всех рассмотренных форм физикализма и для антифизикалистских теорий, прибегающих к витализму. Но то же справедливо и для описанной нами формы дуализма: в ней

переживания с необходимостью обусловлены определенными теоретическими сущностями, например свойствами души.

Воспользуемся понятием фундаментального свойства Льюиса, не решая пока, как именно его следует определять. Тогда можно сказать, что все перечисленные учения предполагают нефундаментальность отличительных свойств переживания. Напротив, АМ, если принять его заключение, склоняет нас к мысли, что отличительные свойства переживаний *фундаментальны*. В этом и состоит, если угодно, неприятный вывод, принять который вынуждает аргумент. Если так, то правильная формулировка этого аргумента вообще не обязана упоминать физикализм как тезис об устройстве мира.

10.5. Можно ли обобщить эту стратегию?

В предыдущей главе мы предположили, что физикализм играет несущественную роль во всех разумных рассуждениях, в которых фигурирует. Теперь мы увидели, как такое предположение работает в одном конкретном случае — в аргументе мыслимости.

Но, как говорилось в главе 1, стандартная картина позволяет понимать самые разные философские вопросы как вопросы о том, каким образом разместить или согласовать предпосылки повседневной жизни с физическим миром, то есть с миром, в котором истинен физикализм. Мы называли следующие предпосылки:

- Люди воспринимают вещи и испытывают разнообразные телесные ощущения: вкус, судороги, зуд, тошноту и прочее.
- Люди говорят и думают о мире и друг о друге.
- По крайней мере некоторые слова имеют значение.
- Тела людей и физические предметы вообще обладают цветами, фактурой и вкусами, издают звуки и запахи.
- Тела людей и физические предметы вообще обладают твердостью, имеют объем или заполняют пространство.
- У людей есть основания думать и действовать определенным образом, причем эти основания подлежат нормативной, в том числе моральной, оценке.

- Иногда люди свободны в своих действиях и мыслях.
- Люди участвуют в коллективных решениях и действиях, а действия групп, в свою очередь, влияют на входящих в них людей.
- Существуют математические и логические истины (например, «5 + 7 = 12»), которые люди способны познавать.

Пока мы сосредоточились лишь на ощущениях. Можно ли распространить сказанное о них на остальные случаи?

Здесь, строго говоря, возникают два разных вопроса — общий и частный. Общий вопрос: применима ли в других случаях какая-либо версия стратегии, предложенной в конце главы 9? Стандартная картина описывает целый ряд философских проблем о предпосылках повседневной жизни в терминах физикализма. Существенно ли для постановки этих проблем обращение к физикализму, физическому и т. п.? Более частный вопрос: можно ли перенести на другие случаи *именно тот вариант* стратегии, который мы применили к АМ? В случае сознания оказалось разумным считать основным вопросом не его физическую природу, а его фундаментальность. Верно ли нечто подобное и для других проблем?

Относительно второго, более частного вопроса можно привести доводы в пользу утвердительного ответа. На первый взгляд мы действительно сталкиваемся с рядом философских проблем, касающихся отличительных свойств, вводимых предпосылками повседневной жизни: свободы, морали, значения и так далее. Стандартная картина истолковывает их как проблемы совместимости свободы, морали и прочего с физикализмом. Но такое истолкование несовместимо со скептической позицией, согласно которой подлинного и истинного тезиса физикализма нет. Почему бы вместо этого не понимать все подобные проблемы как вопросы о том, фундаментальны ли свобода, мораль и другие названные характеристики? Тогда скептический взгляд потребует лишь небольшой поправки к стандартной картине. В каждом случае мы будем иметь дело с аргументом о фундаментальности некоторой характеристики — морального факта, факта о свободе и так далее. А поскольку представляется разум-

ным считать эти характеристики нефундаментальными, возникает соответствующая философская проблема.

Это предложение, несомненно, привлекательно; к нему стоит отнестись серьезно. И все же в конечном счете я сомневаюсь, что оно дает удовлетворительное понимание стоящих перед нами философских проблем. Дело не в том, что отрицать фундаментальность перечисленных характеристик ошибочно. Такое отрицание вполне соответствует духу позиции, названной во второй главе натуралистическим платонизмом. Я и сам предпочитаю ее традиционным альтернативам — дуализму, идеализму и физикализму. (Хотя, конечно, можно спросить, является ли она мировоззрением в традиционном смысле.) Проблема в другом: обобщение, будто многочисленные философские проблемы сводятся к вопросу о фундаментальности предпосылок повседневной жизни, мало что сообщает об их действительной природе.

Если внимательнее рассмотреть философскую проблему сознания, становится ясно, что она не является, вопреки распространенному представлению, проблемой размещения сознания в физическом мире. Но при этом выясняется, как я постараюсь показать, что особенности, порождающие проблему сознания, отсутствуют в других случаях. Более того, образы «размещения», «встраивания» и «поиска места» различных сущностей в физическом мире скрывают глубокие различия между философскими проблемами. Как только мы это замечаем, любое краткое обобщение начинает казаться слишком грубым для столь сложного предмета.

Говоря, что конкретная стратегия, использованная нами в отношении сознания, вряд ли переносится на другие случаи, я не имею в виду, что остальные проблемы следует отвергнуть как бессмысленные. Поэтому отрицательный ответ на *частный* вопрос еще не требует отрицательного ответа на *общий*. Напротив, мне кажется вполне вероятным, что общую стратегию предыдущей главы можно применить и к другим проблемам. Не получится, по-моему, лишь воспроизвести в каждом случае точно тот же способ ее осуществления, что и в отношении АМ.

Основная мысль такова: стандартная картина представляет множество философских проблем как проблемы одного рода. Учитывая ее историческое происхождение, это неудивительно: позитивистская картина, из которой она выросла, точно так же стремилась придать философским проблемам единую форму. Но когда мы рассматриваем конкретные проблемы достаточно внимательно, в глаза бросается скорее различие между ними, чем сходство.

Разумеется, подробное сопоставление философских проблем — серьезная самостоятельная задача. Вместо такого всеобъемлющего исследования я кратко рассмотрю в оставшейся части главы три проблемы, которые часто считают аналогичными проблеме сознания. Главный вывод будет состоять в том, что все они существенно отличаются и от проблемы сознания, и друг от друга.

10.6. Интенциональность

Первое из оставшихся рассуждений касается не сознания, а другого аспекта ментальных состояний — того, что современные философы, в общих чертах следуя философу XIX века Брентано, называют *интенциональностью* (intentionality). Интенциональность ментального состояния означает его направленность на что-либо (aboutness). Когда я думаю о Вене, считаю, что компьютер стоит на столе, или опасаюсь дальнейшего потепления планеты, мои ментальные состояния в некотором, не так просто определимом смысле относятся к Вене, к компьютеру на столе или к Земле. Идея состоит в том, что ментальные состояния, как и речевые акты, обладают свойством, напоминающим свойство знаков, предложений и жестов: они отсылают к чему-то иному, чем они сами, или представляют это иное.

Насколько я понимаю, традиционная философская проблема интенциональности возникает из следующего обстоятельства. На первый взгляд направленность на что-то похожа на отношение, которое я, скажем, имею к некоторому предмету. Но при более внимательном рассмотрении становится ясно, что обычным отношением такого рода она быть не может. Здесь есть по меньшей мере три причины:

1. Обычно если я нахожусь в отношении *R* к предмету *o*, этот предмет должен существовать. Но предполагаемое отношение «думать о» устроено иначе. Я могу думать о Вальгалле, хотя Вальгаллы не существует. Точно так же я могу думать о Вене, которая существует, но из самого факта моего размышления о ней еще не следует ее существование.
2. Обычно если я нахожусь в отношении *R* к предмету *o*, то имеется какой-то определенный предмет — именно *o*, — к которому я нахожусь в этом отношении. Но с отношением «думать о» все иначе: я могу думать о мужчине, не имея в виду никакого конкретного мужчину.
3. Обычно если я нахожусь в отношении *R* к предмету *o*, а $o = o^*$, то я нахожусь в том же отношении и к o^*. С мышлением это снова не так. Я могу думать о Вене, а Вена — место рождения Шуберта; но это вовсе не значит, что я думаю о месте рождения Шуберта. Возможно, я вообще никогда о нем не слышал.

Вслед за предложением Майкла Тау (Thau 2002) будем называть эти три обстоятельства парадоксами интенциональности (paradoxes of intentionality).

Существуют разные способы разобраться с парадоксами; здесь мы не станем их обсуждать. Для нас важно, что между ними и физикализмом нет внутренней связи. Иногда утверждают, будто из-за этих парадоксов интенциональность не может существовать в физическом мире, то есть в мире, где физикализм истинен. Возможно. Но то же относится и к нефизическим мирам. Если я физикалист, которого беспокоят парадоксы интенциональности, отказ от физикализма ничего мне не даст: парадоксы сохранятся, даже если физикализм ложен. Предположим, например, что истинен классический дуализм, а я представляю собой соединение обычного физического тела и души. *Даже в этом случае* я не могу находиться в обычном отношении к несуществующим вещам! Итак, парадоксы интенциональности сохраняются независимо от истинности физикализма; следовательно, они не являются проблемами физикализма. Перед нами еще одно подтверждение предполо-

жения предыдущей главы: физикализм играет несущественную роль в философской проблеме интенциональности.

Это, однако, не означает, что все философы понимают ситуацию так же. Вот известные слова Джерри Фодора:

> Полагаю, рано или поздно физики завершат свой список предельных и нередуцируемых свойств вещей. Возможно, в него войдут спин, очарование и заряд. Но направленности на что-либо в нем наверняка не будет; интенциональность не уходит столь глубоко. Учитывая это, трудно представить, как можно быть реалистом относительно интенциональности и при этом не быть в той или иной мере редукционистом. Если семантические и интенциональные свойства реальны, то лишь потому, что они тождественны свойствам, которые сами по себе не являются ни интенциональными, ни семантическими (или, может быть, супервентны им?). Если направленность на что-либо реальна, в действительности она должна быть чем-то другим.
>
> И действительно, … глубочайшее основание интенционального антиреализма состоит не в сравнительно технических затруднениях относительно индивидуализма и холизма, которые мы обсуждали, а в определенной онтологической интуиции: в физикалистской картине мира нет места интенциональным категориям; интенциональность не поддается натурализации. Пора поставить этот вопрос прямо. Что значит для физической системы иметь интенциональные состояния? (1987: 97)

Формулировки Фодора в последней части отрывка явно напоминают стандартную картину. По его словам, основное побуждение к постановке проблемы интенциональности — «глубочайшее основание интенционального антиреализма» — связано с мыслью, что «в физикалистской картине мира нет места интенциональным категориям». Но что Фодор понимает под «физикалистской картиной мира»? Как и большинство сторонников стандартной картины, он не объясняет этого. (В другом месте он замечает: «В наши дни все мы материалисты примерно по той причине, по которой Черчилль был демократом: альтернативы кажутся еще хуже»; Fodor 1994: 292.) Более

того, если спросить, что могло бы означать его выражение, весьма вероятно, что ни одна версия физикализма не способна передать подразумеваемый им смысл. Тогда сомнительно, что глубочайшее основание проблемы действительно таково, как утверждает Фодор.

Нельзя ли истолковать проблему, которую Фодор имеет в виду, не прибегая к физикализму? По существу, мы уже это сделали. Источником проблемы интенциональности можно считать ее парадоксы, которые внутренне никак не связаны с физикализмом. Поэтому, даже если скептик в отношении физикализма прав, это никак не затронет философские проблемы интенциональности.

Можно возразить, что слова Фодора следует понимать иначе — так, чтобы проблема интенциональности оказалась ближе к проблеме сознания. Он, возможно, имеет в виду, что какими бы ни были предельные и нередуцируемые свойства мира, интенциональные свойства к ним не относятся. На языке Льюиса, которым мы пользовались выше, это означает, что интенциональность не фундаментальна. Тогда перед нами встает проблема места интенциональных категорий в мире, который на фундаментальном уровне не является интенциональным.

По-видимому, интенциональность действительно не является фундаментальным свойством. В этом отношении Фодор прав. Но гораздо менее ясно, удается ли таким способом сформулировать собственно философскую проблему интенциональности. Во-первых, в случае ощущений проблема возникала не просто потому, что мы считали отличительные свойства переживаний нефундаментальными, а потому, что это допущение соединялось с положительным аргументом об их фундаментальности — АМ. Для интенциональности никакого соответствующего аргумента, похоже, нет. Во-вторых, горы тоже не фундаментальны. Если одного этого достаточно для возникновения философской проблемы интенциональности, то у Фодора должна возникнуть и философская проблема гор! Но если проблема интенциональности вообще существует, разве она не должна иметь что-то общее именно с интенциональностью? Наконец, если проблема состоит главным образом в том, фун-

даментальна ли интенциональность, она оказывается никак не связана с парадоксами интенциональности, а это очень неправдоподобно. Поэтому сам по себе вполне обоснованный тезис о нефундаментальности интенциональности, по-видимому, не порождает интересующую нас философскую проблему.

Можно, наконец, заметить, что существуют и другие проблемы интенциональности, которые я не рассматривал: например, аргумент «Болван» (Blockhead Argument) Неда Блока (Block 1981) или аргумент «Китайская комната» (Chinese Room Argument) Джона Серла (Searle 1980). Это совершенно верно. Но, на мой взгляд, во всех таких случаях повторится уже выявленная закономерность. Эти аргументы направлены не против физикализма, а против иных позиций: в случае Серла — против вычислительных теорий сознания, в случае Блока — против бихевиоризма и необихевиоризма. Впрочем, здесь я лишь высказываю свое убеждение, не пытаясь специально его обосновать.

10.7. Значение

В отрывке, процитированном нами в первой главе, Хью Прайс говорил о судьбе четырех «М-миров»: значения (meaning), ментального (mentality), морали (morality) и модальности (modality). Пока мы сосредоточились на втором из них — ментальном — и даже на двух его отдельных аспектах: сознании и интенциональности. Четвертый, модальность, кажется мне в этом перечне несколько чужеродным. Сам физикализм отчасти формулируется в модальных терминах. Поэтому, хотя философские проблемы модальности, конечно, существуют, трудно понять, зачем представлять их как проблемы места модального в мире, где физикализм истинен. Но что сказать о двух других «М-мирах», названных Прайсом, — значении и морали? Завершая главу, я рассмотрю их, пусть и *предельно* кратко.

В современной философии проблему значения часто обсуждают в связи с изложением Крипке (1982) витгенштейновских рассуждений о следовании правилу. Насколько я понимаю, проблема возникает из-за связи между фактами о том, что означают слова, — например, что слово «собака» означает

собаку, — и фактами об употреблении слов. Крипке предполагает, что, согласно обыденному пониманию значения, мы в принципе должны иметь возможность «вычитать» (с. 26) семантические истины из истин о том, как мы склонны употреблять слова в разных обстоятельствах. Я понимаю это как концептуальную истину: если семантические факты существуют, то каждый из них должен следовать из некоторого относящегося к делу диспозиционального факта. Однако центральную роль у Крипке играют примеры, показывающие, что значение слова нельзя вывести ни из какого факта о склонности употреблять это слово определенным образом. Получается, что фактов о семантическом значении вообще быть не может: если бы они существовали, их отношение к фактам употребления оказалось бы противоречивым.

Если проблема значения возникает именно так, она, подобно остальным рассмотренным проблемам, не имеет существенной связи с физикализмом. Следовательно, любые трудности его интерпретации оставляют ее нетронутой. Это не значит, что проблему обычно представляют без обращения к физикализму. Например, ее часто понимают как разновидность проблемы интенциональности в изложении Фодора (см. Boghossian 1989; обсуждение близких вопросов — Field 1972). Я лишь утверждаю, что подобная постановка не затрагивает сути проблемы значения — или по крайней мере этой проблемы значения. Суть в том, что значение, с одной стороны, кажется неразрывно связанным с употреблением, а с другой — оказывается не связанным с ним необходимым образом. Если это действительно так, физикализм здесь ни при чем.

10.8. Мораль

Наконец, как обстоит дело с проблемой размещения моральных свойств — например, правильности поступка или ценности некоторого положения дел? В современной философии такие проблемы часто обсуждают на материале примеров вроде знаменитого случая Хармана (Harman 1977), когда мы наблюдаем, как мучают кошку, поджигая ее. Насколько я понимаю, вопрос здесь состоит в том, как мы можем узнать —

если вообще можем, — что подобные действия нравственно дурны. С одной стороны, у нас нет специальной моральной способности, действующей подобно восприятию. Поэтому естественно думать, что о моральной недопустимости поступка мы узнаем путем вывода из знания неморальных фактов о ситуации. С другой стороны, если моральное знание достигается таким выводом, непонятно, почему моральное суждение обладает той побудительной силой, которой оно, по-видимому, обладает. Ведь знание неморальных фактов само по себе, судя по всему, не мотивирует, а простое рассуждение не должно превращать состояние, лишенное побудительной силы, в мотивирующее.

Если проблема морали возникает таким образом, она также не имеет существенной связи с физикализмом и не затрагивается трудностями его интерпретации. Например, переход на позиции дуализма ничем здесь не поможет. Но это не значит, что проблему обычно не связывают с физикализмом: отрывок Прайса вполне естественно истолковать именно так. Я лишь полагаю, что такое истолкование не раскрывает существа проблемы — или, по крайней мере, одной из проблем морали. Суть состоит в том, что наше моральное знание, с одной стороны, кажется результатом обычных способов исследования, а с другой — не может быть сведено к ним. Если это действительно так, данное обстоятельство не зависит от физикализма.

Итоги

В этой главе мы рассмотрели некоторые основные аргументы против физикализма — или, точнее, аргументы, призванные показать, что физикализм несовместим с предпосылками повседневной жизни. Главное внимание мы уделили аргументу мыслимости, но также очень кратко обсудили проблемы интенциональности, языкового значения и морали. Разумеется, возможны и другие аргументы. Тем не менее рассмотренные случаи позволяют проверить предположение, высказанное в конце предыдущей главы: физикализм играет несущественную роль в рассуждениях, в которых фигурирует. Как мы увидели, есть серьезные основания принять это предположение.

Рекомендуемая литература

Подробное обсуждение аргумента мыслимости см. Chalmers 1996, а также статьи в Chalmers 2002; см. также Nagel 1974 и 1986. Мое собственное изложение представлено в Stoljar 2006. Об аргументе знания см. Nagasawa, Ludlow, and Stoljar 2004 и Stoljar 2006. О стратегии феноменальных понятий — статьи в Alter and Walter 2007, а также Stoljar 2005, Loar 1990 и Sturgeon 2000. Интересное обсуждение идеи о несущественной роли физикализма в аргументе знания содержится у Льюиса (Lewis 1988), особенно в разделе «Curiouser and curiouser». Аргумент из раздела 10.4 представляет собой адаптацию рассуждения Льюиса к аргументу мыслимости, хотя, насколько я понимаю, сам Льюис не делает предложенного здесь вывода. По вопросам интенциональности, значения и морали лучше всего обратиться к работам, уже упомянутым в тексте.

ГЛАВА 11

Аргументы в пользу физикализма

11.1. Введение

Один из самых примечательных документов в истории попыток сформулировать физикализм — книга В. И. Ленина «*Материализм и эмпириокритицизм*». Она была написана в 1908 году, когда этот деятель коммунистического движения (впоследствии первый руководитель Советского государства) находился в эмиграции. Ленин полемизировал с философами и физиками, утверждавшими, что некоторые технические достижения физики свидетельствуют в пользу идеализма или даже доказывают его истинность. Для политических взглядов Ленина, опиравшихся на материалистическое мировоззрение, такой вывод был неприемлем. По-видимому, он опасался, что работники верфей и крестьяне станут менее расположены к коммунизму, если убедятся, что его основы противоречат физике. Такая тревога, по меньшей мере, выдает серьезную недооценку того, насколько заняты эти люди. Но даже если мотивы, побудившие Ленина заняться определением физикализма, вызывают вопросы, некоторые его соображения, как я их понимаю, вполне разумны. Если несколько огрубить мысль Ленина, он различает два понятия материи — или, что в данном случае равнозначно, два понятия физического. В одном смысле, важном для споров об идеализме, материальное — это то, что не имеет духовной природы. В другом смысле материя — предмет современной физики.

Стратегия, которую мы рассматривали в предыдущей главе, отчасти напоминает эту. Правда, там мы не обсуждали идеализм (к нему я ненадолго вернусь в заключении). И уж во

всяком случае мы не *определяли* физическое как нементальное или недуховное, хотя я не уверен, что именно такое определение предлагал Ленин. Как мы видели в главе 4 при обсуждении так называемого via negativa, отождествлять физическое с ментальным крайне неправдоподобно. С одной стороны, некоторые свойства могут быть одновременно ментальными и физическими: например, боль, если верна теория тождества сознания и мозга. С другой стороны, могут существовать свойства, не являющиеся ни теми, ни другими, — скажем, élan vital. Между тем via negativa, по крайней мере в простейшей его форме, исключает обе возможности. Следовательно, такое определение следует отвергнуть.

Однако Ленину можно приписать более слабую, но более интересную мысль. Возможно, в философских дискуссиях, которые как будто посвящены физикализму, на самом деле решаются иные вопросы: фундаментально ли сознание, является ли интенциональность отношением, связано ли значение слова конститутивным образом с его употреблением, можем ли мы познавать моральные свойства с помощью признанных методов исследования. Очевидно, такая постановка вопроса очень близка к духу нашего обсуждения.

До сих пор, однако, мы рассматривали аргументы против физикализма — или, по крайней мере, доводы в пользу того, что физикализм несовместим с некоторыми предпосылками повседневного опыта. А что можно сказать об аргументах за физикализм? Именно им посвящена эта последняя глава перед заключением.

11.2. Аргумент от общего впечатления

Как я уже неоднократно отмечал, стандартная картина включает довольно приблизительный аргумент в пользу физикализма. Согласно эпистемологическому тезису — третьему из составляющих ее тезисов — мы должны принимать научную картину мира, какова бы она ни была. Согласно интерпретационному тезису, второй составляющей, физикализм некоторым образом подразумевается современной научной картиной мира. Об эпистемологическом тезисе можно сказать многое, но

он не имеет особого отношения к физикализму, поэтому здесь мы оставим его в стороне. Важнейший для нас вопрос состоит в том, верен ли интерпретационный тезис: действительно ли физикализм подразумевается современной наукой?

Ответить на него гораздо сложнее, чем иногда кажется. Прежде всего он предполагает далеко не очевидную вещь: что у современной науки — чрезвычайно сложного предприятия — вообще *есть* единая картина мира. Так ли это? В первом из двух эпиграфов к этой книге Карл Гиллетт и Барри Лоуэр почти прямо отвечают утвердительно: «У каждой эпохи есть свое *Weltanschauung*, и в значительной части современной философии эту роль играет учение о физикализме». Но почему мы должны считать, что у всякой эпохи, понимаемой как исторический период, есть свое *Weltanschauung*, или мировоззрение? Можно, конечно, предположить, что Гиллетт и Лоуэр неявно определяют «эпоху» через «мировоззрение» и наоборот, так что эпоха *по определению* есть исторический период, для которого характерно определенное мировоззрение. Тогда их утверждение, возможно, истинно, но совершенно неинтересно. Ведь из него уже не следует, что любой исторический период представляет собой эпоху, и тем более не следует, что таков *наш собственный* период.

Но даже если допустить, что у современной науки есть мировоззрение, далеко не ясно, что это мировоззрение — *физикализм*. Все, конечно, зависит от того, что мы называем физикализмом. Предположим, например, что речь идет о защищавшемся Карнапом тезисе: любое высказывание переводимо в физическое высказывание, то есть в высказывание об обычных физических объектах. Едва ли этот семантический тезис можно признать мировоззрением современной науки. Или возьмем учение классических материалистов — Лукреция либо Гассенди: всякое инстанцированное свойство следует из некоторого свойства, характерного для классических атомов. Такой физикализм можно с полным основанием назвать мировоззрением Лукреция, но никак не нашим.

Рассмотрим другой тезис: все с необходимостью следует из физических фактов, под которыми понимается нечто вроде

«фактов, описываемых современной или близкой к ней физикой». Именно его принимают Смарт и другие современные физикалисты. Можно ли считать его нашим мировоззрением? Это, несомненно, более подходящий кандидат, чем два предыдущих. И все же имеются веские основания сомневаться, что физикализм современной теории — так мы называли его в главе 5 — действительно выражает наше мировоззрение. Во-первых, его истинность вызывает возражения, подобные рассмотренным в предыдущей главе. Во-вторых, это чрезвычайно конкретный тезис: об этом свидетельствуют и пример двойниковой Земли из главы 4, и дилемма Гемпеля из главы 5. От мировоззрения мы вправе ожидать общности и способности сохраняться при изменении частных теорий. Но данный тезис при таких изменениях не устоит. В-третьих, он предполагает чрезмерный оптимизм относительно наших познавательных возможностей (ср. Jackson 1982). Если он истинен, мы уже в общих чертах знаем, как устроен мир. Между тем важная черта нашего мировоззрения — если оно у нас есть — состоит, пожалуй, именно в признании глубоких пробелов нашего знания. Мы, исследователи, знаем о мире, в котором живем, лишь отчасти. Поэтому трудно согласиться, что физикализм Смарта и его единомышленников выражает наше мировоззрение.

Можно возразить, что физикализм остается нашим мировоззрением просто за отсутствием лучшего: поскольку им не служат *ни* идеализм, *ни* дуализм, им должен быть физикализм (ср. приведенную в предыдущей главе отсылку Фодора к Черчиллю). Но это рассуждение ошибочно. Из того, что идеализм и дуализм не выражают наше мировоззрение, — если это действительно так, — никак не следует, что его выражает физикализм. Возможно, единого мировоззрения у нас вовсе нет; возможно и то, что им служит иная позиция — например, натуралистический платонизм. Более того, вполне вероятно, что некоторые философы, настаивая на истинности физикализма, фактически имеют в виду натуралистический платонизм.

Есть и более общая трудность. Назвав физикализм мировоззрением современной науки, мы, по сути, уподобим современную научную картину мира (если она существует) одной

из великих картин прошлого — классическому материализму. Но вовсе не очевидно, что классический материализм, с присущей ему установкой на чувственную доступность реальности и познавательный оптимизм, подходит в качестве образца для современной науки. И почему вообще нужно осмыслять современную мысль посредством античных категорий? На первый взгляд гораздо разумнее исходить из самой современной науки и добросовестно пытаться установить, какое мировоззрение она выражает — если вообще выражает какое-либо.

11.3. От общего впечатления к каузальному аргументу

Итак, если бы защита физикализма ограничивалась этим приблизительным аргументом, ее нельзя было бы назвать совсем безосновательной, но она была бы менее убедительной, чем принято считать. Возможно, именно поэтому в последние годы философы обратили пристальное внимание на другой аргумент, использующий принципы каузального рассуждения. Назовем его каузальным аргументом (causal argument). Он не противоречит предыдущему; скорее, его можно понимать как попытку точнее выразить мысль, на которую тот лишь намекает.

Оставшуюся часть главы я посвящу подробному изложению и оценке каузального аргумента. Возможны две несколько различающиеся формулировки — в зависимости от того, рассматриваем ли мы события или свойства. Сначала я изложу версию для событий, затем версию для свойств; главным образом нас будет интересовать вторая. После этого мы оценим аргумент. Как и в предыдущей главе, нас будет занимать не только его убедительность, но и вопрос о том, какое значение для его оценки имеют трудности с формулировкой самого физикализма.

11.4. Версия аргумента о событиях

Первая посылка каузального аргумента в версии для событий — тезис, который часто называют каузальной замкнутостью физического (causal closure of the physical) или полнотой физики. В дальнейшем я буду говорить просто о «каузальной замкнутости». Общая мысль такова: система физических причин и следствий замкнута в том смысле, что каждое следствие в этой

системе имеет причину внутри нее. Эту мысль можно выразить разными способами. Вот один из сравнительно простых:

> (1) Для любого физического события e: если существует событие e^*, вызывающее e, то e^* является физическим событием.

Допустим, я бросил кирпич и разбил окно. Разбитое окно — несомненно, событие, имеющее причину: мой бросок кирпича. Каузальная замкнутость добавляет, что эта причина тоже представляет собой *физическое* событие, поскольку ее следствие — разбитое окно — физично. Заметьте, (1) не исключает беспричинных событий. Возможно, начало Вселенной не имело причины; возможно, существуют случайные беспричинные события. Утверждается лишь, что у всякого физического события, если оно имеет причину, эта причина физична.

Вторая посылка состоит в том, что ментальные события вызывают физические следствия. Это называют каузальной действенностью ментального (causal efficacy of the mental):

> (2) Для любого ментального события e существует физическое событие e^*, которое вызвано событием e.

Представим, что я коснулся горячей плиты и резко отдернул руку. Движение руки, безусловно, физическое событие, а боль — точнее, переход в состояние боли — ментальное. Перед нами пример физического следствия ментального события. Но посылка утверждает больше: каждое ментальное событие имеет некоторое физическое следствие, и это относится не только к боли.

Можно возразить, что утверждение слишком сильное. Правдоподобно лишь то, что *некоторые* ментальные события вызывают физические следствия. Разве не бывает ментальных событий, которые вообще ничего не вызывают или вызывают только другие ментальные события? Здесь возможны два ответа. Во-первых, речь идет лишь о наличии какого-нибудь физического следствия; оно может быть весьма отдаленным и опосредованным. Не так уж смело предположить, что любое ментальное состояние имеет хотя бы отдаленные физические последствия. Во-вторых, сила этой посылки не влияет на нашу оценку кау-

зального аргумента, зато делает его изложение проще. Поэтому оставим ее в таком виде.

Третья посылка — принцип каузальности, который называют принципом отсутствия сверхдетерминации или принципом каузального исключения (exclusion principle). Вначале его естественно сформулировать так:

> (3) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^*, то не существует события e^{**}, которое (а) отлично от e и (б) также вызывает e^*.

Позднее мы увидим, что этот принцип допускает разные толкования. Пока же заметим, что из (1)–(3) следует тождество всякого ментального события некоторому физическому событию. Возьмем ментальное событие — скажем, возникновение боли. По принципу каузальной действенности ментального оно вызывает физическое событие, например движение ноги. Согласно каузальной замкнутости это физическое событие, раз уж оно имеет причину, имеет физическую причину. А мы знаем, что причина у него есть. Но как соотносятся вызвавшая движение боль и физическая причина движения? По принципу исключения эти события не могут быть различными. Следовательно, они тождественны: ментальная и физическая причины движения ноги — одно и то же событие. Значит, возникновение боли тождественно физическому событию.

11.5. Версия аргумента о свойствах

На первый взгляд вывод из (1)–(3), согласно которому всякое ментальное событие является физическим, вполне убедителен. Но какое отношение он имеет к *физикализму* в том смысле, который мы здесь обсуждаем? Мы не раз отмечали, что физикализм — тезис прежде всего о свойствах, а не просто о партикуляриях. События же обычно считают разновидностью партикулярий. Возникновение моей боли происходит в определенном месте и в определенное время — как и Французская революция. Поэтому даже дуалист свойств может согласиться, что каждое ментальное событие тождественно некоторому физическому событию. Но дуализм свойств несовместим

с физикализмом. Тогда непонятно, каким образом событийная версия аргумента *доказывает* физикализм.

Эту трудность можно выразить и иначе, ближе к самому предмету аргумента. Мы часто говорим не только о том, что одно *событие* вызывает другое, но и о том, что определенное *свойство* каузально действенно при возникновении следствия. Если я бросаю кирпич в окно, его *вес* каузально значим для того, что стекло разбивается, а цвет кирпича, по-видимому, нет. Между тем версия для событий ничего не говорит о свойствах. Она оставляет открытым вопрос, необходимо ли следуют из физического свойства, благодаря которым одно событие вызывает другое. И в этом отношении она тоже не затрагивает главную проблему физикализма.

Версия для свойств призвана устранить эти недостатки. Поэтому далее нас будет интересовать именно она. Для ее построения нужно изменить посылки предыдущей версии. Каузальная замкнутость принимает следующий вид:

> (4) Для всякого физического события e: если существует событие e^*, вызывающее e, то (а) e^* — физическое событие и (б) существует физическое свойство F, каузально действенное при причинении e событием e^*.

Каузальная действенность ментального принимает вид:

> (5) Для всякого ментального события e существует физическое событие e^* такое, что e вызывает e^*, и существует ментальное свойство F, каузально действенное при причинении e^* событием e.

Наконец, принцип исключения принимает вид:

> (6) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) отлично от F и (б) также каузально действенно при причинении e^* событием e.

Теперь мы можем заключить не просто, что каждое ментальное событие физично, но и что каждое ментальное свойство является физическим (точнее, каждое каузально действенное ментальное свойство, но пока оставим эту оговорку в стороне).

Допустим, я начинаю ощущать боль. Согласно (5), эта боль вызывает физическое событие — например, движение ноги, — и некоторое свойство боли, скажем ее чрезвычайная мучительность, каузально значимо для этого движения. Но движение ноги — физическое событие. Поэтому, согласно (4), существует физическое свойство, например нахождение моего мозга в нейронном состоянии *N*, каузально значимое для его возникновения. Как соотносятся ментальное свойство — мучительность боли — и физическое свойство — пребывание в нейронном состоянии? По (6), они тождественны. И в общем виде ментальные свойства тождественны физическим. Таким образом, версия каузального аргумента для свойств направлена на доказательство тождества ментальных и физических свойств.

11.6. Каузальный аргумент и разновидности дуализма

У каузального аргумента есть важная особенность: он непосредственно связан с различными разновидностями дуализма. В главе 2 мы различали, в частности, интеракционистский дуализм, эпифеноменализм и дуализм со сверхдетерминацией. По существу, каждая из этих позиций отрицает одну из трех посылок каузального аргумента.

Согласно интеракционистскому дуализму, ментальные события и свойства играют каузальную роль, которая отличается от роли физических событий и свойств, хотя и сходна с ней. Поэтому интеракционист отрицает каузальную замкнутость: он считает *неверным*, что всякий раз, когда одно событие вызывает физическое событие, в первом имеется каузально действенное физическое свойство. Иногда это свойство нефизично и, более того, не следует с необходимостью из какого-либо физического свойства.

Эпифеноменалист утверждает, что некоторые ментальные свойства не имеют каузальной действенности в возникновении физических событий (в некоторых версиях этой позиции — что никакие ментальные свойства такой действенности не имеют). Тем самым он отвергает тезис о каузальной действенности ментального: *неверно*, что всякое ментальное событие вызывает

физическое следствие при каузальном участии некоторого ментального свойства.

Наконец, сторонник сверхдетерминации допускает каузальную действенность ментальных свойств, но лишь при условии, что одновременно и тем же способом действенны другие, отличные от них свойства. Он, таким образом, отрицает принцип исключения: иногда каузальная действенность одного свойства при возникновении события совместима с каузальной действенностью другого, отличного от него свойства.

11.7. Трудности принципа исключения

Мы сформулировали каузальный аргумент, сосредоточились на версии для свойств и рассмотрели его связь с разновидностями дуализма. Насколько же успешен этот аргумент? Начнем с нескольких трудностей принципа исключения, на котором он существенно основывается.

Снова обратимся к его формулировке для свойств:

> (б) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) отлично от F и (б) также каузально действенно при причинении e^* событием e.

Нетрудно увидеть, что (б) ложно. Представим, что движение белого шара вызывает движение красного, а оно, в свою очередь, вызывает движение черного шара. Перед нами цепочка из трех событий — обозначим их «белое», «красное» и «черное»: первое вызывает второе, второе — третье. Красное событие вызывает черное, и, по-видимому, какое-то свойство красного события — например, заключающийся в нем определенный удар — каузально действенно при возникновении черного. Но и белое событие вызывает черное, поскольку оно вызывает красное, а последнее — черное. Кроме того, некоторое свойство белого события, например *другой* удар, также каузально действенно при возникновении черного. Однако действенное свойство белого события отличается от действенного свойства красного. Значит, (б) нарушается.

Чтобы избежать такого результата, (6) следует ограничить *непосредственной* причинностью, а не причинностью вообще. Белое событие действительно вызывает черное, но лишь опосредованно: оно вызывает другое событие (красное), которое уже вызывает черное. Красное же событие вызывает черное непосредственно, не посредством чего-то еще. Поэтому разумно заменить (6) следующим принципом:

> (6*) Для любых событий e и e^*: если e непосредственно вызывает e^* и свойство F каузально действенно при непосредственном причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) отлично от F и (б) каузально действенно при непосредственном причинении e^* событием e.

(6*) устраняет трудность с опосредованной причинностью. Разумеется, если мы заменим (6) на (6*), придется соответствующим образом изменить и другие посылки. Я оставляю читателю самому решить, отражается ли это на убедительности рассуждения.

Вторая трудность: сверхдетерминация кажется вполне возможной, пусть и редкой. Классический пример — расстрельная команда. Заключенный погибает от выстрелов, причем смерть сверхдетерминирована: ее вызвал *как* выстрел солдата А, *так и* выстрел солдата Б. Если такое положение дел возможно, а на первый взгляд оно вполне возможно, то (6), как и (6*), ложно. Ведь оба принципа исключают случай с расстрельной командой, а значит, исключают сверхдетерминацию вообще.

Сторонник принципа исключения может ответить двумя способами. Во-первых, он может утверждать, что при внимательном рассмотрении подобные случаи не нарушают принципа. Например, пуля солдата А попала в заключенного на микросекунду раньше пули солдата Б, поэтому вторая пуля на самом деле не была причиной смерти, хотя стала бы ею, если бы первая промахнулась. Или обе пули вызывают смерть, но пуля А вызывает смерть *определенным образом*, тогда как пуля Б — другим. Проблема с этим ответом в том, что любой кажущийся случай сверхдетерминации, возможно, и удастся описать иначе; однако от ощущения ее эмпирической возможности это нас не избавит. В ней, например, нет никакого противоречия. Между тем все

рассматриваемые версии принципа исключения, по-видимому, отрицают ее априори.

Во-вторых, можно допустить, что сверхдетерминация иногда встречается, но не составляет общего правила. Один из способов — не единственный — отразить эту мысль состоит в том, чтобы распространить принцип исключения не на любые события, а на подавляющее большинство:

> (б**) Для *почти* всех событий e и e^*: если e непосредственно вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) отлично от F и (б) каузально действенно при непосредственном причинении e^* событием e.

Этот принцип допускает сверхдетерминацию как исключение, но отрицает ее как правило. Если она не составляет общего правила, можно было бы заключить, что в отдельном случае, когда ментальное событие вызывает физическое, иной причины не существует: наличие такой причины маловероятно. Иначе говоря, если только мы не предполагаем, что каждый раз, когда человек отдергивает руку от горячего, внутри него разыгрывается нечто вроде истории с расстрельной командой, а это неправдоподобно, мы вправе считать, что в случае ментального сверхдетерминации нет.

11.8. Исключение и различие свойств

Даже если защитнику принципа исключения удастся ответить на две только что рассмотренные трудности, остается третья, гораздо более серьезная. Вернемся к простейшей версии принципа (строго говоря, следовало бы ограничиться непосредственной причинностью и почти всеми событиями, но сейчас эти усложнения можно оставить в стороне):

> (б) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) отлично от F и (б) также каузально действенно при причинении e^* событием e.

Итак, если некоторое свойство *F* каузально действенно при возникновении следствия, никакое *другое* свойство не может быть действенным в том же случае. Но такое требование выглядит слишком сильным.

Это видно из примера Стивена Ябло (Yablo 1992); Ябло приводит и аналогичные примеры для версии принципа, относящейся к событиям. Предположим, мы называем землетрясение сильным, если его магнитуда по шкале Рихтера превышает пять. Во многих обстоятельствах естественно сказать, что сила землетрясения была каузально действенной причиной обрушения здания. Но свойство быть сильным численно отлично от свойства быть лишь немного сильнее порогового уровня, то есть иметь магнитуду лишь немногим выше пяти. Это разные свойства: второе влечет первое, но землетрясение может быть сильным, значительно превышая этот порог. Между тем если окажется, что здание рухнуло вследствие того, что землетрясение было *лишь немного сильнее порогового уровня*, то, согласно принципу исключения, сама *сила* землетрясения не сыграла никакой роли. Но это крайне неубедительно. Нас заставляют признать, что землетрясение было сильным, однако его сила не имела отношения к разрушению здания.

Как ответить на это возражение? На мой взгляд, наиболее перспективный ответ опирается на различия, обсуждавшиеся в главе 8 при рассмотрении дуализма необходимого следования. Мы различали несколько понятий различия: численное, модальное, метафизическое и т. д. В принципе исключения явно используется *некоторое* понятие различия, поскольку там говорится об «отличном» свойстве. Но какое именно? Пример Ябло предполагает численное различие: свойство *F* численно отлично от свойства *G*, если *F* не тождественно *G*. Быть лишь немного сильнее порогового уровня *численно отлично* от того, чтобы просто быть сильным: возможны чрезвычайно сильные землетрясения, значительно превышающие этот порог. А если применить другое понятие — скажем, модальное различие? Свойства *F* и *G* модально различны, если возможно инстанцирование *F* без *G* и, наоборот, *G* без *F*. В этом случае пример Ябло не попадает в цель. Свойства «быть лишь немного

сильнее порогового уровня» и «быть сильным» не являются *модально различными*: они не независимы в модальном отношении, поскольку первое с необходимостью влечет второе.

Разницу можно выразить непосредственно в двух версиях принципа исключения:

> (7) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) численно отлично от F и (б) также каузально действенно при причинении e^* событием e.
>
> (8) Для любых событий e и e^*: если e вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) модально отлично от F и (б) также каузально действенно при причинении e^* событием e.

Пример Ябло угрожает (7), но не (8): свойство землетрясения лишь немного превышать порог силы отличается от свойства быть сильным численно, но не модально. Если верен (8), мы можем признать, что в примере Ябло именно сила землетрясения вызвала разрушение здания.

Однако переход к (8), позволяя избежать этого контрпримера, порождает новые затруднения для каузального аргумента. Во-первых, становится непонятно, действительно ли аргумент доказывает физикализм, *а не* какую-нибудь нефизикалистскую позицию, например дуализм необходимого следования. В главе 8 мы видели, что сторонник этой разновидности дуализма считает ментальные и физические свойства необходимо связанными. Но если принцип исключения следует понимать как (8), то каузальный аргумент доказывает самое большее необходимую связь ментальных и физических свойств. Сторонник дуализма необходимого следования с этим вполне согласен, а значит, аргумент ему ничем не угрожает. (Можно сослаться на примитивное понятие метафизического различия, не совпадающее с модальным, но такой ход возвращает все трудности, рассмотренные в главе 8.)

Во-вторых, вспомним вопрос из главы 6: следует ли формулировать физикализм через тождество или через необходимое следование, то есть выбирать концепцию тождества или концепцию необходимости? В версии для свойств каузальный аргумент должен показывать, что ментальные свойства тождественны физическим. Но формулировка физикализма через тождество сталкивается с серьезными возражениями, прежде всего с аргументом множественной реализации. Поэтому естественно понимать каузальный аргумент так, чтобы его заключением был физикализм необходимого следования. Тогда вновь обнаруживается неспособность отличить физикализм от дуализма необходимого следования.

Наконец, третий вопрос связан со знаменитой трактовкой каузального аргумента Джегвоном Кимом (Kim 1998). Ким предлагает использовать этот аргумент не только в защиту физикализма против дуализма, но и в защиту редуктивного физикализма против нередуктивного. Как отмечалось в главе 8, «редуктивный физикализм» можно понимать по-разному; по-видимому, Ким имеет в виду физикализм, основанный на концепции тождества. Он называет свое рассуждение «местью Декарта» (Descartes' Revenge): аргумент, который физикалисты обращают против дуалистов, можно направить и против некоторых разновидностей самого физикализма, прежде всего против всякой версии, отвергающей концепцию тождества. Но после различения двух версий исключения правота Кима далеко не очевидна. Если мы принимаем (7), физикализм необходимого следования действительно оказывается под угрозой, однако (7), как мы видели, допускает контрпример. Если же принять (8), физикализму необходимого следования опасаться нечего.

11.9. Трудности каузальной замкнутости

До сих пор мы обсуждали возражения против каузального аргумента, сосредоточенные на принципе исключения. Теперь обратимся к другой линии критики — к принципу каузальной замкнутости и его связи с проблемой истолкования физикализма.

В версии для свойств принцип каузальной замкнутости имел вид:

> (4) Для любого физического события *e*: если существует событие e^*, вызывающее *e*, то (а) e^* является физическим событием и (б) существует физическое свойство *F*, каузально действенное при причинении *e* событием e^*.

Насколько это правдоподобно? Ответ явно зависит от значения слова «физический». И когда мы спрашиваем, что оно могло бы здесь означать, оказывается, что защитник каузальной замкнутости сталкивается с аргументом, весьма похожим на уже рассмотренный нами аргумент против физикализма:

> P1. При формулировке каузальной замкнутости мы должны опираться либо на исходную концепцию, либо на некоторую ее расширенную версию.
>
> P2. Если мы опираемся на исходную концепцию, то можем сформулировать каузальную замкнутость в подлинном смысле слова, однако такой тезис ложен.
>
> P3. Если мы опираемся на расширенную версию исходной концепции, то можем сформулировать истинный тезис о каузальной замкнутости. Но он не заслуживает этого названия, поскольку либо (а) истинен в возможных мирах, где никакая версия каузальной замкнутости не должна быть истинной, либо (б) ложен в мирах, где никакая версия каузальной замкнутости не должна быть ложной.
>
> *C*. Не существует версии каузальной замкнутости, которая одновременно истинна и заслуживает своего названия.

Этот аргумент, как и исходный аргумент в конце главы 4, логически корректен. Поэтому, если его посылки правдоподобны, всякая подлинная версия каузальной замкнутости ложна.

Но посылки *действительно* правдоподобны — по причинам, параллельным основаниям исходного аргумента. P1 опирается на представление о физическом свойстве (и, добавим, физическом событии) как о кластерном понятии. P2 правдо-

подобна потому, что каузальная замкнутость в исходной концепции означала бы замкнутость области интуитивно физического. Это неверно: события и свойства, описываемые в понятиях физики здравого смысла, несомненно, имеют причины, которые нельзя описать на языке здравого смысла. Р3 правдоподобна потому, что при расширении понятия физического мы либо получим ложность каузальной замкнутости в мире физики мира-двойника, либо ее истинность в мире классического дуализма, — а не этого добивается защитник каузального аргумента. Итак, при внимании к интерпретации каузальная замкнутость оказывается уязвима для возражений того же рода, что и сам физикализм.

Можно возразить, что разговор о тезисе каузальной замкнутости, «заслуживающем своего названия», не имеет смысла, даже если он уместен применительно к физикализму. Существует устойчивая традиция рассуждений о физикализме и материализме, но нет сопоставимой традиции употребления понятия каузальной замкнутости: его вводят сторонники каузального аргумента. В этом есть доля истины, однако я сомневаюсь, что возражение существенно. Наш аргумент легко переформулировать: говорить не о заслуженном или незаслуженном названии, а о соответствии тезиса замыслам сторонников каузального аргумента. Или же обсуждать не то, заслуживает ли названия сама каузальная замкнутость, а позволяет ли она получить версию физикализма, заслуживающую этого названия.

Другое возражение затрагивает подпосылку Р3(а). Если *физикализм* определяется через физику действительного мира, он действительно будет ложен в возможном мире с иной физикой — например, в мире физики мира-двойника. Именно это обосновывало соответствующую подпосылку первоначального аргумента против физикализма. Но с каузальной замкнутостью дело якобы обстоит иначе. Этот тезис в существенном отношении условный: по существу, он говорит, что если существуют физические события, то выполняются определенные условия. Поэтому в мире физики мира-двойника он не будет ложен, даже если «физическое событие» определено через действительный

мир. Скорее, там вообще не окажется физических событий, и условный характер тезиса позволит считать его истинным.

И здесь возражение содержит зерно истины, но едва ли опровергает нашу критику. Физика нашего мира отличается от физики мира физики мира-двойника, однако две физики отчасти пересекаются. Свойства и события, относимые к физическим в исходной концепции, будут считаться физическими в обоих случаях. Поэтому разумно предположить, что и в мире физики мира-двойника существуют физические события, пусть там и не верна наша физика. Более того, отрицать это было бы совершенно неправдоподобно. Когда Смарт машет рукой, перед нами, несомненно, физическое событие. Почему же взмах руки Смарта-двойника не должен быть физическим?

11.10. Роль физикализма в каузальном аргументе

Итак, тезис о каузальной замкнутости и вместе с ним каузальный аргумент сталкиваются с проблемой, параллельной проблеме самого физикализма. При дальнейшем размышлении этого следовало ожидать. Согласно метатезису, сформулированному в конце главы 4 и вновь рассмотренному в главе 9, не существует версии физикализма, которая одновременно истинна и заслуживает своего названия. Если метатезис верен, то каузальный аргумент в защиту физикализма несостоятелен, поскольку он должен доказывать истинность физикализма. Более того, главный вопрос теперь не в том, «корректен ли каузальный аргумент?», а в том, «где именно допущена ошибка?». Если отвлечься от ранее рассмотренных трудностей исключения, естественно искать ошибку в тезисе о каузальной замкнутости — прежде всего в неоднозначности его истолкования. Одни трактовки позволяют построить аргумент в пользу тезиса, который заслуживает названия «физикализм»; другие — аргумент в пользу тезиса, способного оказаться истинным. Но ни одна не дает аргумента в пользу тезиса, сочетающего оба качества. Если метатезис верен, мы *знаем*, что такого тезиса просто нет.

На этом этапе, однако, стоит вновь обратиться к стратегии, сформулированной в конце главы 9: спросить, действительно ли ссылка на физикализм существенна для тех рассуждений, где он

фигурирует. В предыдущей главе мы применили эту стратегию к аргументу мыслимости и увидели, что его можно понимать как аргумент о фундаментальности ментальных фактов — в особенности фактов о сознании. Нечто подобное можно сказать и о каузальном аргументе. Пусть его представляют как довод *в пользу* физикализма, центральная мысль, по-видимому, состоит не столько в том, что ментальные свойства физичны, сколько в том, что они не являются модально отличными от всех прочих инстанцированных свойств.

Как развить эту мысль? Возьмем посылки каузального аргумента, изменим их с учетом обсуждения исключения и заменим слово «физическое» словом «нементальное». Получим:

(9) Для всех событий e и всех нементальных событий e^*: если свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то F является нементальным свойством.

(10) Для любого ментального события e существует нементальное событие e^* такое, что e вызывает e^*, и существует ментальное свойство F, каузально действенное при причинении e^* событием e.

(11) Для почти всех событий e и e^*: если e непосредственно вызывает e^* и свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, то не существует свойства G, которое (а) модально отлично от F и (б) также каузально действенно при непосредственном причинении e^* событием e.

При таком истолковании каузальный аргумент доказывает, что ментальные свойства с необходимостью следуют из нементальных. Этот вывод кажется мне правдоподобным, а аргумент — достаточно убедительным. Но его убедительность хотя бы отчасти объясняется тем, что аргумент теперь не имеет отношения к физикализму и, следовательно, не затрагивается скепсисом относительно этой доктрины.

Итоги

В этой главе мы рассмотрели два аргумента в пользу физикализма: приблизительный аргумент, основанный на общем впечатлении, и каузальный аргумент. Первый не убеждает именно как довод в пользу физикализма, хотя мог бы оказаться убедительнее в пользу какой-то другой позиции. Второй тоже не настолько силен, как порой представляется. Во-первых, анализ принципа исключения показывает, что даже на собственных основаниях каузальный аргумент не поддерживает физикализм в противовес дуализму необходимого следования. Во-вторых, попытка прояснить слово «физический» обнаруживает отсутствие подходящего его значения. Тогда сторонник аргумента может заменить «физическое» на «ментальное». Но это уже не аргумент в пользу физикализма, а аргумент в пользу того, что не существует ментальных свойств, модально отличных от любого другого свойства. Вывод интересный и правдоподобный, однако физикализмом его не назовешь.

Рекомендуемая литература

Литература о каузальном аргументе чрезвычайно обширна, и мы коснулись лишь ее части. Больше других разработкой этого аргумента занимался Джегвон Ким; лучшим его изложением я считаю Kim 1998. Papineau 2001 связывает каузальный аргумент с проблемами истолкования физикализма приблизительно так же, как это сделано здесь; см. также Sturgeon 2000. Статья Папино, помимо прочего, — прекрасный источник сведений об исторических предпосылках физикализма. О принципе исключения см. Yablo 1992 и Bennett 2003. В Stoljar 2008 рассматривается связь каузального аргумента с понятием различия.

Заключение

Завершим наше обсуждение небольшим упражнением в контрфактической истории. Во введении я отмечал, что к концу XIX века почти все профессиональные философы придерживались той или иной формы идеализма. Затем идеализм утратил свои позиции, а позднее, в «материалистические шестидесятые» — то есть в *1960-е* годы, — аналитическая философия стала преимущественно физикалистской. Теперь представьте, что идеализм не был вытеснен. Я вовсе не прошу вас вообразить, будто идеализм XIX века сохранился на более долгий срок: эта разновидность идеализма кажется мне довольно чуждой современной мысли, прежде всего потому, что в ее интеллектуальной культуре не ощущается столь явного и осознанного влияния логики, какое характерно для аналитической философии. Представьте другое: не физикализм, а идеализм стал *Weltanschauung* современной аналитической философии, при том что развитие логики и науки в целом шло примерно так же, как в действительности.

В таком воображаемом мире типичный философ-идеалист утверждал бы не просто, что все ментально (по причинам, рассмотренным в главе 2), а что всякое инстанцированное свойство с необходимостью следует из некоторого ментального свойства и не является метафизически отличным от него. Чтобы уточнить свою позицию, ему пришлось бы ответить на два вопроса: во-первых, что значит быть ментальным свойством; во-вторых, что значит для одного свойства с необходимостью следовать из другого, не будучи метафизически отличным от него. Второй вопрос уже знаком нам по главам 6–8. Но как быть с первым? Что подразумевает идеалист под «ментальным свойством»?

Вероятно, он начнет с того, что у нас есть интуитивное представление о некоторых ментальных событиях и состояниях: о зуде или о вере в то, что Пекин — столица Китая. Затем он определит ментальные свойства через характерные свойства подобных интуитивно ментальных событий и состояний.

Однако этот путь ведет к затруднениям. Некоторые из них специфичны для идеализма. Например, с логической точки зрения носителями ментальных свойств должны быть субъекты, тогда как носителям физических свойств быть субъектами необязательно. Если *кто-то* испытывает зуд или верит, что Пекин — столица Китая, то обязательно существует тот, кто это испытывает или во что-то верит, — обычно человек или животное. Но для свойства весить триста фунтов вовсе не требуется *субъект*: им может обладать обыкновенный физический предмет. Каким образом идеалист согласует этот факт со своей теорией, остается открытым вопросом.

Даже если оставить проблему субъекта в стороне, в нашем *контрфактическом* мире идеалиста подстерегает другое затруднение. При неизменном развитии науки и логики современные психологические теории будут выходить за пределы характерных свойств интуитивно ментальных состояний и событий. Допустим — прибегнем к заведомо упрощенному примеру, — психологи и нейробиологи обнаружат, что убеждение в том, что Пекин — столица Китая, требует нахождения в определенном субперсональном вычислительно-репрезентационном состоянии, которое назовем COMP. Это состояние не тождественно самому убеждению в том, что Пекин — столица Китая, но объясняет или конституирует это убеждение. Будет ли COMP *ментальным* состоянием? Здесь идеалист попадает в неловкое положение. Как ни посмотри, COMP не является интуитивно ментальным состоянием вроде зуда или убеждения; его отличительные свойства также не принадлежат к характерным свойствам подобных состояний. Но если образцом ментальных состояний для нас служат зуд и другие знакомые переживания, то COMP не ментально, а его свойства не ментальны. В таком случае идеализм оказывается ложным — причем по эмпирическим причинам. (Может показаться странным, что идеализм способен оказаться эмпирически ложным, но не забывайте: я имею в виду вполне современного идеалиста, для которого идеализм — абстрактная, но контингентная доктрина, от которой невозможно отказаться под давлением нескольких экспери-

ментов. Настоящие идеалисты, вероятно, ничего подобного не считают; в контрфактической истории это нас не смущает.)

Чтобы избежать такого вывода, идеалист вынужден расширить понятие ментального свойства так, чтобы оно не ограничивалось характерными свойствами интуитивно ментальных событий и состояний. Например, он может сказать, что ментальное свойство — не только свойство таких событий и состояний, но также, или вместо этого, свойство, выражаемое предикатом теории, которая призвана их объяснить. При таком расширенном понимании COMP вполне может считаться ментальным состоянием, а его свойства — ментальными. Угроза эмпирического опровержения идеализма будет устранена. Но вместе с тем идеалисту станет чрезвычайно трудно сформулировать свою доктрину так, чтобы она выполняла привычную для идеализма философскую функцию. Если соответствующая теория истинна лишь в некотором возможном мире, полученный идеализм окажется истинным в случаях, когда он очевидным образом должен быть ложным; если же теория истинна в действительном мире, идеализм окажется ложным в случаях, когда он очевидным образом должен быть истинным.

Если это верно, наш воображаемый идеалист оказывается в том же положении, что и физикалист, трудности которого мы подробно разбирали в главах 3–5. Естественный способ ввести ключевое понятие — соответственно ментального или физического свойства — подвергается определенному эмпирическому давлению. Чтобы ослабить это давление, реальный физикалист и воображаемый идеалист вынуждены смягчить условия, при которых свойство считается ментальным или физическим. Но после такого смягчения чрезвычайно трудно правильно классифицировать случаи, в которых это понятие должно применяться по философским соображениям. Следовательно, возможно, не существует ни идеализма, ни физикализма, которые были бы одновременно истинными и заслуживали бы своих названий.

Сомневаюсь, что большинство читателей проникнутся сочувствием к нашему контрфактическому идеалисту. Хотя и сегодня у идеализма есть весьма талантливые защитники, большинство философов считает его ложным. Почему? Я не знаю,

что скажут другие, но мне кажется, что идеализм, по крайней мере в исходной форме, ошибочен, поскольку предполагает глубокое сходство фундаментальных структур реальности с теми, о которых мы узнаем, ударившись пальцем ноги. Ударившись, мы чувствуем боль и обычно узнаем о ней нечто, то есть непосредственно знакомимся с ее характерными свойствами. Идеалист полагает, что фундаментальные свойства мира имеют ту же природу. Иначе говоря, ударившись пальцем ноги, мы якобы непосредственно знакомимся с фундаментальным свойством мира. Но я — здесь речь лишь о моем личном убеждении — никак не могу с этим согласиться. Познание основ реальности — трудное дело. Судя по человеческой истории, для построения хотя бы разумной частичной гипотезы о них потребуются около трехсот лет финансирования, сотрудничество множества людей, несколько исключительно проницательных умов, немалая общественная свобода и большое везение. Удар пальцем ноги едва ли относится к перспективным исследовательским методам. Поэтому простейшая версия идеализма представляется мне ложной. Бог не создал нас — если он вообще создал нас — затем, чтобы мы столь легко узнавали фундаментальные факты. А более утонченный идеализм, использующий расширенное понятие ментального свойства? Возможно, он избегает вывода, будто при ударе пальцем ноги мы познаем основы природы. Но далеко не ясно, сохраняет ли такая расширенная версия основной замысел исходной доктрины.

Итак, на мой взгляд, скептическое отношение к идеалисту оправданно. Но тогда трудно понять, почему оно не должно распространяться и на физикалиста. Ударившись пальцем ноги, мы не только испытываем характерную боль, но и сталкиваемся с предметом определенного рода — физическим объектом, например дверной рамой. И физикалист — во всяком случае, сторонник исходной концепции — утверждает, что в этот момент мы знакомимся с некоторыми фундаментальными формами реальности. Однако я снова не могу с этим согласиться. Познавать фундаментальные свойства *трудно*; удары пальцем ноги *едва ли* ведут к успеху. Поэтому простейшая версия физикализма — физикализм исходной концепции —

должна быть ложной. Более утонченный физикализм, расширяющий понятие физического свойства, возможно, избегает вывода, будто удар пальцем ноги знакомит нас с фундаментальными фактами природы. Но сохраняет ли он главное устремление простейшей доктрины? Это совершенно неясно, и именно такую трудность мы обнаруживали на протяжении всей книги.

Проблему идеализма и физикализма можно пояснить иначе: обе позиции возникли в эпоху, когда господствовал здравый смысл. (То же относится и ко всем великим мировоззренческим позициям западной философии — идеализму, физикализму и дуализму.) Если признать, что истинное описание мира выходит за пределы категорий здравого смысла, придерживаться любого из этих традиционных мировоззрений становится трудно. Отсюда, конечно, следует ложность физикализма исходной концепции. Но отсюда же следует, что любая доктрина, одной ногой стоящая в здравом смысле, а другой — в научном исследовании мира, отказывающемся от его категорий, неизбежно столкнется с трудностями. Мы главным образом и пытались понять, как и почему физикализм и другие традиционные мировоззрения оказываются в этом положении.

Теперь оставим контрфактическую историю и вновь сосредоточимся на физикализме. Как мы видели в главах 1 и 9, он интересен не только как философия природы, но и как философия самой философии — тезис, служащий прежде всего для постановки философских вопросов, особенно метафизических вопросов о предпосылках повседневной жизни. Если бы физикализм был только философией природы, проблему его формулировки, вероятно, можно было бы существенно ослабить. Физикалист мог бы просто рассказать, каким ему представляется мир, вовсе не прибегая к слову «физикализм» или родственным терминам. Но в роли философии философии проблема формулировки становится по-настоящему острой. Если скептик прав и не существует физикализма, который (а) истинен и (б) заслуживает этого названия, мы теряем сразу две привлекательные черты соответствующей философии философии: возможность понимать многие проблемы о предпосылках повседневной жизни как проблемы размещения и связанную с этим

возможность видеть в большом классе подобных проблем глубокое единство.

Именно отсюда возникает противостояние скептика и убежденного сторонника физикализма. Скептик отрицает само существование таких проблем; его оппонент отвечает, что существование проблем сомнению не подлежит, а значит, проблема формулировки физикализма должна иметь решение. Но, как мы видели в главах 10 и 11, этого противостояния можно избежать, если признать, что философские рассуждения, в которых упоминается физикализм, в действительности посвящены не ему. Тогда подлинная природа многих философских проблем оказывается совсем иной, чем предсказывает стандартная картина. Дело не только в том, что не все они касаются размещения тех или иных вещей в физическом мире. Они даже не обязательно принадлежат к одному типу. В этом смысле стандартная картина философии становится жертвой трудностей истолкования физикализма.

Можно счесть такой результат нежелательным. Стандартная картина позволяет видеть во множестве философских проблем единое целое. Если наши рассуждения в главах 10 и 11 верны, эти проблемы в действительности весьма различны и их единство исчезает. С эстетической точки зрения это, несомненно, потеря. Но, на мой взгляд, от подобного единства лучше отказаться. Если считать философские проблемы сходными, мы будем склонны искать для них и сходные решения. Тем самым мы упустим возможность предлагать решения разного типа. Так, в главе 10 я отмечал, что мой предпочтительный ответ на аргумент мыслимости — эпистемическая концепция. Она выглядит крайне неправдоподобной, если применять ее, например, к проблеме интенциональности, порожденной представлением об интенциональности как отношении. Если бы обе проблемы по существу были проблемами размещения, это стало бы возражением против эпистемической концепции. Но если проблемы изначально различны, именно такого результата и следовало ожидать. Философские проблемы неодинаковы, и переход от решения одной к решению другой отнюдь не очевиден.

Однако у этой истории есть последний поворот. Как я неоднократно подчеркивал, одна из привлекательных черт стандартной картины состоит в объединении многих философских проблем. Но это лишь один мотив ее принятия и, вероятно, не самый важный. Важнее то, что стандартная картина дает хотя бы частичный ответ на вопрос, чем занимается философия, — вопрос, ярко поставленный Рорти в отрывке из первой главы. Если мы отказываемся от ответа, который давал физикализм, становится непонятно, как отвечать на само возражение. Что же делать?

Для полноценного обсуждения уже слишком поздно, но, думаю, наша книга все же указывает направление. За самой проблемой философии скрывается предположение, что философию и ее проблемы необходимо разместить среди других интеллектуальных занятий, которые заранее считаются совершенно понятными и не вызывающими самостоятельных трудностей. Но это предположение далеко не очевидно. Я, конечно, не утверждаю, будто между научными, философскими и литературными вопросами нет различий. Никто, кто всерьез занимается этими предметами, не станет отрицать их реальности. Однако мысль, что мы уже настолько хорошо понимаем, что такое научная или литературная проблема, что можем на этой основе критиковать либо защищать то или иное представление о философской проблеме, по-моему, сильно преувеличивает современное понимание возможностей человеческого исследования. Возможно, идеальная теория разных видов интеллектуальных проблем, которые человек способен перед собой ставить, действительно проводит подобное тройственное различие. Но предполагать это сейчас преждевременно. Если же идеальная теория не проводит такого различия, то и проблему философии следует отвергнуть как опирающуюся на ложную предпосылку. Неясно, существует ли единое понятие философской проблемы. Но столь же неясно, зачем такое понятие обязательно нужно нам, чтобы объяснить или защитить саму возможность философских проблем.

Глоссарий

Каузальная замкнутость (causal closure). Для событий — принцип, согласно которому у всякого физического события e, если оно имеет причину e^*, эта причина физична. Для свойств — принцип, согласно которому для всякого физического события e, если событие e^* вызывает e, событие e^* физично и некоторое физическое свойство F каузально действенно при причинении e событием e^*.

Кластерные понятия (cluster concepts). Понятия, связанные с целым набором характерных признаков и определяемые через такой набор.

Когерентизм (coherentism). Воззрение, допускающее существование нескольких несовместимых, но внутренне согласованных мировоззрений. В этой книге когерентистом называется сторонник когерентной теории истины.

Мыслимость (conceivability). В одном смысле положение p мыслимо тогда и только тогда, когда его можно вообразить или когда оно кажется возможным. В другом смысле p мыслимо тогда и только тогда, когда отрицание p не является априорно истинным.

Концептуальный анализ (conceptual analysis). Попытка указать не содержащие логического круга и совершенно общие необходимые и достаточные условия применения понятия.

Сознание (consciousness). В приблизительном смысле — свойство ментального состояния, в силу которого пребывание в нем имеет определенный субъективный характер. Иногда его называют «феноменальным сознанием» или просто «опытом». Другие понятия сознания в книге не рассматриваются.

Дуализм (dualism). В общих чертах — учение о существовании психологических свойств и событий, которые не следуют с необходимостью из физических и метафизически отличны от них. Различают дуализм субстанций и дуализм свойств, интеракционистский дуализм, эпифеноменализм и дуализм со сверхдетерминацией.

Эпифеноменализм (epiphenomenalism). Форма дуализма, согласно которой ментальные события и свойства не играют каузальной роли в возникновении физических событий.

Принцип исключения (exclusion principle). Для событий — принцип, согласно которому, если событие e имеет причину e^*, никакое отличное от нее событие не может также быть причиной e. Для свойств — принцип, согласно которому, если свойство F каузально действенно при причинении e^* событием e, никакое другое свойство не является в этом случае каузально действенным.

Фундаментальные свойства (fundamental properties). Особая разновидность свойств — образно говоря, основные «составляющие» мира. Это понятие занимает важное место в философии Дэвида Льюиса.

Концепция фундаментальных свойств (Fundamental Properties View). Физикализм как тезис, что каждое инстанцированное фундаментальное свойство физично.

Дилемма Гемпеля (Hempel's dilemma). Аргумент Карла Гемпеля, который обычно понимают следующим образом: если физикализм определять через современную физику, он ложен (поскольку современная физика, как принято считать, неполна); если же через идеальную физику, неизвестно, что именно он утверждает (ведь содержание будущей идеальной физики нам неизвестно).

Принцип Юма (Hume's dictum). Тезис об отсутствии необходимых связей между различными существующими вещами.

Идеализм (idealism). В общих чертах — тезис, что все существующее ментально или духовно. Он требует уточнения не меньше физикализма.

Концепция тождества (Identity View). Физикализм как тезис, что каждое свойство тождественно некоторому физическому свойству.

Интенциональность (intentionality). Направленность ментального состояния, предложения, речевого акта или знака на что-либо.

Интеракционистский дуализм (interactionist dualism). Разновидность дуализма, согласно которой ментальные события и свойства могут вызывать физические события. Интеракционист отрицает каузальную замкнутость.

Необходимое следование в смысле Крипке (Kripkean necessitation). См. «Необходимое следование».

Материализм (materialism). Традиционное название физикализма; в этой книге «материализм» и «физикализм» используются как взаимозаменяемые термины.

Метафизическое различие (metaphysical distinctness). Существует несколько способов понимать это понятие. Для одних философов оно совпадает с модальным различием; другие считают его примитивным, то есть не подлежащим дальнейшему анализу.

Метафизическое необходимое следование (metaphysical necessitation). См. «Необходимое следование».

Метод случаев (method of cases). Рассмотрение воображаемых случаев или возможностей, позволяющее выяснить условия применения того или иного понятия, слова или тезиса.

Модальное различие (modal distinctness). Свойство F модально отлично от G тогда и только тогда, когда возможно инстанцирование F без G и, наоборот, инстанцирование G без F.

Натуралистический платонизм (naturalistic platonism). В общих чертах — учение, согласно которому всякое свойство с необходимостью следует из некоторого свойства, отличного от свойств, доступных здравому смыслу, непосредственному мышлению и восприятию.

Необходимое следование (necessitation). Для свойств: F с необходимостью влечет G тогда и только тогда, когда во всех возможных мирах инстанцирование F сопровождается инстанцированием G.

Дуализм необходимого следования (necessitation dualism). Тезис, что ментальные и физические свойства метафизически различны, но необходимо связаны между собой.

Концепция необходимости (Necessity View). Понимание физикализма как тезиса, истинного тогда и только тогда, когда каждое свойство с необходимостью следует из некоторого физического свойства.

Нейтральный монизм (neutral monism). Тезис, что каждое свойство с необходимостью следует из некоторого свойства, которое не является ни ментальным, ни физическим.

Номологическая необходимость (nomological necessity). Событие происходит или свойство инстанцируется с номологической необходимостью, если оно происходит или инстанцируется во всех воз-

можных мирах с теми же законами природы, что и в действительном мире.

Численное различие (numerical distinctness). Свойство F численно отлично от свойства G тогда и только тогда, когда F обладает свойством, которого нет у G, то есть F не тождественно G.

Феноменальное понятие (phenomenal concept). В общих чертах — понятие зуда, боли или другого сознательного переживания.

Физикализм (physicalism). В общих чертах — тезис, что все существующее является физическим. В книге он уточняется как тезис, согласно которому каждое инстанцированное свойство с необходимостью следует из некоторого физического свойства и не является метафизически отличным от него.

Плюрализм (pluralism). Развитие дуализма, согласно которому многие свойства относятся к физическому так же, как психологические свойства.

Свойство (property). Признак или характеристика вещи. Свойства могут инстанцироваться в партикуляриях и других свойствах; об инстанцировании самих партикулярий говорить бессмысленно.

Дуализм свойств (property dualism). Учение, согласно которому всякая партикулярия физична, но некоторые свойства не следуют с необходимостью из физических свойств и метафизически отличны от любых физических свойств.

Реализация (realization). Обычно говорят, что свойство F реализуется свойством G тогда и только тогда, когда F — свойство второго порядка, состоящее в обладании некоторым свойством, выполняющим определенную роль, а G — то свойство, которое выполняет эту роль.

Концепция реализации (Realization View). Физикализм как тезис, что каждое свойство либо тождественно некоторому физическому свойству, либо тождественно свойству второго порядка, реализуемому некоторым свойством первого порядка.

Свойство второго порядка (second-order property). В этой книге — свойство обладать некоторым свойством, удовлетворяющим определенному условию.

Семантическая концепция (Semantic View). Понимание физикализма как семантической доктрины, согласно которой всякое высказывание синонимично некоторому физическому высказыванию. Эту концепцию защищал Карнап.

Стандартная картина (standard picture). Распространенное среди современных философов — как физикалистов, так и их оппонентов — понимание физикализма и его роли в философии.

Исходная концепция (Starting Point View). Первоначальная характеристика того, что такое физическое свойство и физикализм.

Дуализм субстанций (substance dualism). Учение, согласно которому наряду с физическими партикуляриями существуют также нефизические партикулярии — например, души, — метафизически отличные от любых физических партикулярий.

Супервентность (supervenience). В общих чертах — зависимость одного множества свойств от другого, при которой различие в свойствах первого множества невозможно без различия в свойствах второго.

Концепция физической теории (Theory View). Тезис, что свойство физично тогда и только тогда, когда оно выражено предикатом физической теории. Эта идея допускает различные версии в зависимости от того, считается ли соответствующая теория истинной в действительном либо в некотором возможном мире, истинной в идеальном пределе либо принимаемой в настоящее время.

Weltanschauung. Картина мира, мировоззрение. См. эпиграф из Фрейда в начале книги.

Литература

Alter, T. and Walter, S. (eds) (2007) *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge*. New York: Oxford University Press.

Appiah, A. (1991) "Racisms." In D.T. Goldberg (ed), *The Anatomy of Racisms*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 5–7.

Armstrong, D. (1968) *A Materialist Theory of the Mind*. London: Routledge & Kegan Paul.

—— (1999) *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bennett, K. (2003) "Why the exclusion problem seems intractable and how, just maybe, to tract it." *Nous*, 37/3: 471–97.

Bickle, J. (2008) "Multiple realizability." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2008 edn, ed. E.N. Zalta). Available at http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/multiple-realizability/.

Block, N. (1981) "Psychologism and behaviorism." *Philosophical Review*, 90: 5–43.

Block, N. and Stalnaker, R. (1999) "Conceptual *analysis*, dualism and the explanatory gap." *Philosophical Review*, 108/1: 1–46.

Boghossian, P. (1989) "The rule-following considerations." *Mind*, 98/392: 507–49.

Boyd, R. (1980) "Materialism without reductionism: what physicalism does not entail." In N. Block (ed.), *Readings in the Philosophy of Psychology*, vol. 1, Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 67–106.

Broad, C.D. (1925) *The Mind and its Place in Nature*. London: Routledge & Kegan Paul.

Broad, C.D. (1960) *Lectures on Psychical Research*. London: Routledge & Kegan Paul.

Byrne, A. (1999) "Cosmic hermeneutics." In J. Tomberlin (ed.), *Philosophical Perspectives*, 13: 347–83.

—— (2004) "Inverted qualia." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, http://plato.stanford.edu/entries/qualia-inverted/.

Campbell, K. (1976) *Metaphysics: An Introduction*. Encino, CA: Dickenson.

Carnap, R. (1959) "Psychology in physical language." In A.J. Ayer (ed.), *Logical Positivism*. New York: The Free Press, pp. 165–98. First publication 1932/33.

—— (2003) *The Logical Structure of the World*. Chicago: Open Court Classics. First publication in German, 1928.

—— (1947) *Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic,* 2nd edn. University of Chicago Press.

Cartwright, N., Cat, J., Fleck, N., and Uebel, T. (1996) *Otto Neurath: Philosophy Between Science and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chalmers, D. (1996) *The Conscious Mind.* New York: Oxford University Press.

—— (1999) "Materialism and the metaphysics of modality." *Philosophy and Phenomenological Research*, 59: 473–93.

—— (2002) *Philosophy of Mind: Contemporary and Classical Readings*. New York: Oxford University Press.

—— (2002) "Consciousness and its place in nature." In S. Stich and T. Warfield (eds), *Blackwell Guide to the Philosophy of Mind*. Oxford: Blackwell, pp. 102–42. (Also printed in D. Chalmers (ed.), *Philosophy of Mind: Classical and Contemporary Readings*, New York: Oxford University Press, 2002, pp. 247–72).

—— (2007) "Phenomenal concepts and the explanatory gap". In T. Alter and S. Walter (eds), *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge*. New York: Oxford University Press, pp. 167–94.

Chalmers, D. and Jackson, F. (2001) "Conceptual *analysis* and reductive explanation." *Philosophical Review*, 110/3: 315–60.

Chomsky, N. (2000) *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge: Cambridge University Press.

—— (2009) "The Mysteries of Nature: How Deeply Hidden?" *Journal of Philosophy*, Vol. CVI, No. 4, April 2009, 167-200.

Crane, T. and Mellor, D.H. (1990) "There is no question of physicalism." *Mind*, 99: 185–206.

Daly, C. (1998) "What are physical properties?" *Pacific Philosophical Quarterly*, 79/3: 196–217.

Davidson, D. (1970) "Mental Events." Reprinted in *Essays on Actions and Events*, New York: Oxford University Press, 1980: 207–24.

Descartes, R. (1641) "Meditations on first philosophy." In J. Cottingham, R.

Stoothoff, A. Kenny, and D. Murdoch (eds and trans.), *The Philosophical Writings of René Descartes*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Devitt, M. (1996) *Coming to Our Senses: A Naturalistic Program for Semantic Localism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dijksterhuis, E.J. (1961) *The Mechanization of the World-Picture*. Oxford: Clarendon.

Dowell, J.L. (2006a) “Formulating the thesis of physicalism.” *Philosophical Studies*, 131/1: 1–23.

—— (2006b) “The physical: empirical, not metaphysical.” *Philosophical Studies*, 131/1: 25–60. Dupré, J. (1993) *The Disorder of Things*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Dyke, H. (2009) (ed) *From Truth to Reality*. London: Routledge.

Eddington, A.S. (1928) *The Nature of the Physical World*. London: J.M. Dent & Sons.

Evans, G. (1983) *The Varieties of Reference*. Oxford: Oxford University Press.

Feigl, H. (1958) “The ‘mental’ and the ‘physical’.” In H. Feigl, M. Scriven, and G. Maxwell (eds), *Concepts, Theories, and the Mind–Body Problem*, *Minnesota Studies in the Philosophy of Science,* vol. 2. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 370–97.

Feinberg, G. (1966) “Physics and the Thales problem.” *Journal of Philosophy*, 63/1: 5–17.

Field, H. (1972) “Tarski’s theory of truth.” *Journal of Philosophy*, 69, 347–75.

—— (1992) “Physicalism.” In J. Earman (ed.), *Inference, Explanation and Other Frustrations*. Berkeley: University of California Press, pp. 271–87.

Fine, K. (1994) “Essence and modality.” In J. Tomberlin (ed.), *Philosophical Perspectives 8: Logic and Language*: 1–16.

Fodor, J.A. (1974) “Special sciences (or, The disunity of science as a working hypothesis).” *Synthèse*, 28: 97–115. Reprinted in N. Block (ed.), *Readings in the Philosophy of Psychology*, vol. 1. Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 120–33.

—— (1987) *Psychosemantics*. Cambridge, MA: MIT Press.

—— (1994) “Fodor, Jerry A.” In Samuel Guttenplan (ed.), *A Companion to the Philosophy of Mind*. Oxford: Blackwell, pp. 292–300.

Foster, J. (1982) *The Case for Idealism*. London: Routledge. van Fraassen, B.C. (2002) *The Empirical Stance*. New Haven, CT: Yale University Press.

Freud, S. (1995) *The Freud Reader* (ed. Peter Gay). London: Vintage.

Friedman, M. (1975) “Physicalism and the indeterminacy of translation.” *Nous*, 9/4: 353–74.

Gates, G. (2001) “Physicalism, empiricism, and positivism,” in C. Gillett and B. Loewer (eds), *Physicalism and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 251–67.

Gendler, T.Z and Hawthorne, J. (eds) (2004) *Conceivability and Possibility*. Oxford: Oxford University Press.

Gillett, C. and Loewer, B. (eds) (2001) *Physicalism and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gillett, C. and Witmer, D.G. (2001) "A 'physical' need: physicalism and the via negativa." *Analysis*, 61: 302–9.

Goodman, N. (1978) *Ways of Worldmaking*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Harman, G. (1977) *The Nature of Morality: An Introduction to Ethics*. Oxford: Oxford University Press.

Haugeland, J. (1982) "Weak supervenience." *American Philosophical Quarterly*, 19: 93–103.

Hawthorne, J. (2002) "Blocking definitions of materialism." *Philosophical Studies*, 110/2: 103–13.

Heil, J. and Mele, A. (eds) (1995) *Mental Causation.* Oxford: Oxford University Press.

Hellman, G. (1985) "Determination and logical truth." *Journal of Philosophy*, 82/11: 607–16.

Hempel, C. (1949) "The logical analysis of psychology." In H. Feigl and W. Sellars (eds), *Readings in Philosophical Analysis*. New York: Appleton-Century-Crofts, pp. 373–84. (Reprinted in N. Block (ed.), *Readings in the Philosophy of Psychology*, vol. 1, Cambridge: Harvard University Press, 1980, pp. 14–23).

—— (1969) "Reduction: ontological and linguistic facets". In S.

Morgenbesser, P. Suppes, and M. White (eds), *Philosophy, Science and Method: Essays in Honor of Ernest Nagel*, New York: St. Martin's Press, pp. 179–99.

—— (1980) "Comments on Goodman's *Ways of Worldmaking*." *Synthése*, 45: 139–99.

Horgan, T. (1983) "Supervenience and microphysics." *Pacific Philosophical Quarterly*, 63: 29–43.

—— (1993) "From supervenience to superdupervenience: meeting the demands of a material world." *Mind*, 102: 555–86.

Huttemann, A. and Papineau, D. (2005) "Physicalism decomposed." *Analysis* 65: 33–9.

Jackson, F. (1982) "Epiphenomenal qualia." *Philosophical Quarterly*, 32: 127–36.

—— (1998) *From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis*. Oxford: Clarendon.

—— (2006) "On ensuring that physicalism is not a dual attribute theory in sheep's clothing." *Philosophical Studies*, 131: 227–49.

Johnston, M. (1992) "How to speak of the colors." *Philosophical Studies*, 68: 221–63.

Kaplan, D. (1989) “Demonstratives.” In J. Almog *et al*. (eds), *Themes From Kaplan*. Oxford: Oxford University Press, pp. 565–614.

Kim, J. (1993) *Mind and Supervenience*. Cambridge: Cambridge University Press.

—— (1998) *Mind in a Physical World*. Cambridge: Cambridge University Press.

—— (2007) *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kripke, S. (1980) *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

—— (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Oxford: Basil Blackwell.

Lange, F. (1925) *The History of Materialism and Criticism of its Present Importance*, trans. E.C. Thomas. London: Routledge & Kegan Paul. First published in German, in 3 vols, 1875.

Lenin, V.I. (1908) *Materialism and Empirio-Criticism: Critical Comments on a Reactionary Philosophy*. Available at www.marxists.org/archive/lenin/works/1908/mec.

Leuenberger, S. (2008) “Ceteris absentibus physicalism.” In D. Zimmerman (ed.), *Oxford Studies in Metaphysics*, vol. 4. Oxford: Oxford University Press, pp. 145–70.

Levine, J. (2007) “Phenomenal concepts and the materialist constraint.” In T. Alter and S. Walter (eds), *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge*. New York: Oxford University Press, pp. 145–166.

Lewis, D. (1980) “Mad pain and Martian pain.” In N. Block (ed.), *Readings in the Philosophy of Psychology*, vol. 1. Cambridge: Harvard University Press, pp. 216–22.

—— (1983) “New work for a theory of universals.” *Australasian Journal of Philosophy*, 61/4: 343–77. Reprinted in D. Lewis, *Papers in Metaphysics and Epistemology*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 8–55; references to the reprint.

—— (1986a) *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwell.

—— (1986b) “Introduction.” In D. Lewis, *Philosophical Papers*, vol. II. Oxford: Oxford University Press.

—— (1988) “What experience teaches.” *Proceedings of the Russellian Society*, 13: 29–57. Reprinted in D. Lewis, *Papers in Metaphysics and Epistemology*, Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 262–90; references to the reprint.

—— (1994) “Reduction of mind.” in S. Guttenplan (ed), *A Companion to the Philosophy of Mind*, Oxford: Blackwell, pp. 412–31. Reprinted in D. Lewis,

Papers in Metaphysics and Epistemology, Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 291–324; references to the reprint.

Lewis, D. (2002) "Tharp's third theorem." *Analysis* 62/274: 95–7.

Loar, B. (1997) "Phenomenal states." In N. Block, O. Flanagan, and G. Guzeldere (eds), *The Nature of Consciousness: Philosophical Debates*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 597–616.

Ludlow, P., Nagasawa,Y., and Stoljar, D. (eds) (2004) *There's Something about Mary: Essays on Phenomenal Consciousness and Frank Jackson's Knowledge Argument*. Cambridge, MA: MIT Press.

Mackie, J.L. (1973) *Truth, Probability and Paradox*. Oxford: Oxford University Press.

McGinn, C. (1989) "Can we solve the mind–body problem." *Mind*, 98: 349–66.

McLaughlin, B. (1992) "The rise and fall of British emergentism." In A.

Beckerman, H. Flohr, and J. Kim (eds), *Emergence or Reduction? Prospects for Nonreductive Physicalism*. Berlin: De Gruyter, pp. 49–93.

McLaughlin, B. and Bennett, K. (2005) "Supervenience." *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2005 edn, ed. E.N. Zalta). Available at http://plato.stanford.edu/archives/fall2005/entries/supervenience/.

Mellor, D.H. (1973) "Materialism and phenomenal qualities." *Proceedings of the Aristotelian Society, Supp. Vol*., XLVII: 107–19.

Melnyk, A. (1997) "How to keep the 'physical' in physicalism." *Journal of Philosophy*, 94: 622–37.

—— (2003) *A Physicalist Manifesto: Thoroughly Modern Materialism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Montero, B. (1999) "The body problem." *Nous*, 33: 183–200.

—— (2001) "Post-physicalism." *Journal of Consciousness Studies*, 8/2: 61–80.

—— (2009) "What is the physical?". In B. McLaughlin, A. Beckermann, and S. Walter (eds), *Oxford Handbook of Philosophy of Mind*, Oxford: Oxford University Press, pp. 173–86.

Montero, B. and Papineau, D. (2005) "A defense of the via negativa argument for physicalism." *Analysis*, 65/3: 233–7.

Nagel, T. (1974) "What is it like to be a bat?" *Philosophical Review*, 4: 435–50.

—— (1983) *The View from Nowhere*. Oxford: Oxford University Press.

Neurath, O. (1931a) "Physicalism: the philosophy of the Vienna Circle." In R.S. Cohen and M. Neurath, (eds), *Philosophical Papers 1913–1946*. Dordrecht: D. Reidel, 1983, pp. 48–51.

—— (1931b) “Physicalism.” In R.S. Cohen and M. Neurath, (eds), *Philosophical Papers 1913–1946*. Dordrecht: D. Reidel, 1983, pp. 52–7.

—— (1931c) “Sociology and physicalism.” In A.J. Ayer (ed.), *Logical Positivism*. Glencoe: The Free Press, 1959, pp. 282–317. —— (1932/33) “Protocol sentences.” In A.J. Ayer (ed.), Logical Positivism. Glencoe: The Free Press, 1959, pp. 199–208.

—— (1934) “Radical physicalism and the ‘real world’.” In R.S. Cohen and M. Neurath, (eds), *Philosophical Papers 1913–1946*. Dordrecht: D. Reidel, 1983, pp. 100–14.

—— (1946) “The orchestration of the sciences by the encyclopedism of logical empiricism.” *Philosophy and Phenomenological Research*, 6: 496– 508. Reprinted in R.S. Cohen and M. Neurath, (eds), *Philosophical Papers 1913–1946*, Dordrecht: D. Reidel, 1983.

Nietzsche, F. (1973) *Beyond Good and Evil*. Penguin: Harmondsworth.

O’Neill, J. (2004) “Ecological economics and the politics of knowledge: the debate between Hayek and Neurath.” *Cambridge Journal of Economics*, 28: 431–47.

Papineau, D. (2001) “The rise of physicalism.” In C. Gillett and B. Loewer (eds), *Physicalism and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 3–36.

—— (2007) “Must a physicalist be a microphysicalist?” In Jesper Kallestrup and Jakob Hohwy (eds), *Being Reduced: New Essays on Causation and Explanation in the Special Sciences*. Oxford: Oxford University Press, pp. 126–48.

Pettit, P. (1994) “A Definition of Physicalism.” *Analysis*, 53: 213–26.

Poland, J. (1994) *Physicalism: The Philosophical Foundations*. Oxford: Clarendon Press.

—— (2003) “Chomsky’s challenge to physicalism.” In L.M. Antony and N. Hornstein (eds), *Chomsky and His Critics*. Oxford: Blackwell, pp. 29–48.

Price, H. (1997) “Naturalism and the fate of the M-worlds.” *Proceedings of the Aristotelian Society, Supp. Vol*., LXXI: 247–67.

Putnam, H. (1975) “Philosophy and our mental life.” In H. Putnam, *Mind, Language and Reality: Philosophical Papers*, vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 291–303.

Quine, W.V. (1954) “The scope and language of science.” In W.V. Quine, *The Ways of Paradox and Other Essays*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976, pp. 228–45.

—— (1960) *Word and Object*. Cambridge, MA: MIT Press.

—— (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press.

—— (1976) “Whither physical objects?” In R.S. Cohen, P.K. Feyerabend, and M.W. Wartofsky (eds), *Essays in Memory of Imre Lakatos*. DordrechtHolland: D. Reidel, pp. 497–504.

—— (1979) “Facts of the matter.” In R.S. Shahan and C. Swoyer (eds), *Essays on the Philosophy of W.V. Quine*. Norman: University of Oklahoma Press, pp. 155–69.

Ravenscroft, I. (1997) “Physical Properties.” *Southern Journal of Philosophy*, XXXV: 419–31.

Rayo, A. and Uzquiano, G. (eds) (2006) *Absolute Generality*. Oxford: Oxford University Press. Rosen, G. (2010) “Metaphysical dependence: reduction and grounding.” In B. Hale and A. Hoffmann (eds), *Modality: Metaphysics, Logic and Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.

Russell, B. (1917) “Physics and sense data.” In B. Russell, *Mysticism and Logic*. Penguin: Harmondsworth, 1963.

—— (1925) “Preface.” In F. Lange, *The History of Materialism and Criticism of its Present Importance*, trans. E.C. Thomas. London: Routledge & Kegan Paul.

—— (1927) *The Analysis of Matter*, London: Kegan Paul.

Ryle, G. (1949) *The Concept of Mind*. London: Hutchinson.

Schaffer, J. (2003) “Is there a fundamental level?” *Nous*, 37/3: 498–517.

—— (forthcoming) “Limning the true and ultimate structure of reality”.

Schlick, M. (1932/3) “Positivism and realism.” Reprinted in A.J. Ayer (ed.), *Logical Positivism*. Glencoe: The Free Press, 1959, pp. 82–107.

—— (1934) “The foundations of knowledge.” Reprinted in A.J. Ayer (ed.), *Logical Positivism*. Glencoe: The Free Press, 1959, pp. 209–27.

Searle, J.R. (1980) “*Mind*s, brains, and programs.” *Behavioral and Brain Sciences* 3/3: 417–57.

—— (1992) *The Rediscovery of the Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.

Sellars, W. (1956) “Empiricism and the philosophy of mind.” In H. Feigl and M. Scriven (eds), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science,* vol. 1. Minneapolis: Minnesota University Press.

—— (1962) “Philosophy and the scientific image of man.” In R. Colodny (ed.), *Frontiers of Science and Philosophy*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 35–78. Reprinted in W. Sellars, *Science, Perception and Reality*, London: Routledge & Kegan Paul, 1963, pp. 1–40.

Shapiro, L. (2000) “Multiple realizations.” *Journal of Philosophy*, 97: 635–54.

Shoemaker, S. (1982) “The inverted spectrum.” *Journal of Philosophy*, 79: 357–81.

—— (2007) *Physical Realization*. Oxford: Oxford University Press.

Smart, J.J.C. (1959) “Sensations and brain processes.” *Philosophical Review*, 68: 141–56.

—— (1963) *Philosophy and Scientific Realism*. London: Routledge.

—— (1963a) “Materialism.” *Journal of Philosophy*, LX/22: 651–62.

—— (1978) “The content of physicalism.” *Philosophical Quarterly*, 28: 239–41.

Soames, S. (2007) *Reference and Description: The Case Against Two-Dimensionalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Spelke, E. (1994) “Initial knowledge: six suggestions.” *Cognition*, 50: 443–47.

Stalnaker, R. (1996) “Varieties of supervenience.” *Philosophical Perspectives*, 10: 221–41.

—— (2008) *Our Knowledge of the Internal World*. Oxford: Oxford University Press.

Stebbing, L.S (1958) *Philosophy and the Physicists*. New York: Dover Publications. First published 1937.

Stern, D. (2005) “Wittgenstein, the Vienna Circle, and physicalism: a reassessment.” In A. Richardson and T. Uebel (eds), *The Cambridge Companion to Logical Empiricism*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 305–31.

Stoljar, D. (2005) “Physicalism and phenomenal concepts.” *Mind and Language*, 20/5: 469–94.

—— (2006) *Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness*. New York: Oxford University Press.

—— (2008) “Distinctions in distinction.” In J. Kallestrup and J. Hohwy (eds), *Being Reduced: New Essays on Causation and Explanation in the Special Sciences*. Oxford: Oxford University Press, pp. 263–79.

—— (2009a) “Hempel’s dilemma.” In H. Dyke (ed.), *From Truth to Reality: New Essays in Logic and Metaphysics*. London: Routledge, pp. 181–97.

—— (2009b) ‘Physicalism’ In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (http://plato.stanford.edu/archives/fall2009/entries/physicalism/).

Stove, D. (1991) *The Plato Cult and Other Philosophical Follies*. Oxford: Blackwell.

Strawson, G. (2003) “Real materialism.” In L.M. Antony and N. Hornstein (eds), *Chomsky and His Critics*. Oxford: Blackwell, pp. 49–88.

—— (2006) “Realistic Monism – Why Physicalism Entails Panpsychism.” *Journal of Consciousness Studies* 13 (10-11):3-31.

Stroud, B. (1986) “The physical world.” *Proceedings of the Aristotelian Society*, LXXXVII: 263–77.

Stubenberg, L. (2008) “Neutral monism.” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2008 edn, ed. E.N. Zalta). Available at http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/neutralmonism/.

Sturgeon, S. (2000) *Matters of Mind: Consciousness, Reason and Nature*. New York: Routledge.

Sussman, A.N. (1981) “Reflections on the chances for a scientific dualism.” *Journal of Philosophy*, 78/2: 95–118.

Swinburne, R. (1997) *The Evolution of the Soul*. Oxford: Clarendon. First published 1986.

Thau, M. (2002) *Consciousness and Cognition*. New York: Oxford University Press.

Trusted, J. (1999) *The Mystery of Matter*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Tye, M. (2009) *Consciousness Revisited: Materialism without Phenomenal Concepts*. Cambridge, MA: MIT Press.

Unger, P. (1998) “The mystery of the physical and the matter of qualities: a paper for Professor Shaffer.” *Midwest Studies in Philosophy*, 23: 75–99.

Vitzthum, R.D. (1995) *Materialism: An Affirmative History and Definition*. New York: Prometheus Books.

Williamson, T. (2008) *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell.

Wilson, J. (2005) “Supervenience-based formulations of physicalism.” *Nous*, 39/3: 426–59.

—— (2006) “On characterizing the physical.” *Philosophical Studies*, 131: 61–99.

—— (forthcoming) “What is Hume’s Dictum and Why Believe it?” *Philosophy and Phenomenological Research*.

Yablo, S. (1992) “*Mental causation*.” *Philosophical Review*, 101: 245–80.

Предметный указатель

Weltanschauung — 15–16, 31, 35–36, 260, 278, 290

Актуалистская версия — 101–107, 112–113, 117, 120, 122, 125, 216, 245

Аналитическая философия — 15, 30, 278

Антиреализм — 252

Априорный физикализм — 182–183, 199

Аргумент знания — 134–135, 238, 257

Аргумент мыслимости — 22, 33–34, 233–236, 238–239, 242, 244–247, 256–257, 276, 283

Атомизм — 82–87, 91–93, 105–107, 109, 111

Блок, Нед — 254

Блокирующие свойства — 177–179, 184, 188

Боль — 30, 40, 62, 64–65, 135, 147–148, 155–157, 171, 177–178, 180–181, 241, 259, 263–264, 266, 281, 289

Броуд, Ч. Д. — 15, 104, 111, 135, 206

Ван Фраассен, Бас — 222–227, 230

Венский кружок — 24, 27, 38, 41

Витализм — 67, 111, 114–115, 189–190, 221, 246

Возможные миры — 21, 53–54, 57–58, 82, 84, 86, 90–91, 101–111, 118–119, 122, 144–148, 150–151, 164–169, 172, 174–177, 186–187, 189, 191, 203, 209, 216, 228, 237–238, 273–274, 280, 288, 290

Гемпель, Карл — 12, 20, 24, 99, 122, 124–128, 131–140, 209, 261, 287

Декарт, Рене — 104, 135, 169, 272

Дилемма Гемпеля — 12, 20, 99, 122, 124–128, 131–140, 209, 261, 287

Дуализм — 20–21, 33, 50–51, 62, 65–68, 70–71, 73, 76–77, 85, 106–109, 112–115, 117, 156, 161, 165–166, 178–179, 183, 186–206, 215, 221, 226–227, 246, 249, 251–252, 256, 261, 264, 266–267, 270–272, 274, 277, 282, 286–290

Дуализм необходимого следования — 21, 66, 186–206, 270–272, 277, 288

Дуализм свойств — 50–51, 62, 66, 76–77, 85, 156, 264, 286, 289

Дуализм субстанций — 50, 62, 66, 190, 286, 290

Значение — 15–18, 27, 29, 36–38, 42, 44, 49, 65, 68, 78, 87, 95, 97, 124, 126–127, 131, 135–136, 143, 151–153, 159, 162, 168, 193, 201–202, 204–205, 208, 210–211, 213, 226, 229, 235, 241, 243, 247–248, 252,

254–257, 259–260, 262, 273, 277, 290

Интеракционизм — 66, 266, 286–287

Исходная концепция — 19, 74, 80–84, 86–87, 90–91, 93, 95–100, 102, 108, 118–120, 122, 143, 197, 203, 209, 212, 216, 219, 227–228, 245, 273–275, 281–282, 290

Карнап, Рудольф — 24–25, 38–43, 45, 140, 151–152, 260, 290

Каузальная действенность — 22, 66, 263–271, 273, 276, 286–287

Каузальная замкнутость — 22, 262–266, 272–275, 286–287

Каузальное исключение — 22, 264–265, 267–272, 277, 287

Ким, Джегвон — 15, 67, 272, 277

Классический атомизм — 82–84, 91, 105–106, 109, 111, 130, 260

Когерентизм — 68–71, 73, 215, 286

Концептуальный анализ — 218–221, 225, 227, 229–230, 286

Концепция необходимости — 20–21, 142–144, 146–147, 150–151, 154, 160–162, 164, 166–167, 171, 173–175, 177, 180, 182, 186–190, 192, 196–197, 199, 201–204, 206, 272, 288

Концепция реализации — 157–163, 196–197, 289

Концепция тождества — 153–155, 157, 159, 162–163, 196–197, 272, 287

Концепция физической теории — 19, 94, 96–102, 105–108, 112–114, 119, 122–125, 290

Куайн, Уиллард — 15, 41–43, 45, 87, 89–90, 140, 152, 190, 218, 222

Материализм — 14–15, 17–18, 24–27, 39, 42, 50, 68, 70, 72, 82, 84–85, 87, 91, 93, 142, 184, 198, 212, 216–217, 224–226, 252, 258, 260, 262, 274, 278, 288

Ментальная каузальность — 22, 66, 263–267

Метатезис — 19, 118, 209–212, 215–216, 218–221, 228, 244, 275

Метафизика — 21, 24, 36–37, 39, 42–43, 52, 54–58, 70, 93, 126, 144–146, 154, 161, 164–167, 171, 184, 186–187, 191–193, 195–197, 200–203, 205–206, 210, 213, 223, 245, 270–271, 278, 282, 286, 288–290

Метафизическая необходимость — 58, 144, 146, 165–166, 184, 210

Метафизическое необходимое следование — 55–56, 288

Метафизическое различие — 186–187, 191–193, 195–197, 200–203, 205, 210, 271, 278, 286, 288–290

Модальное различие — 192, 195, 200–201, 203, 270–271, 276–277, 288

Мораль — 29, 31, 36–37, 149–150, 152, 201, 214, 247–248, 254–257, 259

Мыслимость — 22, 33–34, 233–236, 238–247, 256–257, 276, 283, 286

Натурализм — 26–27, 34, 36–37, 71, 110

Натуралистический платонизм — 70–73, 215, 249, 261, 288

Нейрат, Отто — 18, 24–25, 38–41, 43, 45, 69–70, 126, 151–152

Нейтральный монизм — 71, 73, 288

Необходимое следование — 19–21, 32, 55–61, 63–66, 72–75, 77, 81–84, 86, 90, 96–97, 101–103, 105–107, 116, 126, 128–130, 142–149, 154, 160–161, 164, 167–170, 172–173, 175, 177, 179–183, 186–206, 209, 260, 270–272, 276–278, 287–289

Опыт — 16, 32, 38, 75, 79, 83, 110, 199, 222–223, 233, 238–239, 241–242, 245–247, 253, 259, 279, 286, 289

Перцептивные свойства — 40, 68, 71–72, 80, 96, 108, 235, 238, 256, 288

Платонизм — 70–73, 215, 249, 261, 288

Плюрализм — 67–69, 73, 289

Поссибилистская версия — 101–102, 106–114, 120, 123, 125

Предпосылки повседневной жизни — 29–30, 32–35, 44–45, 208, 211, 213, 247–249, 256, 259, 282

Принцип исключения — 264–265, 267–272, 277, 287

Проблема размещения — 16, 35–38, 42, 249, 255, 282–283

Психофизическая проблема — 32, 34

Психофизические законы — 21, 148–149, 165, 179–182, 184, 205

Рассел, Бертран — 14–16, 26

Реализация — 20, 56, 153–163, 193, 196–197, 202, 206, 242, 272, 289

Редукционизм — 204–206, 220, 252, 272

Репрезентация — 16, 279

Рорти, Ричард — 34, 42, 211, 284

Сверхдетерминация — 66, 264, 266–269, 286

Свойства второго порядка — 156–161, 289

Семантическая концепция — 151–152, 159, 162, 290

Скептицизм — 21, 23, 42, 208, 211–215, 217–221, 224–225, 227–230, 248, 253, 281–283

Смарт, Дж. Дж. К. — 15, 25, 30, 32–33, 41–43, 45, 93, 104, 116–117, 135, 169, 218, 226–227, 261, 275

Сознание — 15–16, 22–23, 30, 32–34, 37, 40, 64–65, 71, 82, 89, 109–111, 114, 134–136, 152, 171, 214–215, 238–239, 243, 245, 248–250, 253–254, 259, 276, 278, 286

Стандартная картина — 18, 21–23, 28–38, 42–46, 66–67, 208, 210–212, 215, 218, 220, 228, 247–248, 250, 252, 259, 283–284, 290

Субстанция — 50–51, 62, 66, 87–88, 190, 286, 290

Супервентность — 53, 56, 148–151, 163, 175–177, 179, 181–182, 184, 204, 252, 290

Феноменальные понятия — 241–242, 257, 289

Физикализм — 13–56, 58–59, 61–75, 77, 79–86, 90–91, 93, 95–120, 122–130, 132–136, 138–139, 142–

156, 158–167, 169–184, 186–191, 196–206, 208–230, 232–240, 243–249, 251–262, 264–265, 271–278, 280–284, 287–290

Физическая теория — 17–19, 25, 48, 79–80, 89–90, 94–102, 104–108, 110, 112–114, 117, 119, 122–131, 134, 136–139, 216, 225–226, 290

Физические объекты — 25, 29–30, 39–41, 48, 50, 52, 72, 75–80, 82–83, 86–90, 97–99, 101, 107, 113, 126–127, 137, 212, 215, 220, 226, 247, 260, 279, 281

Фундаментальные свойства — 20, 25, 52–56, 60, 64, 67, 72–75, 90, 103, 113, 162–163, 181, 199–202, 246–247, 253, 281, 287

Чалмерс, Дэвид — 12, 165, 174–177

Численное различие — 174, 193, 270–271, 289

Эддингтон, Артур — 87, 89–90, 93

Эмерджентизм — 111, 115, 189

Эпифеноменализм — 66, 171–179, 183–184, 188, 266, 286